4/59

ДБ
5-10
Г 62

УРАЛЬСКАЯ
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ВЫПУСК 3

4
59

М. ГОЛУБЫХ

УРАЛЬСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

УРАЛКНИГА
1924

ФОНД

4/59

УРАЛЬСКАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЫПУСК 3.

ДВ
900
Е62

М. Голубых

УРАЛЬСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Поход отрядов Блюхера—Каширина в 1918 году

4 26/4

Издательство Уралкнига, Екатеринбург, 1924 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
369451 V

Екатеринбург, типография «Гранит»
Акционерного Общества Уралкнига.
Уралобллит № 1145. Заказ № 2275.
Тираж 10.000 экземпляров.

I

Ноябрь 1917 года...

Волна пролетарской революции из Красного Питера быстро докатилась до Урала. Без больших усилий Советы Рабочих и Солдатских Депутатов захватили власть в свои руки в Екатеринбурге и Челябинске. Некоторое время казалось, что Советская власть на Урале и в Приуралье упрочилась, что нет силы, которая могла бы вступить в бой с пролетарскими Советами.

Но недолго царило спокойствие, недолго молодые Советы могли заниматься в мирной обстановке организационной работой. Уже в тот период, когда революционные Советы только начинали формировать на Урале свой аппарат, черные силы, не желавшие без боя уступить власть, начали быстро готовиться к вооруженному противодействию воставшим рабочим и крестьянам.

Буржуазии особо благоприятствовала обстановка на территории бывшей Оренбургской губернии, населенной главным образом казаками...

Организационным центром белогвардейцев был г. Оренбург—местопребывание наказного атамана Оренбургского казачьего войска. Главным руководителем всего белогвардейского движения выступил наказный атаман—полковник Дутов. Он выступил в ноябре 1917 года, как только Оренбургский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов об'явил временное (коалиционное) правительство низложенным.

Дутов приступает прежде всего к подавлению „мятежа" в самом Оренбурге. Окружив себя офицерами, кадетами-добровольцами и казаками, Дутов начал расправляться с большевиками, членами местного Совета, который был арестован по его распоряжению в полном составе во время заседания. Арест сопровождался жестокими побоями. Арестованные Дутовым комиссар Оренбургской губернии С. М. Цвиллинг и председатель Совета Коростелев были так избиты, что в тюрьму их доставили в бессознательном состоянии.

Дутов быстро расправился с Советом. Все партийные организации должны были прекратить свое легальное суще-

ствование и уйти в подполье. В городе воцарился офицерский террор. Белогвардейский сыск принял широкие размеры. Все внимание было обращено на поиски большевиков. Сотни рабочих и солдат, пытавшихся протестовать против действий дутовских офицеров, на улицах избивались нагайками и подвергались немедленному аресту. „Большевиков“ видели в лице рабочих, солдат и даже обывателей, недовольных палочным режимом Дутова. Одновременно Дутовым рассылались по всему казачьему округу офицеры—агитаторы, на обязанности которых лежало распространение среди казаков различных небылиц, подготовка общественного мнения казачества к борьбе с большевиками и, наконец, формирование вооруженных отрядов. Сформированные отряды являлись, так сказать, резервами главных банд атамана Дутова, расположенных в Оренбурге. Но резервные отряды, продолжая оставаться в своих станицах, оказывали большое „содействие“ в искоренении большевизма и в зверстве нисколько не уступали главным силам.

Вот как описывал деятельность одного из таких отрядов бежавший из Оренбурга председатель Троицкого Уездного Земельного Комитета Голощапов:

«...28 декабря (1917 года) я поехал на ст. Сырт с целью продолжать путь. Не доезжая до ст. Сырт, возчик везти отказался, а потому я пошел пешком по направлению к неизвестному мне селу. На пути к этому селу меня встретили шесть вооруженных, один из них с ружьем, а остальные с палками; двое из них схватили меня за руки, и под угрозой смерти я принужден был итти, как они говорили, в станицу. Когда меня ввели во двор станицы, я увидел массу человеческих трупов и следующие потрясающие душу зрелища: били какого-то солдата чем попало, добили до смерти и бросили в кучу трупов; затем принялись истязать мальчика, ломали ему руки и ноги и, наконец, сбили череп и бросили в ту же кучу трупов. Во дворе, в толпе казаков, находился сотник (казачий офицер) Орлов, который раньше видел и слышал меня во время моего выступления, как представителя Троицкого Уездного Комитета в Оренбургском казачьем Кругу, где я, между прочим, требовал от имени Троицкого Уездного С'езда освобождения из-под ареста Цвиллинга и Коростелева. Орлов узнал меня и выкриками по моему адресу: „Он большевик, ему надо земли и воли, так дайте ему ребята!“—натравил на меня толпу казаков. Избиение солдата и мальчика так подействовало на меня, что я лишился сознания и уже не помню с этого момента, что было. Меня начали бить, но кто и чем—не помню. Придя в сознание, я увидел, что нахожусь в виденной мною ранее куче трупов без верхней одежды, в одном нательном белье, босиком. Проходивший мимо казак, увидев, что я жив, сообщил об этом

своим. Те пришли на зов казака, вытащили меня из кучи трупов и, видимо, хотели добивать меня. Но в это время во двор вошел офицер первого запасного казачьего полка И. П. Велин, который остановил раз'яренную толпу словами: „Этот человек—представитель всего Троицкого уезда, за которого вам придется строго отвечать"—и предложил желающим взять меня под охрану. Затем я снова лишился сознания. В сознание я пришел 29 декабря в избе казака Донецкого поселка той же станицы И. Я. Егорова, усилиями которого я пришел в себя. Испытывая нечеловеческие страдания, я просил убить меня, но в ответ услышал голос казака Егорова, который сказал мне, что я нахожусь у добрых людей и, следовательно, спасен. У казака Егорова я пролежал пять суток. На шестые сутки Егоров заявил мне, что держать меня в своей избе дольше не может, т. к. ему самому грозит за это смерть, как за укрывательство, и предложил мне ночью выехать. Настолько сильны были мои физические страдания, что я только после заметил, что на пятках моих вырезана кожа с мясом. Всех мучений я не в силах описать"...

Казачьи офицеры стараются проявить возможно больше энергии для того, чтобы поднять казаков против революционных рабочих и солдат. Сами будучи жителями деревни, казачьи офицеры без большого труда начинают создавать среди казаков действительно антибольшевистское настроение. Они натравливали казаков против большевиков, рассказывая, что большевики отберут у казаков их земли и леса. Путем распространения таких вздорных слухов офицеры начали находить много сторонников в лице зажиточных казаков, которые боялись, что у них отберут наследственные земли. Охотно шли за офицерами бывшие урядники (унтер-офицеры), рассчитывая в ближайшее времы за свою службу быть произведенными в офицерский чин. Казаки—бедняки, недавно демобилизованные, всячески уклонялись от вступления в отряды и даже вели втихомолку агитацию среди одностаничников за создание Советов. За противодействие офицерам и свою агитацию казаки—бедняки сами начали подвергаться жестоким преследованиям.

В казачьей деревне произошло расслоение. Образовалось два лагеря: сторонники Дутова и сочувствующие Советской власти. Первые направляли свои силы в Оренбург, к Дутову, вторые, гонимые офицерами, бежали в города, имевшие Советы Солдатских и Рабочих Депутатов.

В то время, как приспешники Дутова раз'езжали по деревням, сам Дутов предавался в Оренбурге пьяному разгулу и занимался поркой рабочих и арестами. Поведение Дутова и его соратников—пьяных офицеров с каждым днем все больше и больше озлобляло рабочих. Они тайно начали готовиться к

вооруженной борьбе с дутовцами. Ими были освобождены из тюрьмы арестованные Дутовым Цвиллинг и Коростелев. Рабочие формировали красногвардейские отряды. Пролетарские силы расли, но выступление в то время было нецелесообразно, т. к. силы дутовцев значительно превышали по своей численности силы рабочих. Нужна была поддержка.

Такая поддержка была послана самарскими и челябинскими рабочими. В конце декабря 1917 года рабочие отряды начали наступление на Оренбург вдоль железной дороги Самара—Оренбург. Но, будучи мало организованными, не имея хорошо подготовленного командного состава, рабочие отряды потерпели поражение и вынуждены были отступить к ст. Кинель.

После неудачного наступления на Оренбург рабочих отрядов в Челябинск прибыл для формирования новых сил С. М. Цвиллинг. В сравнительно непродолжительный срок т. Цвиллингу при дружном содействии Челябинской и Екатеринбургской организаций РКП (б.) удалось сформировать два отряда для борьбы с Дутовым. Первый отряд, сформированный из рабочих пермских заводов, численностью до полутора тысяч, был отправлен под Оренбург под командой рабочего Борчанинова. Второй отряд, сформированный из моряков Балтийского флота (кораблей «Гангут» и «Петропавловск»), находившихся в Челябинске, численностью до 800 человек, был отправлен к Оренбургу под командованием бывшего мичмана Павлова. Политическое руководство отрядами было поручено тов. Цвиллингу.

Одновременно с этими эшелонами под Оренбург были направлены два-три эшелона самарских и сызранских рабочих. Революционные отряды, численностью до четырех тысяч человек, в начале января повели наступление на г. Оренбург. Встречая незначительное сопротивление дутовцев, отряды продвигались до ст. Сырт (40 верст от Оренбурга). При продвижении рабочих отрядов казаки прилежащих к железной дороге поселков вели себя сдержанно; крестьянские селения приветствовали красные войска и выставляли добровольцев. Село Павловское организовало свой отряд, который участвовал во всех боях, вплоть до занятия Оренбурга.

Дутовские главные силы, расположенные в Оренбурге, видя приближение революционных войск, предались панике. У дутовцев началось разложение, рядовое казачество стало покидать ряды своего атамана и раз'езжаться по своим станицам.

19 января 1918 года Оренбург был занят красными войсками. Вступавшие в город красные части были встречены оренбургскими рабочими с большим энтузиазмом. Многочисленные толпы рабочих приветствовали красных бойцов.

Дутов, разбитый красными войсками, вынужден был оставить Оренбург. С небольшой шайкой офицеров он перебрался

в Верхнеуральск. Но мысль о мобилизации всех оренбургских казаков для борьбы с большевиками не покидала Дутова. Он надеялся снова собрать вокруг себя бывших офицеров, с их помощью сформировать казачьи полки и двинуться для «покорения» тех городов, в которых у власти были Советы. Прежде всего Дутов об'явил себя командующим войсками Оренбургского военного округа (несуществовавшего ранее). Немедленно Дутовым был собран Войсковой Круг прежнего состава (избравший его атаманом). На Круг прибыли преимущественно зажиточные казаки—старики и офицеры. Круг этот, так же, как и в Оренбурге, об'явил дутовскую банду «Войсковым Правительством» и вынес постановление о полной мобилизации казачества для борьбы с Советской властью. В частности, решено было сформировать в Верхнеуральске два конных полка, но этого не удалось сделать: фронтовики категорически отказались подчиниться постановлению Круга. Тогда решено было призвать на военную службу только добровольцев.

По словам Дутова, денег у него было много, и он надеялся еще на получение громадных сумм от капиталистов и помещиков. Много было денег и у других офицеров, но эти деньги скоро растаяли—были пропиты.

Сам Дутов зажил в Верхнеуральске довольно весело. Назначил комендантов, ад'ютантов, советников, главноначальствующих и т. д. В небольшом городе Верхнеуральске, имеющем пять тысяч жителей, дутовцы начали устраивать пьяные оргии, драки. Пьяные офицеры быстро ликвидировали местный Совет и опять принялись за отыскание большевиков среди местных рабочих. Все коммунисты и сочувствовавшие им рабочие вынуждены были бежать из Верхнеуральска в Белорецкий завод (в пятидесяти верстах от Верхнеуральска). В это время в Белорецком заводе уже существовала довольно значительная организация большевиков из местных рабочих. Здесь-то и нашли себе приют все бежавшие из Верхнеуральска большевики. Под умелым руководством старого большевика Точицкого, при материальной поддержке Уфимской организации в Белорецке быстро были сформированы красногвардейские отряды для борьбы с дутовцами.

8-го марта 1918 года красногвардейцы подошли к гор. Верхнеуральску. В это же время в самом городе рабочие подняли восстание против Дутова. Общими силами красногвардейцев и восставших рабочих дутовские банды были изгнаны из Верхнеуральска. Неоценимую услугу в деле захвата революционными отрядами Верхнеуральска оказал бывший в то время атаманом Верхнеуральской станицы Д. И. Каширин (отец братьев Кашириных, прославившихся своими действиями в

боях против белогвардейцев). Революционные отряды пополнились двумя преданными им командирами—быв. казачьими офицерами братьями Кашириными—Иваном и Николаем.

Но дутовские банды не унимались. Они быстро привели себя в порядок, решили вновь захватить в свои руки Верхнеуральск и через несколько дней начали наступление.

Находившиеся в Верхнеуральске белорецкие рабочие и рабочие Верхнеуральска дали наступавшим белогвардейцам могучий отпор. В городе не было ни одного рабочего, который не сражался бы в этот день с дутовцами. Не имевшие винтовок шли в бой с охотничьими ружьями. В самоотверженно сражавшиеся ряды рабочих вливались новые бойцы. На помощь рабочим шли их жены, дети—подростки. Те из них, кто не умел владеть оружием, были заняты доставкой патронов, сооружением окопов. И несмотря на отсутствие в рядах рабочих настоящей военной дисциплины, ни один отряд не дрогнул перед густыми, руководимыми офицерами дутовскими бандами. Рабочие стойко сдерживали наседавшего противника. Они мужественно погибали от пуль врага на глазах своих родственников, многие из них были свидетелями ранения и смерти своих детей—участников боя. Но город не был сдан дутовцам. Враг был разбит...

В течение марта и апреля 1918 года Дутов, имея около 300 офицеров и до трех тысяч казаков, скрывался в казачьих поселках в районе г. г. Верхнеуральска, Троицка, Орска. Дутов попрежнему был занят мобилизацией сил. Дутов со своими частями переходил из одного поселка в другой, пополняя свои ряды казаками-кулаками. Но и во время «мобилизации» Дутов продолжал действовать активно. Так, в марте—апреле небольшие отряды, высылаемые Дутовым, несколько раз делали налеты на железную дорогу Троицк—Полетаево и Троицк—Орск. Налеты обычно сопровождались разрушением железнодорожного полотна, порчей телеграфных проводов, избиением железнодорожных служащих. Частые переходы отрядов Дутова из одного поселка в другой сильно затрудняли ведение борьбы с ними. Но все же в конце апреля 1918 года соединенному отряду из пермских, екатеринбургских и челябинских рабочих в районе станции Каргалы (по линии Троицк—Орск) удалось разбить главные силы Дутова.

Дутов с небольшим отрядом бежал в Киргизские степи, где и сумел укрыться до поры, до времени...

II

В то время, как Дутов со своими бандами оперировал в районе Оренбург—Верхнеуральск—Троицк, в Екатеринбурге, Перми и Челябинске Советами велась большая организацион-

ная работа. Необходимо было произвести демобилизацию запасных полков, расположенных в этих городах, срочно создать аппарат управления. Много энергии уходило на отправку продовольственных эшелонов для старой армии, находящейся на русско-германском фронте. Прибывавшие из центральных губерний за приобретением хлеба крестьяне (называемые в то время «мешечниками») в полном смысле этого слова забивали железнодорожный транспорт и мешали плановым перевозкам.

Нужно было посылать отдельных товарищей в крупные села и даже в такие города, как Златоуст, Курган в качестве агитаторов и организаторов Советов на местах. Вследствие этого силы распылялись, молодой Советский аппарат с первых же дней своей работы ослаблялся.

Выступление Дутова и его непрерывные налеты требовали посылки вооруженных отрядов и пополнений для них. Все говорило за то, что нужно приступить к формированию регулярной Красной Армии. В феврале 1918 года в Екатеринбурге и Челябинске приступили к формированию красноармейских частей. Довольно быстро удалось сформировать в Челябинске несколько красноармейских рот и одну артиллерийскую батарею. К первому мая 1918 года в Екатеринбурге был сформирован 1-й Уральский Стрелковый (красноармейский) полк.

Сложная обстановка требовала необычайного напряжения сил, умелого руководства и быстроты действий. Города Урала и Приуралья, не имея еще налаженного аппарата, но видя грозную опасность в лице Дутова, непрерывно должны были оказывать друг другу поддержку вооруженной силой. То к одному, то к другому пункту приближался противник и угрожал полным разгромом. Немедленно формировались в ближайших городах отряды и посылались на помощь. Пролетарские организации сознавали, что поражение в одном месте неизбежно сулит поражение в другом. Поэтому взаимная поддержка оказывалась быстро без всяких распоряжений из центра. Так, в ноябре на помощь Челябинскому Совету прибывает из гор. Самары отряд, сформированный из 500 солдат Самарского пехотного полка и одной артиллерийской батареи. Во главе этого отряда стояли бывший капитан старой армии Садлуцкий и военком Блюхер. Из прибывшего отряда сформировалось главное ядро вооруженных сил. Вскоре по прибытии отряда в Челябинск, командование было передано бывшему военкому отряда тов. Блюхеру. Ему же фактически пришлось руководить формированием красноармейских частей в Челябинске и борьбой с Дутовым в районе Челябинска, Троицка и Верхнеуральска.

Тов. Блюхер, рабочий по профессии (мануфактурщик), унтер-офицер Самарского запасного полка, быстро понял необходимость сформирования стойких дисциплинированных крас-

ноармейских частей. Он был одним из первых пролетарских командиров, вышедших из рядовых солдат. Тов. Блюхер быстро умел ориентироваться в окружающей обстановке, обладал необычайными организаторскими способностями, а вместе с тем отличался необычайной простотой и спокойствием. Все эти качества быстро создали ему большой авторитет среди красноармейцев. Безусловная преданность делу пролетарской революции и проявленные большие способности заслуженно выдвинули его на ответственный пост руководителя пролетарскими отрядами, действовавшими против контр-революционных банд Урала.

Всю зиму 1917-18 г. тов. Блюхер занимался формированием красных отрядов, которые тотчас же посылались против Дутова.

Вся зима 1917-18 года на Урале протекала в непрерывной борьбе с контр-революционными бандами. Каждый момент был дорог. И каждый момент имел свои особые задачи, свои особые нужды.

Такая работа «наскоками» отвлекала внимание работников от планомерной основной работы по созданию постоянной, регулярной Красной Армии.

В начале 1918 года запасные полки старой, царской армии, расположенные на Урале, были демобилизованы. Советы дружно приступили к формированию частей Красной Армии. Но отсутствие опыта в этом деле, громадный недостаток подготовленного и преданного Советской власти командного состава сильно тормозили создание Красной Армии. В городах, где начиналось формирование красноармейских частей, массами начали сосредоточиваться офицеры царской армии, которые в поисках заработка устремились в качестве «добровольцев» в красноармейские части. Офицеры-„добровольцы“ (за редким исключением) всеми способами противодействовали созданию Красной Армии. Они умышленно медлили с вербовкой рядовых красноармейцев из рабочих и крестьян. Вступившие же в ряды Красной Армии рабочие и крестьяне не только не обучались бывшими офицерами военному делу, но все меры принимались ими к тому, чтобы в казармах не было порядка, чтобы красноармейцы проводили время в безделье. И даже больше. Эти же офицеры, пользуясь отсутствием в то время военкомов, вели в красных казармах белогвардейскую агитацию.

Туго подвигалось при таких условиях дело формирования красноармейских частей. Как исключение, в Екатеринбурге к весне 1918 года был сформирован из рабочих уральских заводов красноармейский 1-й Уральский стрелковый полк. И несмотря на то, что в этом полку имелось до сорока беспартийных офицеров, полк наспех обучался военному делу,

была введена настоящая воинская дисциплина, и все офицеры, преданные Советской власти, сами руководили политическим воспитанием красноармейцев.

В это же самое время в Челябинске из демобилизованных солдат Самарского отряда была сформирована одна артиллерийская батарея и две—три пехотных роты.

Таким образом, Урал обладал к весне 1918 года крайне незначительными военными силами.

Но враг не ждал. Дутов в апреле опять начинает поднимать голову. Всюду в казачьх поселках Оренбургской губернии появляются небольшие партизанские отряды. Сам „Дутов со своими главными силами опять появляется в районе Оренбург—Илецкая Защита.

Рабочие Оренбурга не имели достаточных сил для борьбы с подступавшим врагом. Дутов вновь начинает угрожать захватом Оренбурга в свои руки. Оренбургу необходимо оказать срочную поддержку. Такая поддержка оказывается Уралом.

В первых числах мая под Оренбург, по постановлению Уральского Областного Исполкома, отправляется под командой тов. Блюхера сводный отряд в составе 1-го Уральского стрелкового полка, челябинской батареи и отряда рабочих челябинских копей. Этот отряд—в составе, примерно, до полутора тысяч человек—отправился под Оренбург. Под Оренбургом завязалась ожесточенная борьба рабочих и красноармейцев с дутовскими бандами. Рабочие напрягали все силы, чтобы не сдать города, чтобы опять не оказаться под пятой Дутова.

В то время, как лучшие уральские рабочие сражались под Оренбургом, контр-революция на Урале не оставляла мысли о борьбе с Советами. Она видела, что своими силами с большевиками расправиться не удастся, и начинала искать для себя союзников. Скоро такой союзник и был найден в лице чехословаков.

Вот как все это случилось.

В царской армии из пленных был сформирован чехо-словацкий корпус численностью до сорока тысяч человек. Корпус этот сражался в рядах старой армии на русско-германском фронте. После того, как Советским Правительством был подписан мирный договор с Германией, чехо-словаки не пожелали больше оставаться в России. Они договорились с французским правительством о том, чтобы им была предоставлена возможность сражаться против немцев в рядах французской армии. Советское Правительство охотно согласилось на пропуск чехословаков во Францию через Владивосток. Весной 1918 года эшелоны чехо-словаков потянулись из России на восток. В это же время командный состав чехо-словацкого корпуса договаривался с французским правительством о захвате чехо-сло-

ваками в России власти в свои руки по низвержении большевиков. Чехи исподтишка готовились к восстанию. Они выбрали для начала выступления очень удачный момент, а именно, когда эшелоны чехо-словаков были растянуты по линии железной дороги Пенза—Челябинск. Это было в мае 1918 г.

Особенно много было сосредоточено чехо-словацких частей на ст. Челябинск—до девяти тысяч. Здесь в средине мая был устроен по инициативе командного состава чехо-словацкий „с'езд", подробности которого до сих пор еще остаются невыясненными, но который несомненно являлся лишь ширмой подготовки разбойного нападения на Советскую Россию.

17 мая в Челябинске чехо-словацкие отряды ворвались в город и заняли его центр. Это свое выступление чехо-словаки об'ясняли тем, что они намерены были освободить из тюрьмы арестованных местным Советом за убийство красноармейца мадьяра десять чехо-словаков. Челябинский Исполком вступил с чехами в переговоры о ликвидации инцидента мирным путем. Чехи выразили на это согласие и немедленно вывели из города свои вооруженные отряды. Переговоры Исполкома с чехами тянулись недели полторы. Чехи отлично использовали этот период для подготовки своих сил к новому выступлению. Они будировали местную буржуазию, устанавливали тесную связь с меньшевиками, эс-эрами и бывшими офицерами. По казачьим станицам ими рассылались гонцы для мобилизации казаков и скрывавшихся там офицеров.

Надо заметить, что руководители чехов, учитывая свою слабость, вели хитрую политику: кричали о славянстве, о своих „идеалах", о том, что они „тоже социалисты" и хотят только ехать домой, но большевики, видите-ли, их туда не пускают. Их ораторы такой грошевой демагогией не раз срывали аплодисменты на собраниях тех же самых рабочих, с которыми они так жестоко и беспощадно расправлялись впоследствии...

В ночь на 27 мая чехи вновь захватили Челябинск. Они заняли красноармейские казармы, разоружили немногочисленных красноармейцев и принялись за очистку красноармейских цейхгаузов. Они начали вывозить красноармейское оружие и обмундирование на свои склады—на вокзал, как потом оказалось, для формирования белогвардейских отрядов. Захватывая под шумок государственные учреждения и воинские склады, чехи усиленно спюхивались с местными меньшевиками и эс-эрами. Вместе с тем всем советским работникам они заявляли: „Вы не беспокойтесь, мы сами социалисты, в ваши русские дела мы не намерены вмешиваться". Чехи вели переговоры с Советом „об от'езде во Владивосток", гарантировали „невмешательство" в деятельность советских организаций и

„признание“ Советов. Все же их цели сводились-де только к тому, чтобы освободить десять арестованных Советом товарищей и из'ять из Красной Армии мадьяр.

Челябинский исполком в первые дни не придавал серьезного значения восстанию чехо-словаков. Все думали, что все „обойдется“. Никаких решительных мер для подготовки вооруженного отпора не предпринималось. Насколько выступление чехо-словаков казалось несерьезным, можно судить по тому, что Исполком не выдал оружия мадьярам, которые настойчиво добивались вооружения их для защиты Советской власти.

Чехи наглеют. Челябинские рабочие начинают сознавать всю хитрую затею чехов и 29 мая об'являют забастовку. А чехи уже в этот день начинают приступать к арестам советских работников, большевиков и наиболее активных рабочих. Совершенно очевидным стало, что активным сторонникам Советской власти больше оставаться в городе, без риска быть арестованными, нельзя. Товарищи начали покидать город. Одни отправлялись в Шадринск, другие в Златоуст, Екатеринбург, а часть в крестьянские деревни для организации вооруженных отрядов.

А чехи вели в Челябинске свою работу. 30-го мая они уже арестовали Исполком и приступили к разгрому советских и партийных организаций. В городе начали появляться казачьи отряды, „прибывшие из деревни на помощь освободителям“—чехам. Бывшие офицеры, находившиеся в рядах Красной Армии, мгновенно перешли в услужение к чехам и приступили к формированию новой армии, так называемой «народной».

Естественно, что сосредоточение чешских отрядов в одном Челябинске не могло продолжаться долгое время. Им нужно было распространить свою власть на большую территорию. С этой целью чехи 30-го мая и начали наступление по всем направлениям от Челябинска. Главные же удары ими были направлены по линиям железных дорог: на Курган, Златоуст, Екатеринбург и Троицк.

Для всех было ясно, что начинается ожесточенное наступление буржуазии на Рабоче-Крестьянскую Республику. Без слов было понятно, что для удержания власти в руках трудящихся со стороны последних потребуются необычные усилия, длительная борьба и колоссальные жертвы. Начался бой двух неравных по силе сторон. В одном лагере были хорошо обученные чехо-словаки, руководимые подготовленным командным составом, в другом—рабочие и крестьяне, на-спех начавшие формировать свои боевые отряды под руководством таких же рабочих и крестьян, не имевших нужных военных знаний, но обладавших революционным порывом и жаждой победы над врагом. И несмотря на то, что чехо-словаки получили гро-

мадную поддержку в лице казаков, эс-эров, меньшевиков, бывших генералов царской армии и иностранных капиталистов, уральский пролетариат не складывал оружия, не отступал перед численно и качественно превосходным врагом. Трудящиеся Урала стойко вели борьбу. Они спешно формировали могучую Красную Армию. В тех случаях, когда она попадала в невыносимо тяжелые условия—окружалась врагом, они не сдавались. Они жертвовали своей жизнью, жизнью своих близких, формировались в красные партизанские отряды, уходили в леса, в горы и оттуда вновь переходили в наступление на врага. Они были воодушевлены одним стремлением, одним порывом—победить или умереть!

Тысячи красных партизан пали на полях битвы. Но их товарищи продолжали начатое дело. Они не падали духом, никогда не думали о поражении. Они стремились к победе над врагом, к оказанию поддержки красным полкам, наступавшим из центра России. Красные партизаны знали, что своей борьбой они ускоряют победу трудящихся, истощают врага. Красные партизаны сознавали, что с их смертью не умрет та идея, за которую они вели борьбу. И в результате действительно они победили. Их идеалы живы.

* *

В начале июня чехо-словаки, как мы уже говорили об этом раньше, повели наступление по четырем направлениям от Челябинска. Красноармейские отряды и Советы уральских и приуральских городов оказались в самых различных положениях. Одни из них были необычайно малочисленны и не могли оказать никакого сопротивления внезапно подошедшему противнику. Другие при наличии достаточных сил и некоторых запасов вооружения не имели еще должной военной организации и поэтому при первых столкновениях с противником терпели поражения. И наконец, третьи, при наличии воинских сил и хороших организаторов, немедленно повели работу в двух направлениях. Отправляя навстречу противнику вооруженные отряды для оказания ему сопротивления, они вместе с тем энергично принимались за проведение мобилизации, формирование воинских частей, организацию штабов.

Чехами без всякого сопротивления был захвачен город Курган, Миасский завод (при наличии незначительных красноармейских гарнизонов сопротивление было совершенно бесполезным и безнадежным).

Особенно большая работа по оказанию сопротивления чехо-словакам была произведена в Екатеринбурге. Из Екатеринбурга по направлению к Челябинску немедленно было отправлено несколько рабочих отрядов. В городе формирова-

лись красноармейские полки. Благодаря энергии и упорству, с которыми формировал Екатеринбургский Совет красноармейские части, в екатеринбургском направлении имелась возможность в течение долгого времени сдерживать врага.

Чехо-словаки наступали по всем направлениям. Особенно энергичное наступление они развивали на г. Троицк. Троицк привлекал их внимание по двум причинам. Во первых, чехословаки знали, что в Троицке имеются довольно значительные красноармейские части, которые сами могут перейти в наступление, во вторых, занятие Троицка им сулило новое пополнение их армии казаками.

В Троицке в то время находились следующие воинские части: 17 стрелковый полк с 6 орудиями и 32 пулеметами, дружина коммунистов и отряд интернационалистов (венгров). Таким образом, в Троицке к моменту выступления чехо-словаков было приблизительно до полутора тысяч наших войск. С этими силами Троицку и пришлось выступить в борьбу с чехами. Троицкий Совет, не дожидаясь наступления чехо-словаков на Троицк, сам организовал встречу им. Все имеющиеся в Троицке воинские силы были направлены на станцию Полетаево (в направлении Челябинска). На станции Полетаево троицкие части вступили в первый бой с подошедшими чехословаками. Бой окончился неудачей для красных войск, и они, оказывая сопротивление, начали отходить к Троицку. Неудачи Троицкого отряда об'яснялись не малодушием красноармейцев, а исключительно отсутствием согласованности в действиях командного состава. Но по мере того, как красноармейские части отступали к городу, в нем велась большая работа по подготовке к обороне. На буржуазию был наложен местным Советом сбор в 500.000 рублей. Была произведена мобилизация на окопные работы. Вокруг города быстро были устроены окопы, установлены проволочные заграждения.

Рано утром 13 июня было обнаружено наступление чехословаков на станцию Троицк. К станции приближался бронированный поезд, по обеим сторонам которого следовали наступающие цепи неприятельской пехоты. И, несмотря на то, что нашими частями был открыт по поезду артиллерийский и ружейный огонь, поезд продолжал приближаться к нашим окопам, нанося страшные потери. Опасность была велика. Большую находчивость в этот момент проявил начальник дружины железнодорожников тов. Дмитриев. Видя приближающийся броне-поезд противника, он быстро вызвал нескольких машинистов и спокойным, деловым тоном отдал следующий приказ:

— Немедленно пустить полным ходом пустой паровоз навстречу наступающему броне-поезду!

Паровоз был пущен и разбил бронированную площадку неприятеля, причем многие белогвардейцы, находившиеся в поезде, были убиты и ранены. Но наши части все таки не могли сдержать наступающей пехоты противника и к вечеру оставили вокзал и часть города.

Как только чехи заняли станцию Троицк, они прежде всего начали мстить железнодорожникам за крушение бронепоезда. В первые же часы по занятии чехами вокзала ими зверски было убито восемьдесят железнодорожников.

Военкоматом был отдан приказ об эвакуации города. На подводах начали вывозить из города все запасы оружия, обмундирования, снаряжения и денежный ящик финотдела. Но немного спустя по данному приказу отступающие войска вернулись обратно в город, и совместно с вновь мобилизованными было начато наступление на чехо-словаков. Чехо-словаки потерпели поражение и отступили на 40 верст от города. Наши части в этом бою потеряли до 62 человек убитыми и большое число ранеными.

Но все знали, что оправившись от поражения, чехи вновь перейдут в наступление. В городе шла лихорадочная подготовка к отпору противника. По поручению Совета казак—фронтовик Н. Томин приступил к спешному формированию из фронтовиков—казаков кавалерийского полка. В течение двух-трех дней им был сформирован кавалерийский полк численностью до 500 человек. Силы красных увеличились, и уже можно было надеяться на то, что будущее наступление чехословаков безусловно можно будет отбить.

Но случилось иначе.

Лица, стоявшие во главе командования всем Троицким отрядом, попрежнему продолжали заниматься спорами между собой и почти ничего не делали для предотвращения надвигавшейся грозной опасности, для усиления боеспособности частей.

Ночь 18 июня... Вокруг города тишина. Красноармейцы занимают окопы, расположенные около города. Все безмятежно спят, надеясь на бдительность высланной разведки. Но разведка, не чувствуя над собой контроля, после нескольких часов боевой работы также предалась сну.

После полуночи неожиданно к спящим в окопах красноармейцам подошли отряды чехов. Красноармейцы, застигнутые врасплох, открыли беспорядочную стрельбу по наступающему противнику. Часть красноармейских отрядов начала отступление, не оказывая никакого сопротивления врагу. Выступивший на поддержку пехотным частям кавалерийский полк имени Степана Разина под командой тов. Томина, уже бессилен был восстановить утраченное положение. Покинутых

пехотой окопов не удалось отбить у противника, и кавалерийский полк был в состоянии только лишь сдерживать наступление чехо-словаков, чтобы тем самым дать пехоте возможность отойти, сохраняя порядок. Благодаря своевременной поддержке кавалерийского полка, частям удалось отступить от города, поддерживая относительный порядок. Из города удалось вывезти все находящиеся там пулеметы, орудия и часть снаряжения. Но в виду спешности отступления не были вывезены оружие, снаряды и деньги.

Отступление было столь неожиданным, что командование даже не успело отдать всех нужных распоряжений. Поэтому отступление происходило неорганизованно, стихийно. Части направились по двум направлениям, на Кустанай и по Орской железной дороге. Отряды —отступавшие на Кустанай, зарыли оружие и разошлись. Отряды же, отступавшие по Орской железной дороге, в двадцати двух верстах от Троицка разбили стоявшие там казачьи части и отошли к Верхнеуральску, где и соединились со стоящими там красноармейскими частями.

Заняв Троицк, чехо-словаки произвели в городе дикую расправу: ими было расстреляно около трех тысяч рабочих и служащих. Были произведены многочисленные аресты сторонников Советской власти не только в городе, но и в деревнях. Так, в селе Николаевке, Екатерининской волости, было арестовано 150 крестьян. Присоединявшиеся к чехо-словакам бывшие офицеры и кулаки-казаки были особенно беспощадными проводниками белогвардейского террора. Белогвардейцы с гордостью победителей расхаживали по улицам Троицка, размахивая нагайками, занимаясь поисками большевиков. Каждого рабочего и служащего, на кого только указывали представители местной буржуазии, без всякого следствия и суда тут же на улице расстреливали. Расстрелы, истязания нагайками стали столь обычными, что никто из жителей города не удивлялся, натыкаясь на улице на труп большевика или на избитого до полусмерти рабочего. Зверские расправы белогвардейцев встречали полное сочувствие местной буржуазии; она очень охотно приходила на помощь разбушевавшимся офицерам и казакам, бросая камни в проводимых по улицам арестованных, посылая им в лицо плевки.

Буржуазия и офицерство торжествовали. Они устраивали пышные встречи своим «освободителям». Организовывали пьяные оргии и готовили силы для оказания вооруженной поддержки чехо-словакам. Началось формирование «народных» — добровольческих отрядов. Буржуазия и офицерство надеялись на свои толстые карманы и знание военного дела. Они думали, что победа им достанется легко. Они надеялись на то, что

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

мало организованные отряды большевиков не в состоянии будут оказывать им сильное сопротивление и после первых же боев рассеятся.

Но белогвардейцы жестоко ошиблись в своих радужных надеждах. Усилившееся белогвардейское движение не поколебало духа уральских пролетариев. Наряду с ростом белогвардейских сил увеличивались и силы красных бойцов. Первые поражения не смущали красноармейцев, наоборот. Именно в первых боях они на практике изучили военное дело. Они строили свои ряды для оказания упорного сопротивления, для наступления, для победного боя...

III

В небольшом, имеющем пять тысяч населения городе Верхнеуральске жизнь текла своим чередом. Захватившие власть рабочие города были заняты созданием новых органов управления. Дни и ночи местный Исполком и партийные организации проводили в заседаниях, совещаниях. На очереди стояли вопросы громадной важности. Надо было скорее организовать Советы в деревне и организовать их так, чтобы в них были выбраны бедняки и казаки-фронтовики. Сильно приходилось опасаться за то, что в Советы могут пройти бывшие казачьи офицеры и кулаки-казаки. Приходилось спешить и с организацией производства на национализированных предприятиях. Небольшие кожевенные заводы, отобранные у местной буржуазии, уже больше месяца стояли. Надо было начать заготовку сырья, топлива, организовать рабочих. Вся эта сложная работа была поручена нескольким местным рабочим-кожевникам и недавно вернувшимся с фронта солдатам. На «спецов» рассчитывать не приходилось: их не было в городе. Часть спецов еще зимой бежала с Дутовым, другая часть весной «временно» раз'ехалась по разным городам, рассчитывая на то, что Дутов еще вернется и раз навсегда разделается с ненавистными для них большевиками.

Вместе с этой работой ни на минуту не приходилось забывать и о военной опасности. В конце мая из Верхнеуральска под Оренбург для борьбы с дутовскими бандами был отправлен отряд под командой преданного Советской власти бывшего казачьего офицера Николая Каширина. В отряде было триста человек пехоты, триста кавалеристов и два трех-дюймовых орудия. Верхнеуральский Исполком много положил сил для того, чтобы сформировать этот отряд, обмундировать и вооружить его. Теперь, с уходом под Оренбург отряда Николая Каширина, Верхнеуральский Исполком беспокоило два обстоятельства: отстоящий на 130 верст от железнодорожной станции город нельзя было оставить в тот момент без воин-

ской силы, а для сформирования новых отрядов требовалось вооружение и обмундирование, запасов которых в городе не было. Но Исполком сознавал, что без воинских частей небольшому городку, окруженному казачьим населением, оставаться рискованно. Выбрали делегацию и отправили в Уфу за обмундированием и оружием. Скоро посланная делегация возвратилась, доставив небольшое количество обмундирования и оружия. Исполком приступил к формированию нового красноармейского отряда. Председатель Исполкома—молодой солдат Иванов был занят исключительно формированием отряда. Он сам отыскивал в городе помещение для расквартирования красноармейцев, рассылал гонцов для вербовки добровольцев, занимался разработкой штатов формируемого отряда. Слабый здоровьем Николай Иванов круглые сутки проводил за работой. Его заветной мечтой было—победа пролетарской революции. Через четыре дня тов. Иванов сформировал две роты в триста человек. Но тяжелая, непрерывная работа окончательно надорвала его здоровье. Он так обезсилел, что его пришлось положить в больницу. И больше уж он не встал, смерть унесла его от нас...

В первых числах июня в Верхнеуральске был созван Первый Уездный С'езд Казачьих и Крестьянских Депутатов. На С'езд прибыло всего до 500 делегатов. Часть делегатов составляли казаки-фронтовики, которые были искренно преданы Советской власти. Другую часть составляли казаки-середняки и даже кулаки, которые больше мечтали о возвращении Дутова, чем об установлении власти трудящихся. Они старались главным образом показать только себя сторонниками Советов, в действительности же у большинства из них была затаенная злоба за отобранные у них и переданные беднякам сотни десятин земли и лесов, подаренных их предкам «за особые заслуги» царями. Эта часть делегатов не только неискренно принимала решения на С'езде Советов, но при первом же слухе о наступлении белогвардейцев готова была присоединиться к ним.

Так и случилось. Как только в Верхнеуральске были получены первые вести о захвате чехо-словаками Челябинска и начавшемся наступлении на Троицк, «делегаты» второй группы начали вести в своей среде тайные переговоры о «приближающихся чехах, о готовящемся падении большевиков» и пр. Затем они стали постепенно переходить к открытым действиям. В одиночку они начали покидать заседания С'езда и раз'езжаться по деревням. Из пятисот делегатов осталось только лишь двести. На месте остались сознательные, действительно преданные революции.

С'езд Советов, получив подробные сведения из Троицка о выступлении чехо-словаков, решил прекратить обсуждение вопросов, стоявших на повестке дня, и заняться исключительно подготовкой к обороне. В первую очередь был поставлен на разрешение вопрос о вербовке людей для отрядов. Было два мнения: сторонники мобилизации и сторонники привлечения в ряды Красной Армии исключительно добровольцев. В конце-концов одержали верх сторонники формирования отрядов из добровольцев. Для того, чтобы скорее и более успешно завербовать добровольцев, решено было всех делегатов С'езда для проведения этой работы разослать по деревням. В том случае, если бы вербовка добровольцев окончилась неудачно, решено было всем делегатам вернуться в Верхнеуральск и самим встать под ружье. Делегаты раз'ехались по деревням, где и занялись вербовкой добровольцев. Кроме того, делегаты от имени Исполкома давали станичным Советам наряды на поставку лошадей, седел, шашек для формирования кавалерии. При тяжелых условиях—отсутствии денег и обмундирования—делегатам С'езда в течение недели удалось сформировать два казачьих кавалерийских полка общей численностью до двух тысяч. В отдельных поселках делегатами С'езда формировались казачьи сотни. Рядовые казаки—делегаты С'езда сами производили разбивку сотен на взводы, отделения, назначали командиров, сами становились во главе взводов и сотен и с сформированными частями направлялись в Верхнеуральск.

С затаенной злобой и злопыхательством встречали кулаки-казаки появлявшиеся у них в деревне добровольческие казачьи сотни. Они всячески старались распространять среди добровольцев различные нелепые слухи о захвате чехами Троицка, Златоуста, Уфы и даже... Москвы. Они употребляли максимум усилий к тому, чтобы разложить формирующиеся ряды Красной Армии. Все это делалось скрытно, в закоулках. Наружно же кулаки старались показать свою преданность Советской власти. Услужливо предоставляли для проходящих частей квартиры, фураж, награждали их добрыми пожеланиями. В поселке Спасском (Верхнеуральского уезда) кулаки так «расчувствовались», что всем поселком вышли провожать уходящую на фронт сотню добровольцев. А чтобы проводы были более торжественными, по просьбе кулаков местным попом был отслужен «молебен с окроплением водой о даровании победы над чехо-словаками». А через некоторое время кулаками этого же поселка с тем же попом был отслужен молебен о даровании победы проходившим через поселок дутовским партизанам «с преданием большевиков анафеме».

Но несмотря на противодействие кулаков-казаков и городской буржуазии, отряды Красной Армии быстро продол-

жали расти. В двадцатых числах июня в городе уже были сосредоточены сформированные в деревнях два кавалерийских казачьих полка, четыре роты пехоты и присланные из Уфы два трех-дюймовых орудия. Отряд, численностью приблизительно в 2400 кавалеристов и 600 человек пехоты, имелся. Но острый недостаток чувствовался в командном составе. Члены Совета, члены Российской Коммунистической Партии, служившие в старой армии унтер-офицерами, ефрейторами, назначались на командные должности. Неопытные командиры целые дни проводили за обучением красноармейцев боевому делу. Ночи командиры проводили в поисках обмундирования, оружия и продовольствия для своих частей. Им, не имевшим навыка управлять крупными частями, теперь приходилось за несколько дней формировать свои роты, сотни и вполне подготовлять их к бою. Но пролетарские командиры быстро усваивали технику управления частями, самоуком постигали в этот критический момент то, чему буржуазные офицеры годами учились в школах. Командиры Красной Армии понимали, что каждая минута при создавшейся обстановке дорога, что нужна быстрота действий, а не рассуждения.

Для общего руководства сформированными частями был организован «Штаб Верхнеуральского Отряда». Командующим всем отрядом был назначен бывший казачий офицер, коммунист Иван Каширин. В помощь ему начальником штаба был назначен также бывший офицер, левый эс-эр, и ад'ютантом—беспартийный казачий офицер Леонтьев. Начальником всей кавалерии был назначен бывший казачий офицер Пичугин, начальником пехоты - бывший прапорщик Каюков. Должности командиров полков, рот и сотен были замещены бывшими унтер-офицерами, ефрейторами и рядовыми солдатами и казаками. В отряде была установлена хорошая воинская дисциплина. На большую подготовку рассчитывать не приходилось. Нужно было действовать, двигаться навстречу врагу.

Двадцать первого июня отряд выступил из Верхнеуральска, имея намерение вести наступление на Миасский завод, занятый к тому времени чехо словаками. Но не дойдя до Миасского завода, отряд встретился с ними. Вместе с чехословаками против Верхнеуральского отряда наступали и жители Миасского завода, мобилизованные чехами, и казаки. Верхнеуральский отряд встретился с врагом, который численностью значительно превышал его силы, имел в своих рядах хорошо подготовленных офицеров, вполне был обеспечен вооружением и продовольствием (в доставке продовольствия для белогвардейских частей в первые дни гражданской войны большое рвение проявляла местная буржуазия).

В первые дни своих боевых действий Верхнеуральский отряд имел успех. Но отсутствие патронов, снарядов и телефонной связи как между частями, так и с тылом затрудняли в дальнейшем работу верхнеуральцев. Боевых припасов в городе не было, и достать их нигде нельзя было. Для пополнения боевых припасов имелась только одна возможность—послать за ними в Уфу. К этому крайнему способу и пришлось прибегнуть. Опять были посланы люди в Уфу за получением патронов, снарядов. Однако, не успели посланные добраться до железной дороги, как узнали о том, что Уфа уже занята чехо-словаками.

В это же время к месту расположения Верхнеуральского отряда подходил Троицкий отряд в составе 17-го стрелкового полка, кавалерийского полка имени Степана Разина, одной шестиорудийной батареи и роты «интернационалистов»—общей численностью до 2300 человек. Троицкий отряд соединился с Верхнеуральским. Численность соединенных отрядов достигала пяти с лишним тысяч. Однако, наличие значительной людской силы не обещало успеха. Патроны и снаряды с каждым днем убывали. Пополнения их не было. Командиры учитывали, что сдерживать наступающего противника, истощая боевые припасы, является делом безнадежным и даже пагубным для всех частей. Во что бы то ни стало нужно было найти источник пополнения боевых припасов. О создавшемся тяжелом положении под Верхнеуральском по телеграфу сообщили в Оренбург Николаю Каширину (телеграф еще действовал в это время). Николай Каширин учел положение и сообщил, что он походным порядком со своим отрядом и запасами патронов направляется в Верхнеуральск. Это сообщение в значительной степени ободрило всех командиров и бойцов. У всех появилась радостная надежда на то, что с прибытием отряда Н. Каширина увеличатся наши силы, пополнятся запасы патронов и нам удастся возобновить наступление. Кроме того, все знали Николая Каширина, как хорошего командира, опытного организатора. Это еще больше вселяло бодрость и надежду. Но для прибытия отряда Н. Каширина к Верхнеуральску требовался продолжительный срок, так как его отряду нужно было пройти около шестисот верст. На это необходимо было не менее двух недель времени. Троицкий и Верхнеуральский отряды, вынужденные дорожить каждым патроном и снарядом, не могли сдерживать сильного натиска противника. Отряды должны были начать постепенный отход к Верхнеуральску. Сдерживая врага, оказывая ему на каждом рубеже сопротивление (преимущественно холодным оружием), к 6-му июля отряды прибыли в Верхнеуральск.

IV.

Пыльное облако приближалось.

Вот уже оно катится по Верхнеуральску и становясь выше и шире от пыльной дороги, начинает разделяться на несколько длинных лент. Толстые ленты пыли в свою очередь делятся на другие менее толстые, последние опять делятся и на противоположных концах города, во дворах местных обывателей ленты пыли совсем кончаются...

В город вошла конница, а за нею пехота Троицкого и Верхнеуральского отрядов. Немногие красноармейцы одеты в серые шинели, большинство в своей штатской одежде. Одни из них имели на ногах старые, сбитые на одну сторону сапоги, другие — ботинки, третьи не имели ни сапог, ни ботинок. Они шли босиком и на плече несли перевязанные бичевкой лапти (им и лаптями приходилось дорожить).

У всех красноармейцев на левом плече были приколоты красные ленточки (красноармейских значков не было, и ленточки являлись отличительным знаком). Кавалеристы, кроме того, имели маленькие красные ленточки на уздах лошадей.

Люди и лошади устали от большого перехода, нескольких бессонных ночей и последних жарких боев. Они молча расходились по отведенным им квартирам, чтобы там, приведя в порядок своего коня и оружие, найти покой. Красноармейцы — жители Верхнеуральска заходили на ночлег домой.

Наступившая ночь успокоила город. Водворилась наружная тишина. Но немногие спали в эту ночь...

По городу всю ночь ходили патрули. На окраинах стояли пехотные заставы, а по всем направлениям от города была выслана конная разведка. Правда, никто не предполагал появления в эту ночь в городе противника, но он мог произвести ночной налет, вызвать панику.

Штабы Верхнеуральского и Троицкого отрядов расположились на ночлег в здании Верхнеуральского Исполкома. Едва только успели прибрать штабных лошадей, как тотчас же были отправлены посыльные для сбора в Исполком старшего командного состава и членов Исполкома. Необходимо было срочно устроить такое широкое совещание, чтобы наметить план дальнейших действий.

Скоро все собрались.

Собравшиеся члены Исполкома и командный состав молча заняли в большой комнате расставленные возле стен стулья и, попыхивая свернутыми из махорки „козьими ножками", сидели в ожидании начала заседания.

Через некоторое время появился в комнате командующий Верхнеуральским отрядом Иван Каширин. С нахлобученной

на затылок шапкой, вооруженный шашкой и револьвером, раскуривая деревянную трубку, он вышел на средину комнаты и громким, но спокойным голосом начал говорить:

— Товарищи! Об'являю заседание открытым. Много разговаривать, понятно, не приходится. Вам всем известно, что чехи заняли Челябинск, Курган, Троицк, Златоуст. Они пополняют свои ряды буржуазной сволочью и кулаками—казаками. Мы видели уже их не в одном бою. Наши боевики дали им несколько хороших ударов. Но вследствие отсутствия патронов и снарядов мы не могли больше удержаться на занимавшихся нами позициях. Мы пытались получить патроны и снаряды в Уфе. Но из этого ничего не вышло. Уфа также занята белыми. Мы сообщили о нашем положении Николаю (брату Ивана Каширина). Он вышел уже из Оренбурга к нам на помощь. Он везет для нас небольшие запасы патронов и снарядов. Но, товарищи, вы видели, что без боевых припасов нам не удалось сдержать противника, мы в течение последних дней отступали. Вот мы уже достигли нашего родного города. Мы оторвались от противника, но безусловно ненадолго. Он скоро опять настигнет нас. Мы должны будем или защищать город, погибая здесь из-за отсутствия патронов, или нам придется без боя оставить город, сохранить свои ряды и отойти в Белорецкий завод (50 верст западнее Верхнеуральска). где мы сумеем получить пополнение людьми, дождаться Николая и потом перейти в наступление на Верхнеуральск. На то или другое мы должны решиться теперь же. Так нужно решить, товарищи! Вот все, что я хотел сказать...

Иван Каширин, раскрасневшись от возбуждения, нервно играя левой рукой клинком своей шашки, отошел в сторону.

На несколько минут все присутствующие заговорили. Каждый говорил громко, говорил о том, как дальше должно вести операции, но говорил ни к кому не обращаясь, никому не отвечая. Создавалось такое впечатление, как будто каждый рассуждал сам с собой. Со всех сторон слышались восклицания:

— Конечно, надо без боя оставить Верхнеуральск...

— Ясное дело, что надо отойти в Белорецк. Там мы пополнимся...

— Бесполезно защищать Верхнеуральск. Ведь разобьют нас здесь...

— Ну, разве можно сражаться, не имея патронов и снарядов!

Но скоро говор смолк. Опять на средину комнаты вышел Иван Каширин. Поднял правую руку. Все успокоились. Каширин опять начал говорить:

— Ну, товарищи, довольно горячиться. Надо дело делать, а не разговоры вести. Сейчас мы решим разом вопрос. И вот

И. Д. Каширин.
Командующий Верхне-Уральским отрядом.

как. Кто за то, чтобы оставить Верхнеуральск без боя и отойти в Белорецкий завод, поднимите руки вверх! Все присутствующие подняли руки. Значит, вопрос об оставлении Верхнеуральска без боя решен.

— Итак, товарищи,—обращается Каширин—завтра с утра начнем эвакуировать наши тылы. К вечеру город должен быть оставлен и всеми строевыми частями. В течение ночи все должны заняться подготовкой подвод для эвакуации. Подробные распоряжения всем будут даны в письменном приказе ночью. Собрание об'являю закрытым.

Весть об оставлении города быстро облетела всех бойцов, жителей и буржуазию. Никто из них не спал всю ночь...

Бойцы—жители Верхнеуральска, рабочие и члены Исполкома, несомненно, были в сильной степени опечалены этим известием. Члены Исполкома были заняты всю ночь отборкой наиболее ценных документов в своих учреждениях. Рассылали гонцов для отыскания лошадей и подвод для эвакуации учреждений.

Бойцы и рабочие, узнав о готовящемся отступлении отрядов из города, в большинстве своем решили, что они не останутся в городе, что они не отстанут от отряда ни на шаг. Но много волнений пришлось пережить бойцам и рабочим при решении вопроса о своей семье.

— Как быть с семьей?—думали бойцы и рабочие.

— Оставить семью в городе, значит подвергнуть ее смертельной опасности. Везти с собой—лошади нет. Как же быть?

Рабочие и бойцы советовались со своими женами, бегали за советом к своим друзьям соседям. И большинство из них находили выход в том, что они вскладчину на скорую руку покупали у кого-нибудь из местных обывателей лошадь—клячу и решались везти на этих лошадях свои семьи. Ночью на-спех они укладывали свой наиболее ценный скарб: постель, самовар, белье. Они готовились уже утром выехать.

Некоторые рабочие и бойцы решили оставить семьи в городе. Они рассчитывали на то, что белые не будут мстить семьям за их отцов. Они надеялись, что «победители» пощадят безоружных жен и детей.

Так они думали...

Но они жестоко ошиблись...

С рассветом город проснулся. В нем было такое движение, оживление, какого он никогда еще не видал. По городу в разных направлениях двигались пешие и конные отряды, изредка с грохотом проезжали пушки. По всем улицам и переулкам сновали порожние и загруженные разным скарбом подводы...

В девять часов утра из Верхнеуральска по направлению Белорецкого завода двинулись первые подводы, занятые Верхнеуральским отделом здравоохранения. С большими усилиями заведывающему здравотделом тов. Федосееву удалось найти для эвакуации своего отдела пятнадцать подвод. На тринадцати подводах были погружены больные и раненые красноармейцы в количестве двадцати шести человек и на двух подводах везли весь «склад» медикаментов. Санитарный обоз направлялся в Белорецк без медицинского персонала. Наиболее квалифицированным работником в обозе здравотдела была единственная сестра милосердия. Больные обслуживались совершенно неподготовленными к этой работе эвакуировавшимися из города жительницами.

За обозом здравотдела следовали повозки уездных учреждений, за ними полковые обозы и сзади беженцы. Из города и его окрестностей в качестве беженцев выехало около тысячи человек (считая в том числе и детей).

Весь день тянулись обозы из Верхнеуральска. Все наиболее ценное вывозилось из города. Однако, много ценного для того времени было оставлено в городе только из-за того, что не нашлось подвод. Но хранившиеся в Верхнеуральском казначействе запасы золота (около восьми пудов), благодаря энергии и настойчивости комиссара финансов тов. Сандырева в последний момент были вывезены.

К вечеру из города все обозы выехали. За ними потянулись по тракту широкими колоннами строевые части. Предполагалось, что все части из города выйдут без боя. Но предположения не оправдались.

Как только части Троицкого отряда вышли из города и немного продвинулись за мост р. Урал, начал готовиться к отходу Верхнеуральский отряд, и после того, как конница Верхнеуральского отряда снималась с занимаемых позиций, и мелкие отряды пехоты начинали строиться в ряды, буржуазия в городе поднялась на ноги. Еще на окрайне города находилась красноармейская пехота, а буржуазия уже выставила у всех советских учреждений своих вооруженных часовых. В одно мгновение из местной интеллигенции, гимназистов, реалистов была сформирована рота.

Припрятанное буржуазией оружие и патроны немедленно были розданы на руки солдатам белогвардейской роты. Белогвардейские патрули бегали по улицам города, вылавливая отставших большевиков.

Несколько интеллигентов верхом помчались куда-то за город и через некоторое время в город галопом в'ехали ка-

зачьи части. Казаки и белогвардейская рота начали преследование красноармейцев. Бешено мчавшиеся казаки догоняли пехотинцев, рубили их шашками, кололи пиками.

Пехота, не ожидавшая нападения, останавливалась, поспешно окапывалась и начинала отстреливаться. До самой ночи слышались за городом выстрелы. К ночи пехота с большими потерями отошла за мост, и в ночной тишине безмолвно двигалась по тракту на Белорецкий завод. В рядах красноармейцев не слышно было ни шума, ни песен, лишь изредка одиночки—красноармейцы переговаривались между собой, делясь впечатлениями последнего боя.

— Смотри-ка, какой смирной была вчера вечером наша буржуазия, а сегодня в один миг у них нашлось оружие, и разом сформировали роту.

— Неужели ты еще до сих пор не знал, что буржуазия в нужных для нее случаях умеет ловко притворяться казанской сиротой.

— Ох, и подлы же они—сволочи! Ведь не успели еще мы выйти из города, как они начали жарить нас в спину.

— Эх, брат, вот это большая для нас наука. Мы все привыкли вежливо обращаться с буржуазией. Все думаем, как бы не обидеть. Расстрелять бы вот перед отступлением их—стервецов человек десять, так я уверен, что они сейчас бы не держали себя так. Все равно, за нашу жалость к ним добра от них не жди...

— У-у, язви их! Какое добро от них может быть?! Вот сейчас на моих глазах сын одного купца добивал нашего раненого командира Леонова. Сначала подлюга отсек ему шашкой одну ногу, потом руки и, наконец, проткнул шашкой живот.

— Известное дело, хамрилы. На каждом переулке кричат о каких-то зверствах большевиков, говорят, что большевики необразованные. Э-э-х мать... их, да вот я рабочий, а никогда не позволю себе такой штуки. Как были буржуи зверями, так и остались...

— Да по-моему и говорить-то о них даже не стоит. Палупить им надо посильнее, вот тогда они все поймут скорее...

Тяжело было у красноармейцев на душе. Они слыхали уже, что белые в Челябинске, Троицке, Златоусте формируют крупные войсковые части. Буржуи все время рассказывали о том, что на днях в Троицк ждали приезда головореза Дутова...

В Сибири свирепствует известный всем разбойник—атаман Семенов. Вся Сибирь занята белыми. Носятся слухи о том, будто бы им японцы и французы посылают оружие, патроны, обмундирование. Тяжело придется нам в борьбе с ними. Ни-

чего, собственно говоря, не страшно, да вся беда то в том, что патронов нет у нас, снарядов. Но оружия складывать не приходится...

Утром восьмого июля все части прибыли в Белорецкий завод. Местная партийная организация заблаговременно приняла меры к расквартированию всех верхнеуральских частей и учреждений. Все воинские части и беженцы были размещены по квартирам заводских жителей—рабочих. В этот же день в здании Белорецкой прогимназии Верхнеуральским здравотделом была развернут лазарет на восемьдесят человек, и кроме того, для тяжело раненых Верхнеуральского и Троицкого отрядов в заводской больнице было отведено пятьдесят коек.

Утомленные красноармейцы отдыхали...

Штаб Верхнеуральского и Троицкого отрядов расположился в доме управляющего заводом. Тотчас-же по приходе в Белорецк штаб установил тесную связь с местной партийной организацией, со штабом Белорецкой боевой дружины и местным Исполкомом. На общем совещании было принято несколько решений, касающихся организации частей, снабжения их продовольствием и фуражем.

Ко времени прибытия в Белорецк Верхнеуральского и Троицкого отрядов, в последнем имелась дружина из местных рабочих численностью до 300 человек. Еще весной сформированные в Белорецке конная сотня и рота пехоты, в конце мая отправились с отрядом Николая Каширина под Оренбург. Теперь они скоро должны были вернуться...

На совещании решено было устроить общее собрание рабочих Белорецкого и Тирлянского заводов, подробно сообщить рабочим о создавшемся положении и предложить им вступить в отряд добровольцами.

Вечером на заводской площади собрались рабочие Белорецкого и Тирлянского заводов. С докладом выступали секретарь Белорецкого партийного комитета тов. Точицкий и И. Каширин. Они коротко сообщили о выступлении чехо-словаков, о захвате ими ряда городов, подчеркивали что борьба с ними, бесспорно, будет носить затяжной характер и что победа чехословаков—победа буржуазии. Они призывали рабочих к борьбе, к пополнению рядов бойцов.

По окончании докладов рабочие загудели, замахали шапками. Отовсюду из толпы начали раздаваться возгласы: «Не сдадимся без боя, не отступим назад!»

Тут же рабочие начали требовать, чтобы немедленно приступили к записи добровольцев и выдаче им оружия... Начали записывать добровольцев...

Записывались квалифицированные рабочие, записывались чернорабочие, записывались и китайцы, поденно работавшие

на заводе. Быстро росли списки добровольцев. Их здесь же разбивали на роты, взводы. Здесь же, на месте рабочие выбирали из своей среды командиров и получали оружие. К одиннадцати часам ночи из белорецких и тирлянских рабочих был сформирован пехотный полк численностью около тысячи трехсот человек. В полку были выделены команды пеших и конных разведчиков. Полк был назван «Белорецким стрелковым». К полночи формирование полка было совсем закончено: большинство белорецких рабочих уже ложились спать красноармейцами.

Красноармейцы Верхнеуральского и Троицкого отрядов радовались единодушию, отзывчивости и подвижности белорецких и тирлянских рабочих. Сформирование еще одного полка подняло их настроение, ободрило. Они ложились в эту ночь спать сильно утомленные физически, но крепкие духом, полные отваги и решимости.

Но едва только девятого июля начало из-за гор показываться солнце, как на окраинах завода, с тракта, ведущего на Верхнеуральск, послышались частые, глухие выстрелы. В насыщенном парами утреннем воздухе быстро замирали звуки. Это завязалась перестрелка у высланной из Белорецка разведки с наступающими из Верхнеуральска белогвардейскими частями. Стрельба учащалась, выстрелы приближались. Вот бой уже завязался у самого села. Окопавшиеся заставы настороженно ждали приближавшегося противника. Белорецк пробудился. Проснувшиеся боевики с винтовками в руках бежали на сборные пункты, откуда они ускоренным шагом шли на окраины завода, где тотчас же вступали в бой. С трех сторон завод был обложен белогвардейской пехотой...

Бой усиливался. Постепенно белогвардейцы оттеснили красноармейцев в улицы завода. Пули летали по всем направлениям. Но красноармейцы не хотели оставлять завода и продолжали сражение на улицах. В бою принимали участие не только строевые, но и обозные. Раненые красноармейцы на костылях выходили из больницы, брали винтовки и ложились на дороге, думая стать поддержкой отступавшим товарищам. Женщины—беженки и работницы завода подходили к подводам, нагруженным патронами, накладывали в подолы своих платьев патроны и подносили их бойцам в цепи.

Никакой паники в заводе не было. Никто не пугался свистящих пуль. Всех беспокоило только лишь одно—недостаток патронов. То в одном, то в другом конце раздавались крики:

— Третья рота отступает, патронов нет...

— Подтаскивай скорее патроны!..

— Скорее тащите патроны, а то начнем отступать!..

На церковную площадь вывезли две пушки и открыли из них огонь по наступающим цепям противника. С грохотом и свистом пролетали через завод снаряды, разрываясь за селом, на покрытой травой горе. Весело начали переглядываться красноармейцы в цепи, быстро щелкая затворами винтовок. Частое уханье пушек, наконец, создало перелом в настроении красноармейцев. От обороны отдельные роты начали переходить в наступление. За ними потянулись вперед их соседи, за теми другие... В это время помощником командующего отрядами тов. Барановым была приведена в порядок конница. Под свист пуль и снарядов строилась конница около заводских цехов. Быстро командиры полков дали задания командирам сотен и перешли в наступление. Только один кавалерийский полк был оставлен в резерве, остальные конные части выходили на окраины завода в двух направлениях. Потом конница незаметно скрывалась в горах. Конице было дано задание: обойти фланги наступающего противника и ударить ему в тыл. Через два—два с половиной часа в тылу противника раздалось громкое „ура", потом частые беспорядочные выстрелы, громкий крик. Это красная конница атаковала белых. Наступавшая на Белорецк белогвардейская пехота предалась общей панике и начала отступать. Роты красноармейцев поспешно преследовали белогвардейцев в горы. В горах дорога проходит узкими долинами, преследование там почти невозможно, и его скоро пришлось прекратить. Кавалеристы возвращались в Белорецк на взмыленных лошадях с обнаженными, покрытыми кровью шашками. Нестройными рядами спускалась с гор пехота, в различных положениях держа винтовки. Ни шума, ни разговоров не слышно в рядах. Бой утомил всех...

Уже после обеда, перед солнечным заходом отдельные красноармейцы выходили на улицу. Не для прогулки они появлялись на улицах. Они шли в обоз для того, чтобы пополнить запасы патронов, заменить поломанную часть винтовки. Кавалеристы, взметая пыль, медленно проезжали по улицам на реку. На всех лицах был какой-то особенный отпечаток истомы и грусти . . . . . .

V

Утром в штабе отрядов опять собрались старшие командиры, представители Верхнеуральского, Белорецкого исполкомов и партийных организаций. Все собрались для того, чтобы опять обсудить создавшееся положение. А положение было необычайно тяжелое. Совершенно истощились запасы патронов и снарядов, продовольствие имелось в крайне ограни-

ченном количестве. Приобрести за деньги продовольствие в Белорецком (горном) районе не представлялось возможным. К тому же и денег в кассе отрядов было так немного, что их могло хватить только лишь на несколько дней. Без денег оставаться в белогвардейском кольце, с отрядом, имевшим около восьми тысяч человек, было совершенно немыслимо. Реквизиция же продовольствия и фуража у местных крестьян возбудила бы последних против красных.

Из белогвардейских газет, захваченных у пленных в последнем бою, узнали, что вся Сибирь захвачена белыми. По всем газетным сообщениям можно было безошибочно определить, что белые спешно формируют армию, вооружаются, и что в ближайшее время приходится ожидать их сильного наступления, которое при отсутствии боевых припасов вряд-ли удастся отбить.

И на этот раз собрание опять было открыто Н. Кашириным. Он очень коротко сделал сообщение о материальном положении отрядов, еще короче сообщил о состоянии армии противника и, наконец, предложил всем собравшимся разрешить вопрос о том, как быть, что делать. Одни предлагали сообщить о таком тяжелом положении всем красноармейцам и предложить им, спрятав оружие, разойтись по лесам и деревням. Другие возражали, говоря, что такой способ никуда не годится. Разойтись по лесам—говорили они—это значит поодиночке быть перебитыми, не оказав врагу никакого сопротивления. Третьи предлагали как-нибудь продержаться до прибытия в Белорецк отряда Николая Каширина и только тогда заняться разрешением этого вопроса. Четвертые (и их было большинство) настойчиво советовали оружие не складывать, а продолжать борьбу с белогвардейцами до тех пор, пока будут силы.

Наконец, вопрос разрешил командующий Троицким отрядом тов. Томин (казак). Взбудораженный слышанными предложениями, он вышел на средину комнаты и начал говорить следующее:

— Те, кто предлагает спрятать оружие и разойтись по лесам, этим самым думают укрыться от белогвардейцев и спасти себе жизнь. Но они сильно ошибаются. Отряд так велик, народу в нем так много, что участникам отряда укрыться не удастся. Их поодиночке переловят и перебьют. Кроме того, бойцам—русским, еще может быть, удастся как-нибудь скрыться. Однако вы не забывайте того, что в Троицком отряде имеется около трехсот мадьяр, которые очень плохо говорят по-русски. Отпустить их по лесам, значит сознательно предать их в руки белогвардейцам. Я не могу этого сделать. И даже, если бы вы все сейчас решили разойтись по лесам, мы все

равно не сложим своего оружия, не разойдемся. Нет, мы—революционеры, а не предатели. Мы умрем, но не сдадимся без боя. Итак, кто хочет предавать наших товарищей и братьев, тот может уходить в лес. А те, кто не хочет быть предателем, тот останется с нами!

Томин кончил. Его речь ошеломила всех. Все после слов Томина поняли, что уйти в лес—значит предать Пролетарскую Революцию. Таких предателей не было в отряде. Никто не возражал против доводов Томина. И без всяких прений тотчас-же было принято такое постановление:

„Мы все умрем за Советскую власть, коммунистическую партию или победим белогвардейцев“.

На этом собрание закончилось. Все разошлись по своим частям...

Следующие дни протекали спокойно. В отрядах шла работа по разбивке частей на батальоны, роты, взводы и отделения. Во всех частях командиры были заняты подысканием таких рабочих и красноармейцев, которые могли бы занимать должности командиров рот, взводов, отделений...

В то время, как красные отряды, расположенные в Белорецком заводе, были заняты приведением себя в порядок, белогвардейские части, расположенные в Верхнеуральске, были заняты другим „делом“. Они большую часть времени проводили в поисках большевиков. Случайно оставшихся в городе большевиков, так же, как и в Троицке, расстреливали на месте без суда. Расстреливали не только тех, принадлежность которых к партии была установлена, но расстреливали иногда и жен тех коммунистов, которые с отрядом ушли из Верхнеуральска. Зверства белогвардейцев принимали кошмарные формы. Были случаи, когда белогвардейцы на глазах матери убивали детей за то, что отец „ушел с отрядом Каширина“. „Подозрительных“ детей не стеснялись сажать вместе с матерями (а иногда и отдельно от них) в тюрьму. Нередко детей отправляли в ссылку, не говоря матери ни слова о том, куда и зачем они отправляются. Большинство из отправленных „в „ссылку“ детей не вернулось. Семьям бойцов белогвардейцы запрещали поступление на службу, всеми способами препятствовали отыскиванию работы. Они вынуждены были жить впроголодь, жить подаянием или приобретать хлеб, продавая свою последнюю одежду. Рабочие, ушедшие с отрядом из Верхнеуральска, сильно ошиблись, оставив свои семейства.

VI

Белогвардейцы свое кольцо расширяли. Они вели в это время наступление из Сибири в западном направлении. И уже успели достигнуть района Самары, Казани. Наступление

велось ими главным образом вдоль железных дорог. Это было и удобнее для них, да и к этому их кроме того вынуждало еще и отсутствие больших сил. Вследствие того, что наступление белогвардейцами велось вдоль железных дорог, громадные пространства, расположенные между железными дорогами, были свободны от чехов. Они оставались, так сказать, нейтральными. В этих районах не было чехов, но не было и красных частей. Там не было Советской власти, но и белые еще не успели распространить своего владычества. В силу такого положения Николаю Каширину, не встречая противника, благополучно удалось со своим отрядом добраться из Оренбурга в Белорецкий завод. Вместе с отрядом Н. Каширина в Белорецк прибыли присоединившиеся к нему в пути два небольших партизанских отряда: Баймакский (из села Баймак, Оренбургского уезда) и Стерлитамакский.

Отряд Н. Каширина вместе с Баймакским и Стерлитамакским отрядами прибыл в Белорецкий завод одиннадцатого июля. Прибытие этих отрядов в Белорецк сразу подняло настроение красноармейцев. Бодрость вносилась не столько тем, что прибыло новое пополнение бойцов, сколько тем, что с отрядом Н. Каширина было доставлено большое количество патронов.

На другой день в Белорецкий завод прибыл из Оренбурга еще один отряд—отряд Блюхера. Появление этого отряда особенно сильно подняло настроение всех бойцов, находившихся в Белорецке. И вот почему. Отряд Блюхера имел в своем составе довольно большое количество людей. Он состоял из 1-го Уральского стрелкового полка, Оренбургской казачьей сотни и Челябинской батареи. Общая численность отряда достигала полутора тысяч человек. 1-й Уральский стрелковый полк был особенно ценным. Все красноармейцы полка были довольно хорошо обучены, дисциплинированы. Особенно полк отличался тем, что имел в своем составе квалифицированный командный состав. В полку находилось около сорока бывших офицеров. Правда, все они были беспартийными, но за время пребывания на Оренбургском фронте они уже доказали свою преданность, и в их честности никто не сомневался. Кроме того, с отрядом Блюхера пришел большой транспорт патронов и снарядов, большое количество мануфактуры, и было доставлено около полутора миллионов рублей денег.

Теперь уже никто не думал о том, что мы не в состоянии вести открытую борьбу с белогвардейцами. Все мысли о том, что отряду нужно разойтись по лесам, были забыты. Наоборот, все думали о том, что необходимо скорее перейти в наступление, скорее разбить врага. К этому все готовились...

Н. Д. Каширин.
Главком Южно-Уральского отряда партизан.

В. К. Блюхер.
Зам. Главкома Южно-Уральского отряда партизан

VII

С приходом отрядов Блюхера и Н. Каширина в Белорецк опять было устроено совещание командного состава для решения вопроса о будущих действиях отряда. К совещанию были подготовлены все нужные материалы: собраны сводки из белогвардейских газет, составлена схема расположения частей противника, детально учтены наши силы. Из собранных сведений было видно, что белогвардейцы, занимая всю Сибирь, вели наступление на Самару, Оренбург, Казань и Екатеринбург. Ясно было, что отряд находится в тесном и сильном кольце противника. Из имевшихся газетных сообщений можно было установить, что регулярные красноармейские части, действовавшие в Екатеринбургском, Симбирском и Казанском направлениях, медленно отступали под давлением белогвардейцев на запад. Но вместе с тем видно было, что кое-где, в тылу противника ведут ожесточенную борьбу красные партизаны. Все понимали, что долгое время оставаться в Белорецком заводе нельзя—совершенно бесполезно. Приходилось задумываться над тем, чтобы иметь возможность скорее прорвать кольцо белогвардейцев и выйти на соединение с регулярными красноармейскими частями.

Выбраться из кольца белогвардейцев можно было в Советский Туркестан, или в районе Самары, или, наконец, в районе Екатеринбурга. Путь в Туркестан и в район Самары для всех казался непосильным: нужно было пройти с боями очень большое расстояние. Кроме того, большинство не хотело покидать родного Урала, оставлять своих земляков—красноармейцев без поддержки. У всех было непреодолимое желание скорее освободить Урал от белогвардейцев. После долгих и горячих споров на совещании было принято решение. Постановили: как можно скорее вырваться из белогвардейского кольца в расположение Красной Армии. Для движения был намечен такой путь: вести наступление на город Верхнеуральск, занять его и не позднее как через сутки по занятии Верхнеуральска начать движение на Миасский завод с тем, чтобы через Миасский завод выйти к Екатеринбургу. Такой план был принят единогласно.

На этом же собрании были произведены выборы командующего всеми отрядами. Командующим был выбран Николай Каширин, и ему было дано название „главнокомандующего". Решено было несколько ближайших дней использовать для приведения частей отряда в должный порядок и потом начать наступление на Верхнеуральск.

На другой день была начата подготовка. Прежде всего был сконструирован штаб (он был и раньше, теперь его при-

пилось только пополнить). Самый штаб был очень немногочисленный: начальник штаба, два ад'ютанта, один машинист, два телеграфиста и два телефониста. Вот и все.

В первый же день после последнего совещания штабом был разработан подробный приказ о внутренней организации Южно-Уральского отряда (так назывались все отряды, об'единяемые Н. Каширином). Прежда всего были созданы тыловые части и учреждения при штабе, необходимые для всего отряда. В первую очередь был организован „обоз беженцев", ибо с прибытием Баймакского и Стерлитамакского отрядов общее количество беженцев возросло приблизительно до 2000 человек. Для того, чтобы беженцы не вносили паники в ряды красноармейцев, чтобы они при движении следовали в определенном порядке и занимали на остановках только лишь отводимые для них квартиры, в „обоз беженцев" был назначен специальный „начальник обоза беженцев". При штабе была сформирована санитарная часть, во главе которой был поставлен заведывающий Верхнеуральским здравотделом тов. Федосеев. На обязанности санитарной части лежало снабжение всего отряда медикаментами, распределение медицинского персонала по полкам, размещение больных и раненых красноармейцев в лечебных заведениях и перевозка их. На обязанности сформированного отдела снабжения было снабжение всех частей отряда боевыми припасами, оружием, обмундированием, продовольствием и фуражем. При отделе снабжения имелся небольшой (подвод 80) обоз, который был предназначен для перевозки „складов" отдела снабжения. При штабе была установлена должность комиссара финансов. Комиссар финансов должен был хранить все деньги отряда и запасы золота, вывезенные из Верхнеуральска. Вместе с тем он обязан был изыскивать средства для приобретения продовольствия и фуража, производить выдачу жалованья красноармейцам и командному составу всех частей.

Было приступлено и к приведению в порядок строевых частей. Дело в том, что, собираясь с разных концов, отряды формировались каждый по своему. Никаких общих штатов в отрядах не было. Каждый отряд имел своего «командующего» отрядом, казначея, свой обоз. Отрядов было много и большинство из них были малочисленные. Естественно, что при таком порядке очень много людей расходовалось для занятия подсобных должностей, и вследствие этого увеличивалось количество «обозников» (так называли в отряде нестроевых) за счет бойцов. Нужно было сократить обозы и пополнить строевые части. Все мелкие отряды поэтому были влиты в более крупные. Все излишне находившиеся в обозе были из'яты оттуда и направлены в строевые части. Весь Южно-Уральский отряд

был разделен на несколько крупных отрядов. Таких отрядов всего было четыре: Верхнеуральский (Верхнеуральский кавалерийский и пехотный полки и два орудия), Троицкий (кавалерийский имени С. Разина казачий полк, 17-й стрелковый полк и шесть орудий Троицкой батареи), Белорецкий (Белорецкий пехотный полк и Белорецкая кавалерийская сотня), Уральский отряд (1-й Уральский стрелковый полк, Оренбургская сотня и четыре орудия Челябинской батареи). Во всех отрядах людей было около десяти тысяч, двенадцать орудий и около шестидесяти пулеметов. Иван Каширин был назначен командующим Верхнеуральским отрядом, Блюхер—Уральским, Томин—Троицким.

Все были довольны тем, что в отряде установился устойчивый порядок, что все части готовятся к наступлению.

Красноармейцы между собой жили очень дружно. Никаких ссор, перебранок в их среде никогда не слышно было. Очень хорошие отношения установились между красноармейцами и командным составом. Не было между ними натянутых казенных отношений. Вне строя они держали себя по товарищески, открыто и смело делились пережитыми впечатлениями, строили планы для будущего наступления. В строю все шло иначе. Все красноармейцы безоговорочно и немедленно выполняли распоряжения командиров. Личная храбрость командиров и постоянное пребывание их в одних рядах с красноармейцами тесно их связывали друг с другом. Материальное неравенство между командирами и красноармейцами отсутствовало. Все жили в одинаковых условиях. Те и другие квартировали в домах Белорецких рабочих. У тех и других не всегда была обувь и обмундирование. Как красноармейцы, так и командиры получали равное жалованье: от красноармейца и до главкома все получали по сто пятьдесят рублей в месяц.

VIII

14-го июля вечером по Южно-Уральскому отряду был отдан приказ о том, чтобы с наступлением рассвета все части перешли в наступление на Верхнеуральск. Части начали готовиться к бою... С рассветом было начато наступление.

Медленно и бесшумно выходили из Белорецка одна за другой колонны красноармейцев. Все двигались по Верхнеуральскому тракту, проходящему в горах, покрытых высокими соснами.

В десяти верстах от Белорецка красноармейские части уже встретились с мелкими частями белогвардейцев. Это были исключительно казаки. Казаки начали оказывать наступающим частям отряда упорное сопротивление. Они заняли тракт, прилегающие к тракту горы, и чтобы наши части не имели

возможности вести наступление по проселочным дорогам, лежащим в стороне от тракта, перехватили и эти дороги. Сразу образовался сплошной фронт шириной в 14-15 верст. Но, не смотря на свое упорство, казаки медленно отступали к Верхнеуральску. К вечеру красным партизанам удалось продвинуться на пятнадцать верст от Белорецка. К ночи бой затих. В Белорецк на многочисленных подводах привозили раненых красноармейцев. В первый же вечер все свободные койки в больнице и госпитале были заполнены. Раненых начали размещать по частным квартирам. Обнаружился недостаток в перевязочных средствах. Не было бинтов, ваты. И достать их в нужном количестве не представлялось возможным. Пустили в ход мануфактуру, привезенную Блюхером из Оренбурга. Из полотна и ситца готовили бинты и перевязывали ими раненых. С большой осторожностью приходилось расходовать и медикаменты.

С наступлением следующего дня бой возобновился. Казаки в течение ночи пополнились и оказывали уже более упорное сопротивление, чем в предыдущий день, но все-таки продолжали медленно отступать. Совершенно очевидным было, что казаки отступают, имея какой-то свой коварный план. Как видно, они должны были через несколько дней значительно пополниться людьми и боевыми припасами для того, чтобы самим перейти в контр-наступление.

Десять дней велись бои с отходящими казаками. И с каждым днем они принимали более ожесточенный характер.

22-го июля части Южно-Уральского отряда дошли уже до Вятского хутора, отстоящего от Верхнеуральска в 5-6 верстах. Впереди находился небольшой горный хребет, могущий послужить очень выгодной позицией для обороняющихся белогвардейцев. Все предполагали, что на «Извозе» (так назывался этот хребет) белогвардейцы задержатся и проявят особое упорство.

Так и случилось.

Еще до подхода нашего отряда к Извозу белогвардейцы готовились здесь нас «встретить». Все население Верхнеуральска было мобилизовано для окопных работ. Вдоль Извоза на протяжении 20 верст построены были в несколько рядов окопы, местами впереди окопов были установлены проволочные заграждения.

Части Южно-Уральского отряда начали наступление на Извоз развернутым фронтом. Фронт был протяжением до 30—35 верст. Все части были на фронте. В Белорецке не было оставлено ни одной роты. Начатое наступление однако, в первый же день пришлось приостановить: белые твердо продолжали занимать свои позиции. На другой день опять возоб-

повился бой и опять-таки закончился неудачно. На третий день бой продолжался... Белые упорствовали. Затяжной бой выводил у нас очень много людей из строя, сильно истощал запас патронов и снарядов. Но от захваченных пленных мы узнали, что и в лагере противника не все обстоит благополучно: ощущался большой недостаток в винтовках. Солдаты не все были вооружены русскими винтовками. Многие были вооружены «берданами», «Гра» и даже были солдаты, вооруженные охотничьими ружьями. Мало было у белых и пулеметов. Но за то по своей численности противник превосходил Южно-Уральский отряд в два с половиной раза. Он имел к этому времени в своих рядах около двадцати пяти тысяч человек.

Странным казалось то, что на фронте противника очень часто трещали пулеметы, но пули на нашу сторону не летели. Долго думали над этим и все никак не могли об'яснить. Когда захватили пленных, то оказалось, что у белых мало пулеметов и что вместо пулеметов для запугивания красноармейцев они употребляют деревянные трещетки...

Запасы патронов истощались. Красноармейцам уже отпускались патроны в строго ограниченном количестве: пятнадцать патронов в сутки. Небольшие выдачи патронов заставляли красноармейцев относиться к ним с особенной бережливостью. Нигде нельзя было увидеть на месте боя потерянного патрона. Все знали цену им. Вечерами, когда бой немного стихал, кое-где красноармейцы за деньги продавали друг другу патроны.

Тяжело становилось от сознания, что весь отряд скоро может остаться без патронов—тогда уж не пробиться...

Неожиданно в отряде произошел случай, который еще больше подорвал у красноармейцев веру в то, что отряд в состоянии будет прорвать кольцо противника. Из отряда бежал командир 1-го Верхотурского пехотного полка Пичугин (бывший казачий офицер) вместе со своим начхозом. Бежавшие захватили с собой принадлежавшие полку деньги, предназначенные для выдачи жалованья красноармейцам. Этот случай резко переменил настроение красноармейцев. Среди малодушных начали распускаться слухи о том, что мол, если командир полка сбежал, значит он знает о том, что дела наши безнадежны, что бороться больше с белыми не приходится. Но более сознательные не поддавались панике. Они убеждали, своих товарищей в том, что бегство командира полка является только лишь его личной трусостью—и больше ничем. Долго после бегства Пичугина волновались красноармейцы.

25-го июля решено было атаковать Извозн, во что бы то ни стало, занять его.

С утра наша артиллерия начала обстреливать проволочные заграждения и окопы противника. В течение нескольких часов противник не отвечал на пушечные выстрелы. Но около полудня на тракте у белых появилось два орудия, которыми они безостановочно обстреливали наше расположение.

Командование Южно-Уральского отряда отдало по своим частям приказание о том, чтобы ровно в полдень была начата атака.

Полдень... Лучи солнца нещадно палят. Низенькие окопы не спасают от жары. Душно, жарко в окопе. В глотке пересыхает от жажды. За водой нельзя сходить, так как место открытое—противнику все видно, и в каждую высунувшуюся из окопа голову пускается целый поток пуль. Ходят по окопам командиры, готовят красноармейцев к атаке. Указывают направление, которого следует держаться при движении вперед, раздают красноармейцам на руки сверх обычной нормы по двадцать патронов. Но тут-же командиры говорят:

— Ну, ребята, ведь патронов-то немного. Берегите их. Больше работайте штыком, шашкой, пикой.

Скоро на всем фронте части поднялись и перешли в наступление. Сначала жутко было лезть на открытую гору, с которой градом сыплются пули. Часть красноармейцев в первые же минуты была сражена. Одни из них были убиты, других только ранили, и они теперь по откосу на четвереньках спускались в лог, чтобы там встретить санитара. Но чем выше поднимались на гору красноармейцы, тем больше у них появлялось бодрости и смелости. Никто не думал об отступлении.

Уже части Южно-Уральского отряда вплотную подходили к окопам белогвардейцев. С левого фланга белогвардейцев в окопах сидели башкиры (недавно мобилизованные), за ними на большом участке расположились казаки Верхнеуральского уезда, дальше, на тракте—офицерская рота, за нею—троицкие и верхотурские гимназисты и реалисты. И красноармейцы и белые уже отлично видят друг друга, узнают своих знакомых, родных.

Кое-где перестрелка на мгновение стихла. Красноармейцы и белогвардейцы, увидев в качестве противников своих родных и знакомых, остановились. Никто из них не мог открывать огонь. Начались переговоры.

— Идем к нам, бросай воевать-то!—говорил казак-белогвардеец своему родному брату—красноармейцу.

— Нет, брат, ты иди к нам, а мы то уж к вам не пойдем.—отвечал красноармеец...

— Эй, большеук, айда, айда сюда!—полурусским языком кричал татарин своему противнику красноармейцу.

— Никита, иди, дурак, к нам! Что ты маешься там с большевиками. Иди, ничего тебе здесь не сделают, а хлеб-то белый будешь есть!—кричал старый казак-белогвардеец своему сыну-красноармейцу.

— Нет, спасибо, папаша, на добром слове, если ты хочешь, так иди к нам, а у нас нет на такие штуки никакого желания.

Особенно надменно вели себя офицеры. Они уже надели погоны. Одеты все франтовато, в перчатках. В минуты затишья некоторые из них высовывают голову из окопа, и, посмеиваясь, кричат красноармейцам:

— Вон, видите стоит в поле береза. Скоро мы всех вас— «каширинцев» будем вешать на этой березе.

— Хе, хе, что-же вы так долго не можете взять Верхнеуральска? Не видать вам, видно, его, как ушей своих без зеркала.

— Вот так «храбрые» каширинцы! Извоза не могут взять! Бросайте-ка, пока не поздно, винтовки, да сдавайтесь в плен— оно надежнее будет!

Гимназисты, первый раз попавшие в окопы, были очень довольны своим положением. Они гордились тем, что попали в окопы. А наличие рядом с ними офицерской роты еще больше увеличивало их гордость. Одни из них пошли добровольцами по собственному желанию, других послали папаши-буржуи. Те и другие перед отправлением из города очень много рассказывали своим знакомым гимназисткам о том, что большевики очень сильно зверствуют, о том, что они национализируют девушек и молодых женщин. Гимназисты восторженно говорили гимназисткам о том, что в такой тяжелый для родины момент ни один сознательный гражданин не может спокойно сидеть дома, каждый должен пойти на фронт «для защиты отечества от продавшихся немцам большевиков». Теперь, находясь в окопах, они думали о том, как они вернутся домой, как они будут рассказывать своим знакомым о совершенных ими «подвигах» и какое большое уважение они сумеют приобрести при помощи своих рассказов. Гимназисты не разговаривают с красноармейцами. Они важно раскуривают папиросы, пряча свои головы на дно окопа при каждом выстреле. .

Но разговоры белогвардейцев с красноармейцами не дали никаких результатов. Никто из красноармейцев не перешел к белым. Разговоры уже всем надоели... Решили действовать...

Молча поднялась пехота Южно-Уральского отряда и, приближаясь к окопам белогвардейцев, стреляла. Подойдя вплотную к окопам противника, красноармейцы громко и дружно закричали «ура» и бросились в штыки. Одновременно с этим

на флангах перешла в наступление и конница отряда. Извоз и его скаты покрылись сплошной массой пыли, высоко поднимавшейся вверх.

Через некоторое время ружейная стрельба прекратилась. Изредка только громыхали пушки. Крики людей изменились. Если раньше громче всего раздавалось «ура», то теперь вместо «ура» особенно резко выделялось «ай, уй, ух» и еще какие-то нечленораздельные звуки. Это противники сошлись в рукопашную. Красноармейцы израсходовали все выданные им патроны и ведут борьбу исключительно при помощи холодного оружия.

Вот красноармеец столкнулся с белогвардейцем—своим соседом. С ним вместе они провели все детство. Теперь они являются непримиримыми врагами. Если красноармеец не заколет своего знакомого, так тот заколет его.

— Неловко как-то друга детства посадить на штык—на мгновение мелькнуло в сознании красноармейца. Но, поняв, что один из них безусловно должен умереть, он тут же вонзил в живот своего знакомого штык. Сраженный штыком белогвардеец ахнул и упал.

Красноармеец Никита встретился в атаке с родным отцом, с тем самым стариком, который недавно переманивал его в белогвардейские ряды. Казак-старик качнул своей правой ногой, к которой была прикреплена длинная пика, и приготовился быстрым движением нанести удар своему сыну, но молодой Никита уже промчался на своем рыжке за круп отцовской лошади, с другого бока под'ехал к своему отцу, быстро набросил ему на шею ременную нагайку и начал быстро вертеть черенок своей нагайки. Старик выпустил из рук свою длинную пику, бросил повод и начал закатывать глаза. Но Никита продолжал крутить свою нагайку вокруг шеи отца. Наконец, старик промычал что-то нескладное, брызнул слюной и мертвый упал с лошади...

Рабочие-красноармейцы сошлись на открытом месте с группой белогвардейских офицеров. Из револьверов офицеры тотчас же убили двух красноармейцев. Но оставшиеся в живых, не имея патронов, начали биться с офицерами прикладами, штыками. Раненые красноармейцы падали рядом с ранеными офицерами. Красноармейцы не хотели все-таки умирать без боя. Они начинали рукопашный бой. Красноармейцы дрались, лежа на земле, с офицерами кулаками. Подползая очень близко к офицерам, они брали их за локти, вывертывали руки, кусали носы. Офицеры тоже не уступали красноармейцам...

Все командиры Южно-Уральского отряда были в цепи, вместе со своими красноармейцами. Главком Николай Каши-

рин серьезный, спокойный расхаживал среди красноармейцев, атакующих Извоз. Все удивлялись его спокойствию и неустрашимости. Находящиеся около него красноармейцы усиленно убеждали его поберечь себя, неоднократно предлагали ему лечь на землю и ползти. Но ничто не действовало на Н. Каширина, он не слушался и с прежней бодростью продолжал расхаживать среди наступающих красноармейцев, в то время как кругом продолжали свистеть вражеские пули.

В тот момент, когда бой достиг своего наивысшего напряжения, в рядах красноармейцев поднялось некоторое замешательство. Со всех концов неслось: «Николай Дмитриевич (так звали чаще всего красноармейцы Н. Каширина) ранен! Николай Дмитриевич ранен!». Многие тут же вслух начали высказывать по адресу Н. Каширина укоры: вот ведь не слушался, когда говорили, а теперь себе и другим хуже сделал.

Действительно, Н. Каширин был ранен в ногу. Раненого немедленно уложили на телегу и отправили в Белорецкий завод, в больницу.

Но красноармейцы продолжали вести наступление.

К вечеру Извоз был занят.

Вместо выбывшего из строя Н. Каширина временно главкомом был назначен Иван Каширин. Командующим Верхнеуральским отрядом был назначен начальник штаба Енборисов.

Вечером все интересовались тем, на сколько нам хватит патронов. Беспокойство на этот раз имело под собой больше оснований, чем когда-либо. Патронов действительно было мало, пополнения ждать не приходилось. Долго думали над тем, какой выход можно найти из создавшегося положения. Наконец нашли. Решено было немедленно отправить несколько человек в Белорецк, чтобы они там, на заводе приступили к выработке патронов. Поехали наши люди в Белорецк. Собрали имевшихся на заводе инженеров, рассказали им о том, что нам необходимо срочно приступить к выделке патронов. Инженеры отговаривались всякими способами. Они говорили, что их завод не приспособлен для выделки патронов, что у них нет соответствующих для этого мастеров и металлов. И, вероятно, инженеров нельзя было бы убедить в том, что патроны можно сделать. Нас, партизанов, они считали невеждами и старались обмануть. Но посланные люди оказались настойчивыми и решительными. Сначала они ласково пытались убедить инженеров в том, что при желании все можно сделать, что нужно лишь понять то положение, в каком находятся рабочие и крестьяне, осаждаемые со всех сторон белогвардейцами. Но эти доводы не действовали на инженеров, с большим наслаждением ожидавших прибытия в Белорецк белогвардейцев. Тогда

был применен другой способ. Инженерам было сказано, что в том случае, если они откажутся делать патроны, Южно-Уральский отряд при отступлении заберет их с собой в качестве заложников. Такая угроза подействовала. Они дали обещание немедленно приступить к работе. И действительно начали работать. Для того, чтобы до получения новых запасов патронов меньше расходовалось в бою, представители Южно-Уральских отрядов в столярной мастерской Белорецкого завода заказали «деревянные пулеметы» — трещотки. Трещотки были отправлены на фронт, и мы в некоторых случаях применяли их на деле...

С рассветом 27-го июля Белорецкий завод принял необычный вид. Из леса, что правее Верхнеуральского тракта, выехала сотня казаков по направлению завода. На левых плечах у всех казаков красные бантики. Появление сотни казаков с красными бантами ни у кого не вызывало никаких подозрений: все думали, что какая-нибудь сотня из Южно-Уральского отряда возвращается с фронта в Белорецкий завод на отдых. Недолго казаки ехали шагом. Внезапно свистнули, и карьером со свистом и стрельбой понеслись по заводу. Налетели прежде всего на отдел снабжения, на его телеги, расположенные на заводской площади. Разогнав лошадей отдела снабжения и зарубив несколько обозников, казаки помчались на другую площадь, где стояли телеги с ранеными красноармейцами и беженцами. Красноармейцы и беженцы, перепуганные неожиданным появлением в заводе казаков, бежали в разные стороны. Раненые красноармейцы (те, которые не в состоянии были самостоятельно передвигаться) схватили свои костыли и на костылях побежали в лес. Ко всей массе беженцев и раненых, находившихся на площади, присоединились еще раненые, лежавшие в больнице, которая находилась на этой же площади. Николай Каширин, лежавший в больнице, понял, что казаки не в состоянии будут долгое время находиться в заводе. Он продолжал спокойно лежать в своей постели и начал успокаивать красноармейцев. Скоро и красноармейцы пришли в себя. Все способные к самостоятельному движению вооружились винтовками. Вокруг раненых красноармейцев стали собираться вооруженные обозники и рабочие. Все они начали гоняться за гарцующими по улицам завода казаками. В различных концах улиц слышались одиночные частые выстрелы. Казаков выгнали...

Когда в заводе все водворились на свои места, то начали разбираться, каким же образом казаки могли свободно проникнуть в завод. После долгих опросов участников непродолжительного боя причину нашли. Оказалось, что казаки «за-

маскировались» под кавалеристов Южно-Уральского отряда, надев красные ленты на левое плечо. Этим они выдали себя за красных, и их на заставе не задержали.

Такой случай нас кое-чему научил. Мы поняли, что белогвардейцы и в будущем будут злоупотреблять, прикалывая красную ленту. Такую возможность необходимо было устранить. Решили, что красные ленты участники отряда должны носить точно руководствуясь приказом по отряду. А в приказе по отряду ежедневно указывалось, как должна складываться лента в этот день и где она должна быть приколота.

В то время, как сотня казаков налетала на Белорецкий завод, все строевые части продолжали сражение под Верхнеуральском. Белые, оставив Извоз, не прекращали оказывать прежнего упорного сопротивления. Они опять окопались у горы, что в $1^1/_2$—2 верстах от Извоза. Здесь у них тоже были вырыты окопы в несколько рядов и сооружены проволочные заграждения.

Бой велся с прежним ожесточением в течение двух суток. Через двое суток белогвардейцы оставили и эти позиции, а сами ушли за город Верхнеуральск и закрепились на высотах, расположенных восточнее города. Верхнеуральск был оставлен белыми. Попасть-же в город нельзя было, так как белые все время держали его под ружейным и артиллерийским обстрелом.

С Извоза Верхнеуральск был виден простым глазом. Никакого движения на улицах города не было заметно. Город как будто вымер. Многих бойцов из Южно-Уральского отряда манило в родной город, но пули и снаряды противника не позволяли проникнуть в него. Опять у участников отряда начали рождаться мрачные мысли: не хватит патронов, не добраться нам до Миасского завода и до Екатеринбурга.

И здесь стояли двое суток, имея впереди безжизненный город и противника. Настроение красноармейцев скоро стало известным и Главкому Ивану Каширину. 30-го июля вечером у Извоза Каширным было назначено совещание старших начальников. В назначенный час собрались командующие отрядами и командиры полков. На совещании опять начали обсуждать уже всем набивший оскомину вопрос: о недостатке патронов и снарядов, о том, что противник оказывает столь сильное сопротивление, что мы можем израсходовать все патроны, но не разорвем кольца противника. Особенно много жалоб было со стороны командиров артиллерийских частей. По их заявлению, на каждое орудие осталось всего только по пятьдесят снарядов. Командиры пехотных и кавалерийских частей жаловались на полное отсутствие патронов. В доказательство этого они приводили примеры, как красноармейцы

сходились с белыми в рукопашный бой, как за отсутствием патронов красноармейцы душили солдат противника нагайками, вывертывали руки, кусали носы. Все с большим удовольствием рассказывали о своей победе на Извозе и вместе с тем все были печальны, никто не радовался достигнутым успехам. Собравшиеся понимали, что противника не удастся сломить при наличных условиях, что нужно искать какой-то другой выход. Предлагались различные способы, но на этот раз никто уже не предлагал разойтись по лесам. У всех было одно желание: вырваться из белогвардейского кольца. План после долгих споров и горячих обсуждений был найден и всеми одобрен. План этот заключался вот в чем. Из белогвардейских газет мы узнали, что в районе города Бирска действуют красноармейские части. Мы решили присоединиться к ним. А для этого сделать так. Пройти через Уральский хребет до города Стерлитамака (предполагалось, что на Урале нам не придется столкнуться с противником). В Стерлитамаке (небольшой уездный город Уфимской губернии, расположенный в стороне от железной дороги), вероятно, белогвардейцы имеют очень незначительный гарнизон, которой мы без труда разобьем и по тракту направимся на станцию Шафраново (западнее Уфы) и дальше, на север, в район Бирска. Намеченный план для выполнения требовал много времени, нужно было пройти очень большое расстояние, но никто не возражал против такого плана, потому что для осуществления его требовалось очень немного патронов и снарядов. 31-го июля вечером первые части постепенно, незаметно должны начать отход с фронта в Белорецк. С таким решением разошлись командиры по своим частям.

Но на другой день судьба опять подшутила над отрядом. Она опять наградила отряд таким случаем, который всех заставил содрогнуться. 31-го июля утром командир 1-го Верхнеуральского пехотного полка Каюков (бывший офицер) и командующий Верхнеуральским отрядом Енборисов с двумя сотнями казаков Верхнеуральского полка поехали осматривать позиции своего участка. В тот момент, когда они под'ехали к проселочной дороге, ведущей в расположение белогвардейцев, Енборисов выехал с Каюковым на дорогу, обернулся к казакам Верхнеуральского полка, махнул им рукой и громко крикнул:

— Ну, товарищи, кто к женам и матерям—те за мной! Кто с Каширипым—тот пусть остается!

Енборисов и Каюков пришпорили своих коней и быстро помчались в Верхнеуральск, к белогвардейцам. Из стоявших двух сотен казаков выделилось около пятидесяти конных, которые присоединились к Енборисову и вместе с ним ускакали к белым.

Измена Енборисова и Каюкова взволновала всех. Никто не мог предполагать, что они, вчера принимавшие участие в обсуждении плана отступления, сегодня передадутся врагу. Красноармейцы сыпали проклятия на головы командиров-предателей и бежавших с ними товарищей.

Енборисов и Каюков, видимо, рассчитывали на то, что им, бывшим офицерам, белогвардейцы все простят. А выдав белогвардейцам план организации нашего отряда и план его движения, они не только получат прощение, но и награду. В особенности на такой исход рассчитывал Енборисов, отец которого в то время был в чине полковника и занимал должность начальника штаба атамана Дутова. Ожидания предателей не оправдались. Никакой награды они не получили. Енборисов по приказанию своего отца-полковника был расстрелян, а Каюкова посадили в тюрьму.

IX

В мае месяце 1918 года под Оренбург для борьбы с Дутовым был отправлен с Урала под командой рабочего М. В. Калмыкова отряд из златоустовских, симских, миньярских и стерлитамакских рабочих. Но в начале июня, как только чехи заняли Златоуст, Троицк и Челябинск и повели наступление на Уфу, отряд Калмыкова был вызван Уфимским Исполкомом для защиты Уфы от чехо-словаков.

Отряд Колмыкова выполнил распоряжение Уфимского Исполкома и направлялся в Уфу через Стерлитамак. Придя в начале июня в Стерлитамак, Калмыков решил по телеграфу справиться о положении Уфы. Но из Уфы вместо представителей Исполкома по телеграфу отвечал чешский офицер. Стало ясно, что Уфа занята чехами.

Отряд Калмыкова связи ни с какими красноармейскими частями не имел и оказался в таком же положении, как и Южно-Уральский отряд. Отряду Колмыкова необходимо было или разойтись по лесам, или начать наступление, чтобы выйти к регулярным красноармейски частям. Отряд решил уйти в Богоявленский завод (50 верст северо-восточнее Стерлитамака) и принять вид партизанского отряда.

Так и было сделано.

Отряд прибыл в Богоявленский завод. Бойцам отряда было сообщено, что отряд переходит на положение партизанского. Тем, кто не хотел служить в партизанском отряде, предложено было покинуть его. Нашлось несколько малодушных, которые не захотели больше оставаться в отряде и немедленно его покинули.

Тов. Калмыков решил привести в порядок свой отряд. Вся молодежь и мужчины Богоявленского завода добровольцами

Н. Томин.
Командующий Троицким отрядом.

И. С. Павлищев.
Командир 1-го Уральского стрелкового полка.
(Убит в бою в районе гор. Вятки).

М. В. Калмыков.
Командующий Богоявленским отрядом.

Т. Кононов.
Командир 17 Сибирского полка (Троицкого).

вступили в отряд. Отряд имел в своем составе 1300 чел. пехоты и конную сотню. Вооружение имелось в достаточном количестве В Богоявленском заводе нашлось около 500 ящиков новых винтовок, два горных орудия, 750 снарядов, около тридцати пулеметов и большие запасы патронов. Большая часть оружия была роздана на руки бойцам, а оставшиеся излишки были спрятаны в горах.

Из Богоявленского завода тов. Калмыковым в Архангельский завод (восемьдесят верст севернее Богоявленского завода) был послан красноармеец тов. Дамберг для сформирования отряда. Тов. Дамбергу быстро удалось сформировать в Архангельском заводе из местных рабочих отряд численностью до 1300 человек. Отряд был разбит на роты, батальоны. Командный состав также был выделен из рабочих. Оружием и боевыми припасами Архангельский отряд снабжался из Богоявленского завода.

Для поддержания постоянной связи между Архангельским и Богоявленским заводами были установлены конные посты летучей почты.

Белогвардейцы занимали города Уфу и Стерлитамак, и у них на виду, можно сказать, сформировался Архангельский отряд. Захватив города, белые предполагали, что в деревне все обстоит благополучно, что в деревне они еще успеют водворить свою власть. В какой мере белогвардейцы были в этом случае непредусмотрительны, можно видеть из следующего: в Архангельском заводе регулярно получалась из Уфимского почтово-телеграфного отделения почта, исправно работал телеграф, которым был соединен Архангельский завод с Уфой. В Архангельском заводе получались, таким образом, по почте все газеты, издаваемые белогвардейцами в Уфе, получались различные распоряжения и инструкции Уфимской Земской Управы (!!). Наличие почтовой связи с Уфой позволяло Архангельскому отряду получать регулярную информацию из белогвардейского лагеря. Бывали даже и такие случаи, что с почтальоном в Уфу посылался разведчик из Архангельского отряда, который доставлял очень ценные сведения.

Архангельский отряд не терял даром времени. Он выделял от себя мелкие отряды, которые производили в различных направлениях разведку и делали налеты на небольшие белогвардейские части. Так, в начале июля для очередного налета направился небольшой конный отряд под командой тов. Дамберга в село Охлябинино (15 верст восточнее Уфы). Осуществление налета являлось делом довольно рискованным по двум причинам. Во-первых, близость города всегда позволяла противнику быстро вызвать подкрепление. Во-вторых, для того, чтобы попасть в село Охлябинино, архангельцам необходимо

было в двух местах на паромах переплыть через реку Белую. Но партизаны не остановились перед трудностями. Они удачно перебрались через р. Белую. Приехали в село Охлябинино. Немедленно же заняли волостную телеграфную станцию и разыскали председателя волостной управы (быв. поручик) и трех членов управы—местных кулаков. Партизанский отряд отрекомендовался представителям местной власти чехами. (Участники отряда все говорили на латышском языке, а «власти» принимали его за чешский). Все члены волостной управы, принимая партизан за чехов, прониклись к ним большим уважением. Охотно давали им различные справки, сообщения. Через несколько часов после занятия красными партизанами села Охлябинино к последнему прибыл отряд чехо-словаков в тридцать всадников, посланных из Уфы для разведки. Архангельские партизаны стремительной атакой прогнали чехо-словаков. Красные партизаны захватили в Охлябинино обоз в 45 подвод, предназначенный для снабжения находившихся в Уфе чехо-словаков.

После налета архангельских партизан на Охлябинино чехо-словаки поняли, что в Архангельском заводе формируется красный отряд.

На другой же день после налета на Охлябинино телеграф Архангельский завод—Уфа не работал. Через несколько дней для подавления архангельского отряда из Уфы был послан белогвардейский отряд в 600 человек. Но нужно сказать, что белогвардейцы не отваживались с наличными силами подойти к Архангельскому заводу. (Очевидно, у них были преувеличенные сведения об архангельском отряде). Белогвардейцы ждали еще прибытия подкреплений из Стерлитамака. А в ожидании подкреплений расположились на западном берегу реки Белой, думая этим уберечь себя от налетов архангельских партизанов. И несмотря на то, что белогвардейский отряд было сравнительно многочисленным и хорошо вооруженным, белогвардейцы все-таки оказались довольно трусливыми. Вот как они обнаружили свою трусость.

Для того, чтобы предотвратить появление архангельских партизан на западном берегу реки Белой, белогвардейцы ночью разрушили паром, при помощи которого всегда свободно можно было переплывать с того берега р. Белой, на котором расположен Архангельский завод, на тот берег, на котором расположился белогвардейский отряд. Однако архангельские партизаны не страшились находящегося на противоположном берегу сильного белогвардейского отряда. На следующую же ночь партизаны незаметно для белых увели испорченный ими паром вниз по течению реки и принялись его ремонтировать. В несколько дней ремонт парома был закончен. Ночью вдали

от расположения белогвардейского отряда переправились на западный берег восемьдесят партизан—кавалеристов и шестьдесят пехотинцев при одном пулемете. Перебравшиеся на западный берег р. Белой партизаны напали на белогвардейский отряд. Неожиданное появление партизан и сильная стрельба произвели панику в рядах белых. Они, не оказывая сопротивления, начали разбегаться в различные стороны. Они оставили налетевшим партизанам сто винтовок, один пулемет, небольшую партию воинского обмундирования и тысячу подвод с овсом, направлявшихся в Уфу.

Захваченные партизанами трофеи очень пригодились. Оружие и овес были переправлены на другой берег и доставлены в Архангельский завод Два удачных налета ободрили партизан Архангельского и Богоявленского отрядов. Они убедились втом,что белогвардейцы не имеют сильной, дисциплинированной армии. Партизаны поняли, что при наличии решительности они в состоянии будут бороться с белыми. Такое настроение привело партизан к мысли о том, что они сумеют через некоторое, может быть и очень продолжительное, время выбраться из кольца противника. Но вместе с тем для партизан понятно было и то, что с наличными силами на прорыв белогвардейского кольца решаться нельзя. На увеличение своих сил они обратили теперь главное внимание. Партизаны проводили небольшие митинги среди рабочих Архангельского завода и доказывали им необходимость ведения борьбы с белой армией. Рабочие, получая сведения от крестьян окрестных деревень, прибывающих из Уфы, сами узнавали о поведении и порядках новой «власти». Из рассказов крестьян они убеждались в том, что «новая власть»—не их власть, что «новая власть» опять их приведет к рабству, к полному бесправию. Рабочие убеждались в том, что если они теперь добровольно не вступят в ряды красного партизанского отряда, то позднее их насильно возьмут в ряды белой армии, где им придется выступить в качестве защитников чужих интересов и прав. Приходилось выбирать: или вступить в ряды партизанского отряда или ждать прихода белых с вытекающими отсюда последствиями. Все сознательные рабочие без колебания начали вступать добровольцами в партизанский отряд... В средине августа Архангельский отряд имел в своих рядах уже 1800 человек... Но далеко не все шло хорошо у партизан. Прежде всего не хватало продовольствия, что доставляло немало тяжелых минут и горя партизанам. Дело в том, что партизаны на территории Архангельского и Богоявленского заводов, будучи окруженными со всех сторон белогвардейцами, явились и гражданской властью в этих двух заводах. Население заводов смотрело на партизан и их командиров не только как на армию, но и как на местную

гражданскую власть, которая должна поддерживать порядок среди населения и принимать меры к удовлетворению его нужд. Хуже всего обстояло дело со снабжением населения заводов хлебом. Запасов продовольствия в заводах не могло быть, так как они всегда получали его извне, питались привозным хлебом. В осенние месяцы рабочие Архангельского и Богоявленского заводов обычно приобретали для себя продовольствие на целый год. К концу лета у рабочих запасы продовольствия истощались, и им приходилось прикупать его мелкими партиями, чтобы как-нибудь протянуть до нового урожая. Также случилось и в этот год. Уже в июне запасы продовольствия у рабочих были ничтожные. В июле нужно было приступить к дополнительным закупкам. Но этого нельзя было сделать, так как крестьяне окрестных деревень, узнав о появлении новой—«белой» власти прекратили подвоз хлеба в заводы в ожидании повышения цен на хлеб с ликвидацией Советской власти. Кроме того, Архангельский и Богоявленский заводы прекратили свою работу. Следовательно, все население заводов лишилось заработка, лишилось средств, на которые оно могло бы купить для себя небходимое продовольствие. А заводы пришлось закрыть в силу небходимости, за отсутствием средств. Сначала рабочие с последними своими грошами отправлялись для закупки хлеба в ближайшие деревни и таким путем частично удовлетворяли свои нужды. Но скоро деньги были растрачены. Началась полоса «внутренних хлебных» займов. Менее зажиточные и многосемейные рабочие занимали хлеб у своих товарищей. Рабочие начали сами сокращать свою обычную норму потребления хлеба. В пищу стали употреблять вместе с хлебом картофель. Положение обострялось с каждым днем. Нужно было принять какие-то срочные меры для снабжения рабочих продовольствием.

Какой-же выход можно было найти? Денежных средств в Архангельском отряде никаких не было. В Богоявленском отряде было немного денег, но они расходовались на довольствие людей и лошадей двух отрядов (Богоявленский отряд помогал Архангельскому). Средства были столь незначительны, что ни командирам, ни бойцам никакого жалованья не платилось.

Партизаны так бережно относились к имевшимся средствам, что в начале лета все они питались на свои личные средства, а кавалеристы кроме того и лошадей кормили имевшимся у них дома фуражем. Все имевшиеся у Богоявленского отряда деньги были использованы исключительно для закупки хлеба. А так как денег было немного, то, конечно, нельзя было рассчитывать на то, что приобретенным на них хлебом можно будет хотя бы на непродолжительный срок обеспечить все население. Решено было производить закупку хлеба у крестьян

по удешевленным ценам. Закупка хлеба у крестьян по удешевленным ценам вызвала недовольство крестьян. Крестьяне всеми способами старались избавиться от такой продажи хлеба, всячески старались скрыть имевшиеся запасы. Вследствие этого положение партизан значительно ухудшилось. Нужно было накормить рабочих и вместе с этим нельзя было прибегать и к реквизициям хлеба у крестьян. Партизаны прибегли к добыче хлеба у своих врагов. С этой целью от времени до времени устраивались налеты небольшими отрядами на транспорты продовольствия на противоположном берегу. Обычно отряд в 50—100 партизан ночью переправлялся на пароме (каждый раз в различных местах) на берег противника, лесами пробирался до ближайшего тракта, где и подстерегал продовольственный транспорт белогвардейцев. Захваченные подводы с продовольствием переправлялись на пароме в Архангельский завод. Отобранное у противника продовольствие распределялось небольшими пайками между жителями Архангельского, Богоявленского заводов и бойцами партизанских отрядов. Налеты партизан должны были носить регулярный характер, ибо они-то в конце концов и были единственным способом заготовки продовольствия и снабжения всего населения, находящегося на территории, занятой красными партизанами. И надо сказать, что никаких волнений среди местного населения не было.

В то время как красные партизаны копили силы, находясь под угрозой голода, белогвардейцы тоже не дремали. Белые начали стягивать значительные силы в гор. Стерлитамак, чтобы одним ударом уничтожить красных партизан. В Стерлитамаке к концу июля было сосредоточено несколько сот пехоты и четыре сотни казаков из отряда полковника Дутова. Партизанам пришлось еще больше прежнего растянуть свой фронт наблюдения за берегом р. Белой, чтобы не допустить белогвардейцев на свой берег. Партизанам пришлось вести наблюдение за берегом р. Белой длиной в 120 верст. Но одного наблюдения было недостаточно. Белогвардейцы в любой момент могли в каком-нибудь пункте одновременно перебросить крупные силы и перейти в наступление. Чтобы предупредить это, партизаны должны были оставлять в резерве крупные силы. В зависимости от данных, получаемых разведкой, резервы часто перебрасывались из одного пункта в другой.

Охрана берега, частые переходы резервов и продовольственные налеты—все это сильно изнуряло партизан. Бойцы целыми сутками оставались без сна, без отдыха делали переходы по 50—60 верст в сутки и всетаки они не падали духом, не унывали, а бодро смотрели вперед, исправно несли боевую службу.

Командиры понимали, что силы их бойцов при таком напряжении скоро истощатся, что нужно создать сильный, большой отряд, с которым бы можно было наверняка вырваться из вражеского кольца. Командиры искали выход. Они посылали своих тайных разведчиков по уральским деревням, чтобы узнать от них нет-ли где-нибудь в горах какого-нибудь партизанского отряда, с которым-бы можно было об'единиться. Опрашивались с этой же целью проезжающие по дорогам крестьяне. До поры до времени такая разведка не давала положительных результатов, но, наконец, она увенчалась успехом. Богоявленские и Архангельские партизаны из опроса проезжих крестьян узнали о том, что в Белорецком заводе находится большой партизанский отряд Блюхера-Каширина. Такое сообщение обрадовало богоявленских и архангельских партизан. Они почувствовали, что трудную борьбу с белогвардейцами не только они одни ведут в столь тяжелых условиях. Они поняли еще больше прежнего, что они имеют столь же стойких и преданных делу Пролетарской революции товарищей, как и они сами.

Но вскоре возникли сомнения.

— Не соврал-ли крестьянин, давший сведения об отряде Блюхера-Каширина?

— А может быть в Белорецке-то находится отряд не Блюхера-Каширина, а белогвардейский.

— Кто-ж его знает, может быть отряд-то Блюхера-Каширина вовсе уж не так велик, как о нем рассказал крестьянин?

— Возможно, что отряд Каширина и велик по своей численности, но неудовлетворительно вооружен, плохо снабжен всем необходимым; все равно тогда нам будет не легко!

Так начинали думать архангельские и богоявленские партизаны. Сведения об отряде Каширина-Блюхера нужно было проверить. В последних числах июля из Богоявленска в Белорецк были отправлены пятнадцать всадников, которые должны были доставить Н. Каширину письмо от командующего богоявленским отрядом М. Калмыкова. Калмыков в своем письме подробно описывал положение, в каком находились Богоявленский и Архангельский отряды, сообщал о количестве людей и лошадей в отрядах, давал сведения о вооружении отрядов, запасах продовольствия и денег. Вместе с этим тов. Калмыков подробно сообщал Н. Каширину о группировке сил противника в Уфе, Стерлитамаке и о тех боях, какие партизанам приходилось вести с белогвардейцами.

Расстояние между Богоявленским и Белорецким заводами большое—250 верст. Весь путь нужно было совершить по горам. В каждой деревушке кавалеристы опрашивали мест-

ное население и узнавали от него, какие сведения имеются у них о красных партизанах и о белогвардейцах. В каждой деревне крестьяне имели преувеличенные и ложные сведения о белогвардейцах. Они говорили, что уже в ближайших селах имеются крупные белогвардейские отряды, что в городах, занятых белыми, ими сосредоточено войск „видимо—невидимо“ и тому подобное. Много крестьяне рассказывали и о том, что теперь—с приходом белых—в городах крестьянам дороже платят за хлеб, что появился на рынке дешевый ситец и пр., в таком же духе.

С недоверием относились всадники, посланные тов. Калмыковым, к тем сведениям, которые им передавались крестьянами. Но получаемые от крестьян сведения иногда все-таки казались правдоподобными и имеющими очень важное значение для благополучия Богоявленского и Архангельского заводов. При получении таких важных сведений один из всадников отделялся от своих товарищей и уезжал с доносением обратно в Богоявленский завод к тов. Калмыкову.

Тов. Калмыков, получая сведения от отряда, посланного им к Н. Каширину, выделял особые разведочные команды для проверки их и, в зависимости от полученных результатов, предпринимал нужные меры.

Кроме доставки письма Н. Каширину высланные пятнадцать кавалеристов должны были выполнить по поручению тов. Калмыкова еще одну очень важную задачу. Они должны были восстановить телеграфную связь между Богоявленским и Белорецким заводами. Телеграфная линия между Богоявленским и Белорецким заводами проходила по тракту, соединяющему эти заводы. Но в первые же дни гражданской войны телеграфная линия была повреждена местным населением. В одном месте были спилены столбы, в другом порван провод. Восстановить телеграфную связь нужно было для того, чтобы Богоявленские партизаны могли быстро и без задержки передавать отряду Блюхера-Каширина различные сведения, так же и получать их от него. Конный отряд, проходя через деревни, понуждал крестьян к немедленному исправлению телеграфной линии собственными силами и средствами. Для этого был простой способ. Всем жителям об'являлось о том, что они в назначенный срок должны произвести ремонт телеграфной линии на определенном протяжении. В том, что крестьянами будет выполнено данное ими обязательство, они давали подписку.

С большой осторожностью, медленно конный отряд продвигался вперед, к Белорецкому заводу. И 29-го июля отряд благополучно добрался до Белорецкого завода. Посланный тов. Калмыковым Н. Каширину пакет был доставлен послед-

нему в больницу. Прочел Н. Каширин полученное им от командира Богоявленского отряда письмо, очень обрадовался, что получил весть от боевого товарища (они вместе боролись под Оренбургом против Дутова). Но в этот момент Николай Каширин не командовал отрядом, никаких сведений о последних боевых действиях отряда он не имел, не мог он дать единолично и определенного ответа на письмо тов. Калмыкова. Н. Каширин предложил приехавшим из Богоявленского завода кавалеристам в этот же вечер отправиться с пакетом Калмыкова на фронт, к И. Каширину, временно командовавшему отрядом вместо Н. Каширина.

X

...На тракте Белорецк—Верхнеуральск, в пяти верстах от г. Верхнеуральска, расположился в небольшой палатке штаб Южно-Уральского отряда. Обстановка штаба была чрезвычайно проста. Весь штаб состоял из главкома И. Каширина, его ад'ютанта Суворова, одного телеграфиста, двух телефонистов и десяти кавалеристов для связи с частями. Палатка была необычайно мала, она не могла приютить в себе всех находящихся при штабе людей. А потому в ночное время в палатке находились только лишь главком, его ад'ютант и дежурный телефонист и телеграфист. Они не могли находиться ночью вне палатки, так как части часто вызывали по телефону. Один телеграфный аппарат, шесть телефонных составляли „обстановку" полевого штаба. Канцелярия была тоже очень проста. Несколько полевых книжек и три карты, находящиеся в полевых сумках главкома и его ад'ютанта, обслуживали все нужды полевого штаба, из палатки отдавались приказы действующим на фронте частям. Из палатки отдавались распоряжения и основному штабу, находящемуся в Белорецком заводе вместе с тыловыми частями и учреждениями. Сюда, в палатку от всех частей поступали все донесения. Палатка являлась мозгом, душой всего отряда. Но главком и его ад'ютант не ограничивались управлением частями „из палатки". Ежедневно они об'езжали все действующие части, на месте знакомились с обстановкой, настроением бойцов, ходом боя, выслушивали доклады командиров, их соображения.

Так шла работа...

31-го июля вечером к главкому И. Каширину прибыли богоявленские кавалеристы с пакетом от т. Калмыкова. Прочел И. Каширин письмо Калмыкова, познакомился еще более подробно с положением Богоявленского и Архангельского отрядов из личной беседы с кавалеристами. Рассказали богоявленцам о намерении Южно-Уральского отряда пробраться в

район г. Бирска. В этот же вечер И. Каширин в палатке штаба собрал всех старших войсковых начальников для обсуждения вопроса, как следует поступить с Богоявленским и Архангельским отрядами. Выслушали письмо тов. Калмыкова. Долго толковали о положении Богоявленского и Архангельского отрядов. Все были согласны с тем, что Южно-Уральский отряд должен об'единиться с Богоявленским и Архангельским отрядами. Но затруднялись лишь над определением того, как и где отряды должны соединиться. Этот вопрос вызвал много споров. Но в конце совещание решило, что Богоявленский и Архангельский отряды вольются в Южно-Уральский отряд при движении последнего в Бирск, в районе гор. Стерлитамака. Для того, чтобы заблаговременно предупредить тов. Калмыкова о своем решении, совещание поручило на следующий день главкому договориться об этом с Калмыковым по телеграфу. Как только закончилось совещание командиров, части Южно-Уральского отряда начали постепенно сниматься с занимаемых ими позиций и отходить к Белорецкому заводу...

Утром 1-го августа густой туман окутал всю территорию, занимаемую частями Южно-Уральского отряда.

В палатке штаба Южно-Уральских отрядов ад'ютант Суворов с телеграфистом сидели за работой. Главком с ординарцами на раскинутых на траве пыльных шинелях, с седлами (вместо подушек) под головой, утомленные вчерашней работой спали. Ад'ютант выполнял приказание главкома. Главком ему приказал переговорить по телеграфу с Калмыковым, сообщить ему главные сведения о Южно-Уральском отряде, получить от Калмыкова последние сведения о действиях белогвардейцев в районе Уфы и передать о предполагаемом движении Южно-Уральского отряда. Для разговора с Богоявленским заводом нужно было сначала вызвать целый ряд промежуточных телеграфных станций. Ясно, что при таком разговоре по телеграфу нужно было иметь своего надежного телеграфиста, приходилось опасаться и того, что вместо Богоявленских партизан могут оказаться белогвардейцы. Но надежный, верный рабочему классу телеграфист Ганский в течение ночи сумел с большими трудами соединиться с Богоявленским заводом. На просьбу его позвать к аппарату командира отряда Калмыкова ему ответили, что Калмыкова сейчас в Богоявленске нет, так как он выехал на фронт, и что за него временно остался его помощник. По просьбе ад'ютанта Суворова к аппарату подошел помощник Калмыкова. Между ними начался разговор.

— Кто у аппарата?

— Я помощник Калмыкова, а вы кто?

— Я ад'ютант тов. Каширина—Суворов.

— Суворов, здорово! Я Ковшов, из Златоуста.

— Не верю, докажи, что ты действительно Ковшов, а не кто-нибудь другой. Как тебя зовут?

— Виталий.

— Так, а скажи, кто в Златоусте военкомом?

— Шварцман.

— А ты скажи, как фамилия Златоустовского комиссара финансов?

— Бояршинов.

Долго так переговаривались Ковшов с Суворовым. Они оба работали в Златоусте. Хорошо знали друг друга и всех златоустовских работников. После длительных переговоров—вопросов они убедились в том, что—свои люди. И уж только после этого они приступили к деловым разговорам.

— Как вы узнали о существовании Богоявленского и Архангельского отрядов?

— К нам ваши кавалеристы привезли письмо Калмыкова.

— Значит, вы многое уже знаете о наших отрядах?

— Да, знаем. По поручению Каширина должен тебе передать кое-что о нашем отряде и наших планах. Будешь сейчас слушать?

— Конечно, говори, слушаю.

— Вот. В нашем отряде десять тысяч людей, двенадцать орудий. Мы наступали на Верхнеуральск, думая через Миасский завод пробраться в район Екатеринбурга. Но из этого ничего не выйдет. У нас очень мало патронов и почти совсем нет снарядов. Настроение у бойцов отличное. Мы решили теперь отступать через Белорецк—Стерлитамак в район Бирска, где и думаем соединиться с регулярными красноармейскими частями. Ночью толковали о ваших отрядах. Мы думаем, что нам удастся соединиться с вами в селе Петровском, около Стерлитамака. Наша беда в том, что мало боевых припасов и продовольствия. Скажи, как по твоему, сумеем мы без особенно сильных боев пройти через ст. Шафраново? Скажи также о положении ваших отрядов, согласитесь ли вы соединиться с нами в с. Петровском?

— Скажу о наших отрядах. Мы имеем, примерно, около трех тысяч людей. Патронов у нас много, даже есть небольшие запасы артиллерийских снарядов. Но у нас также нет продовольствия, нет денег. Думаю, что ваш план хорош. По-моему, через ст. Шафраново удастся пройти довольно легко. Калмыков, наверное, согласится присоединиться к вам в Петровском. Настроение в наших отрядах также хорошее.

— Скорее передай наш разговор Калмыкову. Сейчас мы стоим в поле, под Верхнеуральском. Завтра к вечеру будем в

Белорецке, и тогда, должно быть, сам будет говорить с Калмыковым. Хорошо?

— Хорошо.

— До свиданья.

— До свиданья.

Разговор закончился... Через несколько минут к палатке под'ехали пять кавалеристов Верхнеуральского отряда. Взволнованные кавалеристы поспешно привязали своих коней к рядом стоящим березам и быстро вбежали в палатку. Увидев сидящего за телеграфным аппаратом Суворова, нервно свертывая из махорки „козьи ножки", они сразу начали с ним разговор.

— Ну и сволочи, ну и сволочи Енборисов и Каюков. Убежали ведь, язви их-то, к белым, да еще и красноармейцев с собой увели. Ах... гадюки-же, вертохвосты! Попадут же они к нам в руки все равно... Покажем уж тогда мы им...

Расстроенные красноармейцы начали быстро говорить, перебивая друг друга. Каждый из них старался скорее рассказать Суворову о всем случившемся. Невольно их речь пересыпалась отборными ругательствами.

Ад'ютант одно только и понял из их разговора, что Енборисов и Каюков перешли на сторону белых. Более он ничего не мог разобрать.

Суворов тотчас же выскочил из палатки. Разбудил главкома Каширина. В двух словах сообщил ему о случившемся и спросил: «Что-же сейчас надо сделать?»

Каширин быстро спросил:

— А части отходят?

— Первый Уральский полк ночью снялся, Троицкий отряд перед светом.

—Как, в порядке отошли части?

— Хорошо. От Блюхера и Томина есть донесения.

— Значит, на позиции пока остался один Верхнеуральский отряд?

— Да.

— Ну, ладно. Ты сейчас же передай обо всем этом по телефону в Белорецк, в штаб. К вечеру с полевым штабом снимайся и скорее поезжай в Белорецк. Я сейчас же поеду на позицию, в Верхнеуральский отряд. Завтра к вечеру буду в Белорецке. Понял?

— Все понял, Иван Дмитриевич.

Рядом спящему ординарцу Каширин велел немедленно оседлать для него лошадь, а сам пошел в палатку. Увидав знакомых красноармейцев Верхнеуральского отряда, Каширин поздоровался с ними и тут же сказал:

— Ну, ребята, живо собирайтесь! Сейчас вместе поедем в Верхнеуральский отряд. Натворили у вас там эти супчики— Енборисов и Каюков, надо расхлебывать их кашу. Ни черта! Не робей, ребята, все сделаем. Бывало и хуже, да и то справлялись. Как по-вашему?

— Да, понятно, Иван Димитрич.

— Конечно, сладим.

— У нас никто и не робеет, Иван Димитрич.

— Эх, подумаешь, две сволочи сбежали, так что-же мы, испугались,—что-ли!?

— И без них обойдемся.

К этому времени к палатке уже привели оседланную лошадь И. Каширина. Каширин вышел вместе с красноармейцами из палатки, сел на коня и галопом поскакал к месту расположения Верхнеуральского отряда.

Через полчаса Каширин вместе с пятью кавалеристами прибыл в Верхнеуральский отряд. Отряд занимал прежнюю позицию, только своим левым флангом немного растянулся дальше, заняв тракт Белорецк—Верхнеуральск.

Командиры и красноармейцы, лежа в цепи, обсуждали предательство Енборисова и Каюкова. Сыпали по их адресу тысячи ругательств и проклятий. Но никто из красноармейцев и командиров нисколько не беспокоился об утере двух командиров. Не об этом беспокоились верхнеуральцы. Главным образом они думали о том, что Енборисов и Каюков сообщат противнику очень много сведений об Южно-Уральском отряде и тем самым облегчат им ведение борьбы с партизанами.

И. Каширин собрал в небольшом удалении от пехотной цепи командиров рот, сотен и по одному представителю— красноармейцу от каждой роты. Подробно узнал от них о всех подробностях побега Енборисова и Каюкова, о настроении в частях. Все было выяснено.

Тут же И. Каширин всем собравшимся сообщил о том, что он сам теперь будет командовать Верхнеуральским отрядом. Сообщил и о том, что вечером отряд должен начать отход к Белорецку.

Через час уже все командиры и красноармейцы были на своих местах. С большой радостью передавали один другому о том, что командование отрядом принимает И. Каширин. Настроение у всех изменилось. Все верили в то, что Каширин выведет отряд и из этого тяжелого положения, что горевать не приходится.

Все красноармейцы знали о том, что придется отступать от Верхне-Уральска.

Движение Южно-Уральского отряда в район Бирска всем красноармейцам было известно под названием „отступления на Уфу“. Об отступлении „на Уфу“ красноармейцы и толковали. В разных концах отряда можно было слышать такие разговоры:

— Эх, ребятенки, сорвался, видно, Верхнеуральск!

— М-да, ничего, брат, не поделаешь.

— Все ничего, жалко вот только, что дома не удалось побывать. Как-то там жена с ребятишками.

— Как? Знамо как, поди уж выпороли нагайками-то не один раз.

— Говорят ведь, что к нам по дороге еще два каких-то больших партизанских отряда должны присоединиться. Ты не слыхал об этом ничего?

— Слыхал. Должно быть верно, а раз так, скорее разобьем белую банду.

— Все-бы ничего, да вот патронов-то уж больно мало. Сегодня вот, когда стояли мы в резерве, так у меня из подсумка украли все патроны. Остался понимаешь-ли без единого патрона. Пришлось у Чернышева занять две обоймы. Вот только с этими патронами сейчас так и сижу.

— Что уж говорить. С патронами больно неладно. Но я не такой растяпа, как ты. Я смотрю за своими патронами. Зря нигде их не брошу. Уж даже когда спать ложусь, так и то подсумок с патронами кладу под голову. Меня не об'егоришь.

— Как ты думаешь, дойдем мы до Уфы живыми?

— Конечно. Смотри-ка, как в бою дрейфят белые. Куда им нас потрепать. У них, брат, еще нос не дорос до этого...

Вечером И. Каширным по Верхнеуральскому отряду был отдан приказ об отступлении в Белорецкий завод и о предполагающемся „отступлении на Уфу“.

В приказе коротко говорилось об измене Енборисова и Каюкова, бойцы отряда призывались к бодрости. Все предупреждались о том, что предстоит продолжительный, тяжелый путь, что только товарищеская спайка и твердое желание достижения победы рабочего класса помогут нам успешно закончить нашу борьбу. Все части, говорилось в приказе, должны двигаться по тракту Верхнеуральск—Белорецк и прибыть в Белорецк второго августа к четырем часам дня. Еще раз в приказе напоминалось о том, чтобы красноармейцы особенно экономно расходовали патроны, так как пополнения запасов патронов ожидать в ближайшее время не приходится. Первым должен с наступлением темноты сняться со своих позиций Верхнеуральский стрелковый полк и должен следовать в Белорецк как можно скорее, чтобы раньше прибыть и чтобы не

дать возможности противнику нагнать себя. С рассветом третьего августа должен сняться с позиций последний полк—Верхнеуральский кавалерийский. Верхнеуральский кавалерийский полк должен быть арьергардом всего Южно-Уральского отряда и, в частности, Верхнеуральского. Верхнеуральскому кавалерийскому полку приказывалось охранять тыл отступающих частей, ни в коем случае не допуская, чтобы конница противника могла догнать Верхнеуральский стрелковый полк.

Вечером начал сниматься Верхнеуральский стрелковый полк. Весь Верхнеуральский отряд начал отступление „на Уфу“...

XI

Медленно Верхнеуральский стрелковый полк двигался ночью по тракту, ведущему в Белорецк. Горы, тянувшиеся вдоль тракта, скрывали от взора красноармейцев все пространство. Деревья, густо растущие на горах, своим шумом заглушали движение войск. Красноармейцы, утомленные последними боями, шли молча.

Ночь темная. Из-за шума деревьев ничего не слышно. В любом овраге могла укрыться рота противника, произвести внезапное нападение на передвигающийся полк. Хотя и незначительные были промежутки, разделяющие боковые дозоры, но и они требовали большого внимания.

Особенно тяжело было в арьергарде. Шестая рота, составлявшая арьергард, все время двигалась в пяти верстах от главных сил своего полка. Красноармейцы шестой роты шли молча не только из-за переутомления, но и по обязанности: разговоры в арьергарде были запрещены. Даже курить нельзя, чтобы огнем папиросы не обнаружить движения роты.

Перед самым рассветом переутомление красноармейцев арьергарда достигло наивысшего напряжения. Ноги еле-еле передвигались, одолевала сильная дремота. Казалось, что и противник в это время должен крепко, крепко спать...

Внезапно в лесу, что левее дороги, послышался сильный треск сучьев, резкие удары конских копыт о сырую землю и камни... Боковые дозоры бежали к арьергарду...

Для всех стало ясно, что конница противника обошла правый фланг оставшегося на позиции Верхнеуральского кавалерийского полка, проселочной дорогой пробралась через горы и сейчас имеет намерение напасть на Верхнеуральский стрелковый полк.

Все сознавали, что арьергард ни в коем случае не может допустить противника до главных сил своего полка. «Мы должны умереть, но дать возможность уйти от противника нашему полку»—так думал каждый красноармеец.

Ротный командир Иванчиков уже отдавал приказания своей роте для встречи противника.

— Рота, в цепь бего-о-о-м ммм-а-рш!

Вся рота приняла вид полукольца и бегом начала разсыпаться в цепь, занимая тракт и небольшой лог. Звенящие за плечами красноармейцев котелки нарушили утреннюю тишину...

— Пулеме-е-ету занять середину тра-акта!—кричал ротный Иванчиков.

Пулеметчик Евлампий Бачурин стащил с телеги пулемет «Максим» и сам обвешанный пулеметными лентами начал устанавливать его на средине тракта. Обозник—красноармеец, после того, как Бачурин снял с его телеги пулемет, вожжами настегивал свою рыжую лошадь, силясь догнать главные силы полка.

В это время в лесу треск сучьев и топот лошадиных копыт на минуту стихли. Это две сотни казаков—белогвардейцев привязывали в лесу своих лошадей для того, что-бы в пешем строю повести наступление.

Казаки построились в две колонны и ускоренным шагом направлялись к тракту. В полуверсте от тракта колонны рассыпались в цепь, т. к. дальнейшее движение в колоннах сулило большую опасность. Рассыпавшись в цепь, две казачьих сотни повели наступление.

Командир арьергарда Иванчиков давно заметил движущиеся колонны казаков, но огня по ним он не велел открывать. Сильное желание было у красноармейцев «взять на мушку» казаков, но ротный Иванчиков с большим трудом удерживал красноармейцев от преждевременной стрельбы.

— Постой, ребята, не горячитесь! Далеко ведь еще белые-то, не попадем, промажем, а патроны-то истратим. Вот скоро подойдут ближе к нам, так мы их тогда залпом, да залпом—успокаивал Иванчиков своих красноармейцев.

А белые уже перебегали с места на место, подходя все ближе и ближе.

Скоро они приблизились на такое расстояние, что красноармейцы уже различали отдельные фигуры.

Иванчиков решил произвести для начала пристрелку одним отделением.

— Отделение, прямо по белым, 12. Отделение, пли!—скомандовал Иванчиков.

Неудачно. Пули ложились за противником—перелет.

Иванчиков исправил прицел и опять открыл огонь. На этот раз пыль густым клубом взвилась впереди белогвардейской цепи—недолет. Третьим залпом Иванчиков попал в цель.

Вся рота, по приказанию Иванчикова, открыла частый огонь по цепи противника. Огонь был меткий. Несколько казаков уже лежало убитыми и ранеными.

Но казаки не робели. Они, сознавая свое численное превосходство, продолжали вести наступление. Они быстро перебегали от одного рубежа к другому, задерживались на занятом рубеже на несколько минут, производили ряд выстрелов и опять бежали вперед. Хотя казаков было по численности вдвое больше против арьергарда Верхнеуральского полка, но все-таки они видели, что имеют перед собой довольно хороших стрелков, борьба с которыми обойдется недешево.

Несколько раз во время боя казаки пытались ввести в заблуждение верхнеуральцев переброской своих сил. Они сосредоточивали свой резерв то на правом, то на левом фланге своего фронта, но каждый раз попытки белогвардейцев терпели неудачу. Верхнеуральцы не производили переброски своих сил, а попрежнему лежали на одном месте, отстреливаясь от наступающего противника.

Казаки после своих неудач начинали уже нервничать. Быстрее хлопали своими затворами, стреляли без прицела, во время стрельбы отчаянно ругались.

Наконец, казаки решили во что бы то ни стало захватить наш пулемет. Для захвата пулемета они выделили два взвода. Один взвод должен был вести энергичное наступление прямо на пулемет, по тракту. Другой взвод должен был зайти в тыл пулемету, в это же время все остальные казаки должны были перейти в атаку.

Взвод казаков двигался по тракту, думая вплотную подойти к пулемету. Но пулеметчик Бачурин зорко следил за противником. Ему все время приходилось поворачивать тело пулемета в разные стороны, чтобы успевать за движением противника. Над головой Бачурина свистели пули. Часть пуль попадала в самый пулемет.

Второй пулеметчик—«номер» был занят тем, что все время подносил Бачурину патроны с того места, где они были свалены обозником в начале боя. Тяжело приходилось и второму номеру. Пули не давали ему возможности без риска для жизни подносить патроны. А с того времени, как казаки появились на тракте, он вынужден был ползать за патронами на четвереньках. Но и этот способ передвижения не уберег его от смерти. Второй номер был убит, и пулеметчик Евлампий Бачурин остался при пулемете один. Еще тяжелее стала работа у пулемета. А казаки продолжали нажимать на пулеметчика все сильней и сильней. Тот взвод казаков, который должен был зайти в тыл Бачурину, немного ошибся в своих

рассчетах, зашел дальше, чем следовало, и его удар пришелся не в тыл Бачурину а в левый фланг всего арьергарда. Таким образом, пулеметчик оказался отрезанным от остальной роты. Он увидел, что ему одному придется защищаться от целого взвода казаков. Он лежа стрелял в наступающих на него врагов. Он видел, как некоторые из них падали от его пуль. Но частая стрельба так сильно нагревала пулемет, что Бачурин не мог уже браться за него руками. Невольно, от времени до времени, Бачурин прекращал стрельбу для того чтобы немного охладить пулемет. Противник пользовался такими остановками пулемета и делал в это время новые перебежки. Расстояние между казаками и Бачуриным сокращалось. Наконец, казаки вплотную подошли к Бачурину. Бачурин понимал, что у него может быть только один выход: добровольно сдаться белогвардейцам или терпеливо ждать момента, когда пристреляг белогвардейцы...

Бачурин был непоколебим. Из-за голенища достал он ручную гранату. Вынул из пулемета замок, разобрал его на отдельные части и тут же разбросал их в разные стороны. Сам лег на пулемет, сбоку положил гранату и на глазах противника взорвал себя вместе с пулеметом...

Пулеметчика Бачурина не стало...

Ни пулемета, ни пулеметчика белым не удалось захватить...

XII

3-го августа к вечеру все части Южно-Уральского отряда прибыли в Белорецкий завод.

На площадях, на улицах завода и на полянах, за заводом—всюду расположились люди, лошади, пушки и повозки беженцев и строевых частей.

С закатом солнца большая часть бойцов легла спать, только изредка можно было встретить небольшие группы красноармейцев, занятых приготовлением на костре пищи или чисткой винтовки. Кое-где еще возились с грудными ребятами беженки...

В штабе Южно-Уральского отряда опять было устроено совещание из старших войсковых начальников, для обсуждения плана действий на ближайшее время. Совещание прежде всего решило выбрать нового главкома. Все понимали, что нужно выбрать человека знающего военное дело, надежного и с твердой волей. После непродолжительного обсуждения решили назначить главкомом тов. Блюхера, командующего Уральским отрядом.

Блюхер—старый большевик, человек рассудительный, спокойный, не теряющийся ни в какой обстановке. Блюхер—ра-

бочий, никакого образования (тем более военного) не получил. Правда, во время империалистической войны он был унтер-офицером, но все-таки он не имел достаточной подготовки. Но с первых же дней Октябрьской революции Блюхеру пришлось командовать небольшими красногвардейскими отрядами в борьбе с Дутовым. Здесь-то он и приобрел довольно большой опыт.

Главкома Ивана Каширина считали необходимым заменить Блюхером главным образом потому, что не было подходящего человека, которого можно было бы поставить во главе Верхнеуральского отряда, которым до того времени командовал бежавший к белогвардейцам Енборисов.

Совещание обсудило вопрос о маршруте движения Южно-Уральского отряда. Для всех было понятно, что бежавший к белогвардейцам Енборисов подробно разскажет о предполагаемом нами движении «на Уфу» через станцию Шафраново. Все предполагали, что белогвардейцы, узнав от Енборисова о наших намерениях, своевременно предупредят белогвардейцев, находящихся в Уфе, а последние сумеют встретить на ст. Шафраново Южно-Уральский отряд крупными силами. И для того, чтобы избегнуть столкновения с белогвардейцами на станции Шафраново, решено было пройти Самаро-Златоустовскую жел. дорогу у ст. Иглино. А с принятием такого решения отряд должен был зайти в Богоявленский и Архангельский заводы (они лежали на пути следования Южно-Уральского отряда). На совещании был установлен срок выступления Южно-Уральского отряда и разрешен целый ряд мелких организационных вопросов.

XIII

На другой день штабом Южно-Уральского отряда в Богоявленский и Архангельский заводы было сообщено решение совещания по телеграфу. Богоявленцы и архангельцы через несколько часов уже сообщили о том, что они будут ожидать прибытия Южно-Уральского отряда и примут возможные меры к обеспечению отряда продовольствием и фуражем.

Об изменении маршрута движения Южно-Уральского отряда было сообщено всем красноармейцам отряда. Все находили, что решение принято правильное, все были уверены, что отряду удастся благополучно вырваться из кольца белогвардейцев.

Далекий путь «на Уфу» никого не пугал. Все думали не о том, что нужно совершить далекий путь, что придется побывать в многочисленных ожесточенных боях, все жалели, что им приходится покидать родной Урал, оставлять его в руках белогвардейцев.

— Мы уходим с Урала, но мы вернемся—так говорили красноармейцы.

Окончательно принятое решение об отступлении «на Уфу» сильно обеспокоило красноармейцев, семьи которых находились в числе беженцев. В среде этих красноармейцев было два мнения: одни из них были за то, чтобы взять семьи с собой, другие, наоборот, склонялись к тому, чтобы оставить свои семьи здесь, в Белорецке, и пуститься в далекий путь без семьи. Сторонников увода семейств с собой было значительное большинство. Все семейные красноармейцы начали устраивать свои семьи. Занятые днем службой, они не могли уделять своим семьям много внимания и заботы. Ночью, урывая время от сна, они шли в «беженский обоз» и там в течение нескольких часов решали свои семейные дела.

Выяснилось, что из всех беженцев-верхнеуральцев не хотят уезжать из Белорецка только восемь семейств. Они не хотят следовать за отрядом, потому что трудоспособные их члены — отцы и братья погибли в предыдущих боях.

Другие беженцы уговаривали их, убеждали, чтобы они отправились вместе с отрядом, но уговоры не помогали.

Тов. Вандышев, командир роты Верхнеуральского стрелкового полка, казак, которому было поручено позаботиться о беженцах, обратился с такой речью к беженцам.

— Товарищи! Семьи погибших в боях хотят остаться здесь. Наш долг помочь им. Хотя белогвардейцы и пишут о том, что в нашем отряде будто бы есть печатный станок, на котором Каширин печатает деньги, но вы знаете, что это вранье. Денег мы не печатаем, и у нас их очень немного. У нас все, начиная от красноармейца и кончая главкомом, получают сто пятьдесят рублей. Мы бедны. Но все-таки поможем остающимся. По моему, вот что надо сделать: во-первых, для остающихся собрать побольше денег, во вторых их нужно будет сегодня же устроить на квартирах у местных беспартийных, но честных рабочих, которые бы не выдали их белогвардейцам. Согласны ли со мной, товарищи?

— Верно, верно—раздавалось со всех сторон.

Решение было принято.

Тов. Вандышев тут же передал остающимся беженцам одиннадцать тысяч рублей, собранных им среди красноармейцев отряда. Беженцы, отправляющиеся с отрядом, сейчас же начали отдавать остающимся сиротам свои последние деньги. В течение получаса они собрали пять тысяч рублей. Кроме того, беженцы отдавали остающимся в Белорецке белье, посуду, предметы домашнего обихода.

На общем собрании беженцы выбрали одну женщину—уроженку Белорецкого завода, которая должна была всех остающихся беженцев устроить по квартирам.

Вандышев, предупредив всех беженцев о том, что они должны будут выехать из Белорецка после полудня, простился с ними и отправился в свою роту.

Всю ночь беженцы не спали. Они собирались в небольшие группы у костров, много говорили о последних боях, о неудачах Южно-Уральского отряда и о движении «на Уфу».

Жены красноармейцев, не имеющие детей, помогали многосемейным стирать белье, собирать вещи, печь хлеб...

XIV

С рассветом, 5-го августа части Южно-Уральского отряда начали выходить из Белорецкого завода...

Кавалерийский (казачий) полк имени Стеньки Разина и 1-й Уральский стрелковый полк составляли авангард отряда. Бесшумно они вышли из Белорецкого завода и направились по Уфимскому тракту.

Но едва только авангард успел выйти из завода, как на восточной окраине завода началась перестрелка.

Разведка противника, предполагая, что Белорецк уже оставлен нами, думала без боя занять завод. Но она ошиблась в своих расчетах. Разведка столкнулась со сторожевыми заставами арьергардного Верхнеуральского стрелкового полка.

Противник, встреченный ружейным огнем, отошел. Но через некоторое время опять подошел к заставам, пополнив свои силы. Около шестисот белогвардейцев-пехотинцев повели наступление на заставы Верхнеуральского полка.

Заставы немного отошли, ибо борьба с превосходными силами противника была невозможна. Необходимо было подкрепление.

Скоро на помощь заставам подошли два батальона Верхнеуральского полка. Завязался бой.

Пехота противника несколько раз переходила в атаку на верхнеуральцев, но, получая каждый раз отпор, она опять отходила на свои старые позиции. Руководимые старыми, опытными офицерами белогвардейцы применяли самые разнообразные способы борьбы: обходы, удары во фланги. И всетаки, несмотря на опыт и знание военного дела, белогвардейские офицеры никак не могли сломить упорства и обмануть сообразительность командиров Верхнеуральского полка—простых рабочих, служивших в старой армии рядовыми или унтер-офицерами.

Два раза белогвардейцы направляли в атаку три конных сотни, и все-таки ничего не могли сделать.

В полдень белогвардейцы подвезли артиллерию. Сначала редким, а потом частым огнем они начали обстреливать Белорецкий завод. Снаряды рвались на улицах, площадях завода, разрушали отдельные дома.

Но Верхнеуральский стрелковый полк и приданный ему Верхнеуральский кавалерийский полк сдерживали противника.

В то время как на окраине завода происходил бой, части Южно-Уральского отряда продолжали выполнять данное им задание: они спокойно выходили из Белорецкого завода.

Через два часа после того, как из Белорецка выступил авангард, начал движение Белорецкий пехотный полк.

Часа через три потянулся обоз отдела снабжения. Сотни телег были загружены винтовками, мукой, снарядами, патронами и мануфактурой. Десятки телег были заняты лаптями. Все в отряде дорожили лаптями. Сапог в отделе снабжения не было, а потому лапти выдавались вместо сапог. Да и лаптей было очень немного. Каждый красноармеец хорошо знал об этом, а потому к обуви все относились бережно. В хорошую погоду обычно ходили босиком, лапти носили на плече или за поясом.

Для охраны отдела снабжения к нему была придана одна сотня кавалерии.

После отдела снабжения выступил обоз санитарной части Южно-Уральских заводов. Обоз санитарной части был сравнительно невелик. Главным образом в обозе были повозки, занятые ранеными. Сто пятьдесят раненых красноармейцев следовали с обозом санитарной части. Здесь были легко раненые, были красноармейцы и с тяжелыми ранениями. Никто из них не хотел остаться в Белорецке, в заводской больнице. Они все решили следовать вместе с отрядом. Только восемь раненых красноармейцев, которым недавно делали операции, после продолжительных уговоров согласились остаться в Белорецкой больнице.

В Белорецкой больнице находилось пятнадцать раненых, пленных белогвардейцев. Они дали честное слово отступающим красноармейцам в том, что они ни в коем случае не допустят расстрела оставшихся раненых красноармейцев*).

С перевязанными головами, животами, руками лежали красноармейцы в обыкновенных крестьянских телегах. По три по четыре человека ехали они в телегах по ухабистой дороге Белорецкого завода. Незажившие раны ныли от боли. От

*) И, действительно, через год, когда красноармейские части вновь заняли Белорецкий завод, было установлено, что пленные сдержали свое слово—не дали расстрелять раненых красноармейцев.

сильных толчков телеги боль усиливалась, становилась еще более невыносимой. Повязки, сделанные из обыкновенного полотна или из нижней рубахи, быстро покрывались густым слоем пыли.

За недостатком санитаров и обозных раненые красноармейцы в большинстве случаев обслуживали себя сами. Легко раненые и выздоравливающие размещались на телегах вместе с тяжело ранеными. Они были у них кучером, приносили им воду, помогали менять положение в телеге.

Страдания вызывали еще большую озлобленность против тех, кто начал гражданскую войну. Раненые красноармейцы мечтали только о том, как бы скорее поправить свое здоровье, чтобы вновь вернуться в строй.

Бой, происходивший на окраине Белорецкого завода, не тревожил беженцев. Они спокойно собирались в далекий путь. Уж только тогда, когда снаряды противника начали рваться на улицах завода, беженцам было отдано приказание выходить из Белорецка.

Потянулся обоз беженцев. Несколько тысяч простых, крестьянских кляч тащили телеги с людьми. Весь обоз состоял из женщин и детей. Изредка только можно было встретить дряхлого старика, который не в состоянии был носить оружия.

Здоровых мужчин не было в беженском обозе. Перед уходом из Белорецка, по просьбе самих беженцев, в обозе штабом была произведена «чистка». Все сколько-нибудь пригодные к строевой службе были из'яты из обоза и направлены в строевые части.

Кроме людей, на телегах не было ничего лишнего. Домашний скарб был каждым беженцем сокращен до минимума. На телегах виднелись рваные одеяла, ведра, небольшие мешки с мукой, железные чайники. Все остальное было отдано оставшимся в Белорецке беженцам-сиротам или продано за бесценок жителям Белорецкого завода.

Смазанные дегтем колеса телег не скрипели. Каждая телега была обеспечена достаточным запасом дегтя. У задней оси каждой телеги болталась привязанная на веревке логушка (посуда для дегтя), наполненная дегтем.

Лошадьми управляли в большинстве случаев женщины. Кое-где в качестве кучеров сидели мальчики десяти-двенадцати лет.

Вслед за беженцами выходил из Белорецка штаб. Весь штаб занимал пять телег. Ничего лишнего при штабе не было. Главком ехал вместе с другими штабными работниками на телеге. Вместе со штабом двигались три легковых автомобиля. Хорошие легковые автомобили не могли быть использованы

для перевозки людей за отсутствием «горючего»—бензина. Но шоффер дал себе слово, что ни одного автомобиля он не оставит белогвардейцам. Он смешивал имевшиеся остатки бензина с нефтью, с керосином и тащил автомобили. Один автомобиль привязывался к другому веревкой и первый на буксире тащил второго. Сильно пыхтели и стучали моторы автомобилей, но всетаки они не могли делать более 5-8 верст в час.

Под грохот рвущихся снарядов снималась с позиций артиллерия отряда.

И уж только после того, как закатилось солнце, с позиций начал сниматься Верхнеуральский стрелковый полк, а за ним—Верхнеуральский кавалерийский полк. Эти полки сдерживали наступление противника в течение целого дня. Они не пустили его в Белорецкий завод и тем самым дали возможность находящимся в Белорецком заводе частям собраться должным образом и выйти в полном порядке.

Под прикрытием темной ночи отходил арьергард Южно-Уральского отряда. Впереди двигался Верхнеуральский стрелковый полк. Он составлял главные силы арьергарда. Верхнеуральский кавалерийский полк составлял походное охранение главных сил арьергарда. Он весь был разбит на отдельные сотни—походные заставы.

Без шума покидал арьергард Белорецкий завод. Части арьергарда старались всеми силами выйти из завода так, чтобы находившийся у завода противник не мог заметить их отхода, чтобы он не начал их преследование. Все это удалось выполнить.

Противник не заметил отхода последних частей Южно-Уральского отряда, белые предполагали с рассветом вновь начать с нами бой.

Рано утром 6-го августа белогвардейцы заняли Белорецкий завод. С песнями и свистом входили «победители» в Белорецк. Вместо ожидаемых больших трофей: патронов, снарядов, продовольствия и оружия, вместо отставших от Южно-Уральского отряда красноармейцев они увидели пустые заводские площади и улицы. Вместо отставших красноармейцев «победители» нашли восемь семейств беженцев. Белогвардейцы ликовали, надеясь на то, что они вступили в новую полосу побед над Южно-Уральским отрядом.

Радость их была велика, но она была преждевременной.

XV

Южно-Уральский отряд двигался по тракту «на Уфу»...

Уфимский тракт—лучшая дорога—не являлся удобным путем для массового передвижения. Глубокие овраги, горные речки и большие камни сильно задерживали движение отряда.

Крутые скаты Уральских гор, густые леса на каждом шагу оказывали сопротивление продвижению людей и лошадей. Много сил тратили те́ и другие для того, чтобы забираться на горы, вновь спускаться с них и опять подниматься вверх.

Весь отряд мог двигаться только в один ряд, так как дорога была слишком узка и неудобна для движения в два ряда. На двадцать верст растянулись по тракту люди, лошади и повозки.

Если тяжело приходилось при движении главным силам отряда, следовавшим по Уфимскому тракту, то в еще худшем положении находились части бокового отряда. Они двигались в 5-7 верстах от тракта, шли по проселочным дорогам, горным тропинкам, а иногда прямо лесом, без всякой дороги. Пехотинцы бокового отряда тщательно осматривали крупные овраги, лощины и ущелья. Они зорко следили за тем, чтобы где нибудь не спрятался враг, чтобы он не налетел внезапно на главные силы отряда. Все время приходилось прислушиваться к каждому звуку, всматриваться в лесную даль.

Трудно было следить за коварным врагом. Он всюду мог прийти и нанести удар. И небольшие части противника иногда прорывались незамеченными боковым отрядом. Так, на второй день после выступления Южно-Уральского отряда из Белорецкого завода две сотни белогвардейцев внезапно налетели на двигавшиеся по тракту обоз беженцев и санитарную часть. Беженцы не дрогнули от внезапного появления белогвардейцев. Они не гнали своих лошадей, так как быстрая езда была невозможна, они не просили у прорвавшегося противника пощады. Нет, они знали, что просить о пощаде бесполезное дело. Они стремились к тому, чтобы отбить противника, выйти из под его удара.

Вот беженка, имеющая на своей телеге трех ребят, заметила белогвардейцев. Она поспешно схватывает лежавшую у ее ног берданку, бросает сидящему в телеге Мишке—своему пятилетнему сыну вожжи, а сама, спустившись с телеги, начинает стрелять «с колена» в белогвардейцев. Мишка туго натягивает вожжи, силится сдержать испугавшуюся лошадь, но она плохо слушается...

Пули с визгом ударяются о дорожные камни, в шины колес телеги.

— Мама, мама, смотри-ка, куда попала окаянная!—кричит Мишка своей матери.

Но мать его, не обращая никакого внимания на призывы, продолжает пускать пулю за пулей в белогвардейцев.

В соседней телеге ехали две сестры беженки с одним ребенком. Мать ребенка взяла лежавшую заряженную винтовку,

передала вожжи своей сестре Насте, слезла с телеги и начала отстреливаться от наседавших белогвардейцев. Настя легла на дно телеги, крепко прижала к себе одной рукой грудного ребенка сестры, другой держала вожжи. Пули свистали, нельзя было поднять голову. Коварная пуля попала в сивку—лошадь, которою управляла Настя. Настя бросила вожжи, обеими руками уцепилась за малыша и продолжала спокойно лежать в телеге. Ее сестра в это время вместе с другими женщинами вела бой.

Наконец бой закончился. Беженки-женщины, необученные военному делу, победили белогвардейцев. Белогвардейцы увидели, что им не удастся без больших потерь захватить обоз. Повернув своих лошадей они ушли в горы, скрылись в густом сосновом бору.

Беженки, лишившиеся во время боя своих лошадей, рассаживали ребят по телегам своих спутниц, снимали с телег черезседельники, с большим трудом стаскивали с убитых лошадей упряжь и все это складывали в телеги своих соседей, Потом они убирали с дороги свои телеги, убитых лошадей, усаживались в телеги товарищей и продолжали дальнейшее движение.

Обоз беженцев двигался дальше по Уфимскому тракту, как будто ничего не произошло...

Одновременно с этим другая сотня белогвардейцев налетела на санитарную часть отряда.

И в обозе санитарной части боеспособных мужчин почти не было. В обозе находились исключительно раненые красноармейцы. Все они хорошо умели владеть оружием, каждый из них много раз бывал в боях. Раненые не испугались белогвардейцев. Несмотря на то, что большинство из них не в состоянии были без посторонней помощи вылезть из телеги, они решили, что сумеют отбиться силами легко раненых.

Так и сделали.

Красноармейцы с перевязанными руками, ногами вылезали из телег, ложились на дорогу и открывали стрельбу по белым.

— Ванюшка, Ванюшка,—кричит раненый в ногу красноармеец своему тяжело раненому товарищу, лежащему в телеге—подбрось-ка мне патронов, не хватает, язви их-то.

Ванюшка, лежа на спине, достает из под головы несколько патронов и бросает их своему товарищу, который прикладом винтовки достает не долетевшие до него патроны и вновь продолжает стрельбу.

Красноармеец с перевязанной головой не может вылезть из телеги, а хочется принять участие в перестрелке. Он обращается за помощью к находящейся в телеге сиделке.

— Дуня, Дуняша, дай-ка мне винтовку, я ему влеплю прямо в башку.

Сиделка передает свою винтовку старому бойцу, и тот, сидя в телеге, начинает стрелять.

И тут белогвардейцам ничего не удалось сделать. Ничего они не могли отнять у раненых, ни одного человека не удалось им захватить в плен. Всему обозу они нанесли небольшой ущерб: убили двух раненых красноармейцев.

Бой недолго продолжался. Белые ушли в горы. Арьергард отряда—Верхнеуральский кавалерийский полк прикрывал отступление. Он двигался несколькими дорогами: Уфимским трактом и проселочными дорогами, идущими с правой и левой стороны Уфимского тракта.

Вместе с арьергардом следовала наспех сформированная в Белорецком заводе конно-саперная команда. Она была сформирована за два дня до отступления из Белорецкого завода. В команде не было обученных сапер. Все красноармейцы саперной команды были обыкновенными кавалеристами. Инструмент команды был невелик. Он состоял из нескольких топоров, пил, ломов, небольшого запаса бомб и динамита. Работой саперной команды руководил ад'ютант штаба Суворов.

Саперная команда, как только вышла из Белорецкого завода, приступила к работе. Она спиливала телеграфные столбы, расположенные вдоль Уфимского тракта, портила небольшие мосты, имеющиеся на тракте. Она выполняла пока несложную работу, но она должна была в будущем оказать отряду очень ценную услугу.

В течение первого и второго дней по выходе из Белорецкого завода белогвардейцы не преследовали Южно-Уральский отряд. Они не могли его нагнать. Начинали уже предполагать, что противник откажется от преследования. Но предположения не оправдались. На третий день противник догнал арьергард в районе Узянского завода.

Главные силы Южно-Уральского отряда и все обозы уже вышли из Узянского завода. Начинал выходить Верхнеуральский стрелковый полк. Верхнеуральский кавалерийский полк находился верстах в 4-6 от Узянского завода. Он ждал ухода из Узянского завода Верхнеуральского стрелкового полка.

Кавалерийский полк отдыхал. Только одна сотня его находилась на тракте для наблюдения за своим тылом. Было уже около трех часов дня. Солнце сильно палило своими лучами кавалеристов. Пыль густым слоем покрывала их лица, одежду. Сильно хотелось кавалеристам искупаться в реке Серганке. Соблазн был велик: ведь два дня мы не видали противника; наверное, не встретимся и сегодня.

Решили всей сотней искупаться.

Привязали лошадей к деревьям, быстро разделись и начали купаться в прохладной воде Серганки. Но только кавалеристы погрузились в воду, как неожиданно на них налетела кавалерия противника.

Верхнеуральцы вылезли из воды, отвязали своих лошадей и, не надевая на себя белья и одежды, с шашками и пиками в руках начали отбиваться от белогвардейцев. Но те не отходили. Бой затянулся.

Силы противника росли. Скоро появилась артилерия. Белые начали обстреливать Узянский завод. Весь Верхнеуральский кавалерийский полк вступил в бой. На поддержку подошла одна рота Верхнеуральского стрелкового полка. Белогвардейцы поняли, что им не справиться с превосходными силами красноармейцев. Медленно они стали отходить.

К этому времени уже все части Южно-Уральского отряда вышли из Узянского завода. Арьергард также начал оходить.

Таким образом, три нападения белогвардейцев на Южно-Уральский отряд во время его движения были отбиты.

Каждый день отряд проходил 20-25 верст. В течение дня отряд находился в движении. Только на ночь отряд располагался в деревнях, отдыхал там, а утром уходил.

На ночлег отряд обычно располагался в нескольких деревнях. Он занимал деревни на территории 10—12 квадратных верст и там размещался. Отряд был слишком велик для того, чтобы поместиться в одной-двух деревнях. Раненых и беженцев старались на ночь размещать по крестьянским избам, чтобы дать им возможность отдохнуть, вымыться.

Кавалеристы и обозные, находясь целый день в дороге, не могли запасать для своих лошадей сена. В отделе снабжения сена не было. Поэтому при остановках приходилось пользоваться сеном крестьян. Также обстояло дело и со снабжением отряда печеным хлебом. Запасы муки в отряде были крайне ничтожны. К тому же остановки были столь непродолжительные, что о массовой заготовке печеного хлеба не приходилось думать. Печеный хлеб брали у крестьян. Вместо взятого у крестьян хлеба и фуража давали им муку, мануфактуру и в редких случаях—деньги.

Население относилось к красноармейцам Южно-Уральского отряда различно. Более сознательные рабочие тех заводов, через которые проходил отряд, обычно присоединялись к отряду и уходили вместе с ним. Так, в заводах Узянском, Авзяно-Петровском и Кагинском вступило в отряд около ста человек. Большинство рабочих, остающихся на территории белых, было удручено тем, что красноармейцы покидали Урал. Они оказывали красноармейцам всевозможные услуги. Охотно предоставляли им для ночлега свои квартиры, жены рабочих

кормили красноармейцев, чинили им белье, стирали. Рабочие и их жены решительно отказывались принимать деньги от красноармейцев за свои услуги.

— На-ка тебе, со своего-то брата, голытьбы, мы еще будем брать деньги. Вы уходите куда-то далеко, далеко, а ведь мы-то, чать, дома остаемся, как-же нам брать еще с вас деньги— говорили жены рабочих.

— Эх, товарищи, я хоть; и не большевик, а нутром чувствую, что ваше дело правое. И если бы не жалко было семьи так конечно, ушел бы вместе с вами—говорили рабочие красноармейцам.

Рабочие южно-уральских заводов находились в крайне тяжелых условиях. Заводы уже больше года не работали. Заводы находились в большом удалении от железной дороги. Рабочие, не имея постоянного заработка, уходили в поисках работы в деревню, почта получалась очень редко, газет почти никто из них не читал. Об Октябрьской революции рабочие узнавали от возвращавшихся демобилизованных солдат старой армии, да от случайно приезжающих агитаторов. Рабочие южно-уральских заводов не имели еще правильного представления о классовой борьбе, о рабоче-крестьянской власти. И часто гражданская война казалась им чем-то непонятным, странным. Они еще плохо знали о том, за что борются красноармейцы.

Труднее было понять и определить настроение крестьян. Для них задачи и требования Советской власти были почти неизвестны. Ни о каких законах, изданных Рабоче-Крестьянским правительством, они не знали. Они, вероятно, предполагали, что все реформы, проводимые Советским правительством, сводятся к тому, что сельский староста будет называться председателем сельского совета.

И часто случалось так: заходят красноармейцы в деревню и спрашивают у крестьянина:

— Где живет председатель?

— Вон там—отвечает и показывает крестьянин рукой.

— А староста у вас есть?—спрашивает красноармеец.

— Как-же, как-же, есть.

— А где живет староста?

— Там-же—спокойно отвечает крестьянин—он у нас председателем и старостой.

Крестьяне слыхали за последние дни о том, что есть каких-то две армии: «Красная» и «Народная». Слыхали они о том, что эти армии ведут между собой войну. Но кем организованы эти армии, из за чего они ведут борьбу—крестьяне не знали.

Уж пять-шесть месяцев прошло с тех пор, как деревня не получала никаких вестей из своего уездного административного центра—из Уфы. Она не знала, кто является хозяином положения в их уезде: белые или красные. Поэтому крестьяне вели себя очень осторожно. Они ожидали исхода борьбы между «красными» и «белыми». Сами в борьбе участия не принимали. Но чтобы не навлечь на себя гнева той и другой стороны, они отказывались в большинстве случаев от активной помощи тем и другим. Но крестьяне довольно охотно предоставляли для нужд Южно Уральского отряда подводы, отводили для ночлега свои избы, делились хлебом и фуражем.

Красноармейцы, урывая время от сна и отдыха, простым, понятным для крестьян языком, рассказывали им о том, как помещики и фабриканты не хотят отдавать власти рабочим и крестьянам, как они не хотят расставаться со своими богатствами и барышами. Красноармейцы рассказывали крестьянам о том, что офицерство всеми силами стремится поддержать своих хозяев. Красноармейцы говорили крестьянам, что как огонь и вода не могут жить вместе, так и рабочие, крестьяне и капиталисты не сумеют договориться. Все это крестьяне слышали впервые. Никто им раньше не говорил об этом. Никаких газет они не читали, да и не получали их. Крестьяне с жадностью выслушивали красноармейцев, кивали в знак согласия с ними головой и приговаривали: «Верно, верно, батюшка».

В течение восьми дней отряд прошел двести сорок верст. Уральский хребет был пройден.

12-го августа отряд приближался к селу Петровскому, что в тридцати верстах восточнее Стерлитамака. До сих пор отряд следовал в западном направлении, двигался исключительно по Уфимскому тракту. Но от села Петровского отряд должен был итти в северном направлении по проселочным дорогам, чтобы попасть в Богоявленский завод и на станцию Иглино.

Подходя к селу Петровское, части Южно-Уральского отряда думали, что они без боя вступят в село, расположатся на ночлег, отдохнут. Но случилось иначе.

Дело в том, что село Петровское лежит на Уфимском тракте, проходящем через город Стерлитамак. Из Стерлитамака в Богоявленский завод наиболее удобный путь проходил через село Петровское. Оказалось, что белогвардейцы, сосредоточив крупные силы в Стерлитамаке, повели наступление на Богоявленский завод. Они уже успе и занять село Петровское и предполагали на другой день идти в Богоявленский завод.

Авангард Южно-Уральского отряда совершенно случайно столкнулся в с. Петровском с белогвардейцами. Около тысячи человек пехоты и шестисот кавалерии занимали Петровское.

Начался бой.

В начале белогвардейцы действовали только одной пехотой. С первых же шагов видно было, что пехота белогвардейцев неустойчива, что рядовые бойцы неопытны и что только благодаря суровой дисциплине, поддерживаемой офицерами, они шли в бой.

Несколько раз белогвардейская пехота переходила в наступление на авангард Южно-Уральского отряда, 1-й Уральский стрелковый полк. Но бойцы первого Уральского стрелкового полка были более опытны, чем пехотинцы-белогвардейцы. Командиры Уральского полка, бывшие офицеры, не уступали по своим знаниям белогвардейским командирам. Все атаки белогвардейцев успешно отбивались.

Тогда белые ввели в бой всю свою конницу. Кавалерия белогвардейцев быстро рассыпалась в цепь и повела наступление на фланги первого Уральского полка. Отбили и конницу уральцы. Но противник начал маневрировать своей конницей в различных направлениях. Он высылал на фланги Уральского полка свою пехоту и направлял для лобового удара конницу, потом быстро менял расположение своих частей и наносил своей конницей фланговые удары.

От таких каверз белогвардейцев можно было ожидать поражения, а кроме того бой затянулся на продолжительное время, и его нужно было скорее закончить, чтобы красноармейцы могли отдохнуть и приготовиться к дальнейшему движению.

Первый Уральский полк вызвал на помощь себе кавалерийский имени С. Разина полк. Быстро появился на поле боя кавалерийский имени С. Разина полк и вместе с Уральским стрелковым полком повел наступление на белогвардейцев. В течение часа решился исход боя.

Результаты его были таковы: части Южно-Уральского отряда захватили в плен около 200 белогвардейцев, отобрали у противника шесть пулеметов. Разбитые части противника отошли в Стерлитамак.

В числе пленных было несколько офицеров. Из разговоров с ними удалось выяснить, что белогвардейцам было дано задание в течение 3-4 дней ликвидировать Богоявленский партизанский отряд. Оказалось, что белогвардейцы, находившиеся в гор. Стерлитамаке, никаких сведений об Южно-Уральском отряде не имели и ни в коем случае не ожидали его появления в районе села Петровского. Таким образом Южно-Уральский отряд совершенно случайно предотвратил наступление белогвардейцев на Богоявленский завод.

Если бы Южно-Уральский отряд прибыл в село Петровское на несколько дней позднее, то белогвардейцы могли бы занять Богоявленский завод и все хранящиеся там боевые припасы.

План белогвардейцев не осуществился.

К вечеру 12-го августа авангард Южно-Уральского отряда расположился на ночлег в селе Петровском. Все остальные части и обозы отряда расположились в районе села Петровского.

Красноармейцы всего отряда быстро узнали о бое под селом Петровским. Все предполагали, что белые если окажут где-нибудь сопротивление, так окажут сопротивление серьезное, а не такое, как под с. Петровским.

Все толковали о том, что только сорок пять верст осталось до Богоявленского завода, где имеются запасы патронов, снарядов, где силы отряда еще пополнятся рабочими Богоявленского завода.

На следующее утро Южно-Уральский отряд потянулся по лесным проселочным дорогам в Богоявленский завод. Два дня красноармейцы шли по узким дорогам, пересеченным вылезшими корнями деревьев, растущих по сторонам дороги. Здесь уже не мешали движению отряда крупные горы, не было на дороге больших камней, преграждавших путь. Легче было итти, веселее: расстояние до цели сокращалось...

XVI

14-го августа части Южно-Уральского отряда вступили в Богоявленский завод.

На первый взгляд казалось, что во всем заводе не было живых людей. Не видно было людей на улицах, не слышно их голосов. Красноармейцы Южно-Уральского отряда знали, что в Богоявленском заводе их примут хорошо, дружелюбно. Они были удивлены таинственной тишиной, безлюдьем.

Но скоро все сомненья разсеялись. Все узнали о том, что в Богоявленском заводе нет богоявленских партизан, так как все они находятся на сторожевых постах в окрестных деревнях. Они были там, откуда больше всего можно было ожидать появления противника.

Жены и подростки богоявленских рабочих тоже, за редким исключением, находились на военной работе. Одни пекли в своих печах хлеб для бойцов, другие в поле косили траву для снабжения лошадей богоявленских партизан. Командир Богоявленского отряда Калмыков отсутствовал. Он уехал к своему отряду осматривать его расположение.

Такая обстановка всем бойцам и командирам Южно-Уральского отряда была хорошо известна, и это их нисколько не смущало.

К полудню 14-го августа авангард Южно-Уральского отряда (1-й Уральский стрелковый полк и кавалерийский имени С. Разина полк) разместились в Богоявленском заводе. Скоро туда же приехал вместе со своим штабом главком Блюхер. Блюхер немедленно отправился в штаб Богоявленского отряда для того, чтобы получить точные сведения о состоянии отряда, запасах патронов, снарядов и о намерениях противника. Блюхер скоро узнал о том, что бойцы Богоявленского отряда сильно утомлены. Люди устали от частых переходов, от мелких, беспрерывных боев и от бессонных ночей.

— Наши люди—заявил главкому Блюхеру начальник штаба Богоявленского отряда В. Ковшов—не спали по 5—7 суток. Они изнурены до крайности и, по-моему, перед началом движения им необходимо дать хотя-бы небольшой отдых.

— Верно, верно,—согласился Блюхер—им нужен отдых; хотя красноармейцы нашего отряда тоже сильно устали, но во время движения из Белорецкого завода они все-таки каждую ночь спали. И я думаю, что мы сегодня же вечером сменим ваш отряд одним из наших полков.

— Что касается боевых припасов—продолжал Ковшов,—то могу сказать, что все запасы патронов и снарядов, какие у нас имелись, сохранены. Мы, как только узнали о существовании вашего отряда и установили с вами связь, не расходовали своих запасов, мы пользовались только тем, что отбирали в боях у противника.

— Вот это очень важно для нас—прервал Блюхер—мы все время нуждались и нуждаемся в патронах и снарядах. Подумайте, из Отдела Снабжения красноармейцам мы патронов не выдаем, так как их нет. Красноармейцы пользуются теми патронами, которые они отнимают у белогвардейцев, или одалживают их один у другого.

— Как,—удивился Ковшов,—ваши красноармейцы берут в долг патроны друг у друга; интересно!

— Представьте себе, что таким образом „снабжаются“ наши красноармейцы патронами. А еще хуже обстоит дело со снарядами. Снарядов у нас очень немного, и их придется сберечь, так как они, главным образом, должны нам пригодиться при переходе через ст. Иглино.

— Любопытно,—спрашивал Ковшов,—много-ли вы везете с собой раненых, имеется-ли у вас перевязочный материал и медикаменты?

— Из Белорецка мы вывезли сто пятьдесят раненых, теперь их уже стало сто восемьдесят пять. Перевязочного ма-

терпала у нас нет. Перевязываем чистым бельем, полотном. С медикаментами дело обстоит также очень скверно. Небольшие запасы медикаментов мы вывезли из Верхнеуральска, но от них уже почти ничего не осталось.

— А у нас со всем этим прямо-таки отчаянное положение. Запасов нижнего белья нет, полотна тоже нет. Мы берем у красноармейцев нижнее белье, стираем его и используем в качестве перевязочного материала. Некоторые красноармейцы ходят только в брюках и гимнастерках, но без нижнего белья.

—Ну-с, так...—закончил разговор Блюхер,—а скоро-ли вернется Калмыков?

— Он вчера уехал и хотел сегодня к обеду вернуться. Я давно уже послал ему с конным ординарцем сообщение о вашем прибытии и думаю, что через час он будет здесь.

Блюхер попрощался с начальником штаба Богоявленского отряда и отправился в свою «ставку», приютившуюся в двух комнатах квартиры Богоявленского рабочего.

В штабе уже кипела работа. Начальник штаба с двумя ад'ютантами карандашем наносили на картах расположение своих частей, подсчитывали, по донесениям командиров отрядов, наличие людей в полках, просматривали белогвардейские газеты, отобранные у пленных в последних боях, отмечая на карте расположение регулярных красноармейских частей.

В штабе же находились начальники снабжения, санитарной части и обоза беженцев. Они приехали в штаб по приказанию главкома для подробного доклада ему о состоянии своих частей.

Блюхер выслушал сначала доклад начальника штаба, потом начал разговор с прибывшими к нему для доклада начальниками.

Но скоро разговор их был прерван. Блюхер получил сообщение о том, что в Богоявленский завод прибыл командир отряда—тов. Калмыков. Блюхер предложил своим подчиненным прибыть с докладом на другой день, а сам отправился в штаб Богоявленского отряда.

Тов. Калмыков подробно сообщил Блюхеру все данные о состоянии своего отряда, подтвердил, что бойцы отряда действительно сильно утомлены и нуждаются в отдыхе. Вместе с этим Калмыков сообщил, что белогвардейцы начинают проявлять активность в районе Архангельского завода.

Блюхер предложил Калмыкову заменить его отряд одним из полков Южно-Уральского отряда. На этом же совещании они договорились и о порядке снабжения Богоявленским от-

рядом оружием и боевыми припасами частей Южно-Уральского отряда. Таким образом по всем главным вопросам решение было принято.

Вечером 1-й Уральский стрелковый полк уже выступал из Богоявленского завода на смену Богоявленского отряда. А поздней ночью в Богоявленский завод прибыл весь Богоявленский отряд. К этому же времени все части Южно-Уральского отряда сосредоточились в Богоявленске и ближайших к нему деревнях. Красноармейцы были уже осведомлены о том, что здесь их снабдят патронами, снарядами. Они знали, что богоявленцы не могут им дать хлеба, так как они сами не имели его. Но красноармейцы Южно-Уральского отряда охотно сокращали норму потребления хлеба. Они радовались предстоящему получению патронов больше, чем обрадовались бы получению хлеба.

Утром 15-го августа красноармейцы Южно-Уральского отряда под руководством богоявленских партизан бродили по окрестным горам и лесам. Они рыли землю, выкапывали глубокие ямы и извлекали оттуда патроны, снаряды, винтовки. Тотчас же все это распределялось по полкам, ротам и отдельным красноармейцам. Добытые патроны и снаряды пошли исключительно для раздачи их на руки красноармейцам. Их было не настолько много, чтобы часть их можно было передать в отдел снабжения в качестве «неприкосновенного запаса».

Но и этим все были довольны.

В то время, когда красноармейцы Южно-Уральского отряда вместе с богоявленскими партизанами были заняты поисками патронов и снарядов, Блюхер с Калмыковым вели беседу о дальнейших действиях своих отрядов.

— Так вот, тов. Калмыков,—говорил Блюхер—мы решили двигаться через ст. Иглино в район Кунгура. Мы знаем, что около ст. Иглино белогвардейцы нас встретят большими силами и, конечно, постараются все сделать для того, чтобы разбить нас на голову и не выпустить нас из своих рук.

— Я тоже так думаю—ответил Калмыков.

— Наш отряд,—продолжал Блюхер—решился какой угодно ценой выбраться из кольца белогвардейцев и соединиться с регулярными частями Красной Армии. Теперь нам нужно решить вопрос о том, как быть с вашим отрядом: пойдет-ли он с нами, или останется здесь, в Богоявленском заводе?

— Что вы, что вы?—изумился Калмыков,—Бойцы Богоявленского отряда отлично учитывают всю обстановку. Мы все давно уже решили покинуть Богоявленский завод и также прорвать кольцо белых. Мы давно бы уже приступили к осу-

ществлению своего намерения, но, узнав о вашем отряде, мы решили соединиться с вами, чтобы совместными действиями преодолеть все препятствия.

— Значит, вы определенно решили двигаться вместе с нами, и никаких изменений в принятом вами решении не может быть?

— Да, конечно,—подтверждал Калмыков,—решение принято, продумано и оно не будет изменено.

— Интересно—спросил Блюхер—много-ли в вашем отряде коммунистов, сколько всего бойцов в Богоявленском и Архангельском отрядах, можно-ли полагаться на их верность?

— Коммунистов у нас немного. В Богоявленском и Архангельском отрядах их всего имеется около сорока человек. Но, несмотря на это, на всех партизан можно положиться, и я глубоко убежден в том, что среди них мы не встретим ни одного предателя. Всего в двух отрядах имеется людей немного более трех тысяч, из них двести человек конных, остальные—пехотинцы. Имеются два горных орудия.

— В таком случае нам нужно не терять времени и скорее выходить из Богоявленского завода. Иначе белогвардейцы сосредоточат крупные силы и сами поведут против нас наступление. Как вы думаете?

— Я согласен с вами; думаю, что нам нужно немедленно выбираться отсюда. Что же; у нас все готово, завтра уже можно будет начать движение. Хорошо?

— Согласен. Сегодня вечером устроим общее собрание всех бойцов Богоявленского отряда с представителями Архангельского отряда; я немного побеседую с ними, познакомлюсь, а завтра отправимся в путь. Сумеем-ли так сделать?

— Сумеем. Вечером весь мой отряд будет собран. Я позову вас на собрание, и окончательно примем решение о дальнейшем движении.

На этом закончился разговор Блюхера с Калмыковым...

Около восьми часов вечера собрались богоявленцы и представители Аргангельского отряда. Собрание было устроено в саду владельца Богоявленского завода, крупного помещика. Широкие аллеи сада служили местом расположения для собравшихся. Большой, старинный, кирпичный особняк помещика с большими колоннами, покрытыми белой краской, служил эстрадой для ораторов. На собрание пришли не только бойцы Богоявленского отряда—местные рабочие, но и их отцы—старики, их жены и дети. Все они собрались для решения участи Богоявленского и Архангельского отрядов.

Густые деревья сада и темная осенняя ночь скрывали от взоров постороннего зрителя лица собравшихся. Разбушевавшийся ветер всеми силами старался заглушить голоса собравшихся.

Два фонаря с керосиновыми лампами, прикрепленные к колоннам особняка, тускло освещали сад.

Скоро около колонны, у светящегося фонаря появились Калмыков и Блюхер.

— Товарищи,—громко начал говорить Калмыков,—слово предоставляется Главкому Южно-Уральского отряда, тов. Блюхеру.

Тотчас же все собравшиеся прекратили разговоры и устремили свои взоры на колонну, у которой стоял Блюхер.

Блюхер начал свою речь:

— Товарищи, наш Южно-Уральский отряд, состоящий из рабочих, крестьян и казаков, более трех месяцев ведет борьбу с белогвардейцами. Мы бились с ними на равнинах Оренбургских степей, бились с ними в Уральских горах, всячески стараясь преодолеть их сопротивление, разбить их. Но до сих пор мы не могли сделать этого. Белогвардейцы получили очень крупную поддержку в лице чехо-словаков и бывших офицеров. Буржуазия также не жалеет денег для оказания им помощи. И мы убедились в том, что мелкими партизанскими отрядами нам не разбить нашего сильного противника. Он имеет хорошо обученный командный состав, он имеет возможность получать от буржуазии крупные средства для ведения борьбы с нами. Белогвардейцы спешно формируют свою сильную армию для борьбы с нами.

Цели и задачи наступления белогвардейцев на Советскую власть понятны. Советская власть для них является бельмом на глазу. Они никак не могут помириться с тем, что у власти рабочие и крестьяне; они не могут помириться с тем, что земли помещиков переданы крестьянам, что и фабрики и заводы переданы пролетарскому государству. Они боятся потерять имеющиеся у них богатства, нажитые ими потом и кровью трудящихся.

Белогвардейцы понимают, что всем движением руководит Коммунистическая партия. Они отлично сознают, что Советская власть и Коммунистическая партия являются одним целым, неделимым. Они стремятся всеми силами опорочить Коммунистическую партию. С этой целью они и распространяют о нашей партии различные небылицы вроде того, что мы отбираем у крестьян лошадей, что мы национализируем женщин, крестьянские избы и прочее. Ведь белогвардейцы так заврались, что в некоторых местах они не стесняются даже говорить о том, что коммунисты—не обыкновенные люди, что у них имеются хвосты.

Всего вранья белогвардейцев о коммунистах не перечислишь. Оно слишком велико, разнообразно и глупо. Но белогвардейцы пользуются своими глупыми сказками для при-

влечения в свою армию несознательных крестьян и рабочих. И те верят им и благодаря своей несознательности идут защищать интересы капиталистов и помещиков.

Рабоче-крестьянское правительство сейчас организует свою армию, Красную Армию, для того, чтобы вступить в решительный бой с белогвардейцами. Но пока еще Красная Армия не сформирована. Отдельные отряды рабочих и крестьян оказывают сопротивление белым отрядам, обороняются от них, но пока они еще не могут перейти в наступление.

В тяжелых условиях приходится вести борьбу рабочим и крестьянам со своим врагом, но несомненно, что они победят его не только в России, но и во всем мире. Наш отряд все время был оторван от регулярных частей Красной Армии. Мы не могли пополняться боевыми припасами, и поэтому нельзя было больше оставаться в белогвардейском кольце. Мы твердо решили порвать его и соединиться с регулярными частями Красной армии. Соединившись с ними, мы пополним их ряды, сумеем ускорить поражение белых. Кроме того, нам нельзя оставаться здесь в качестве партизанского отряда еще и потому, что белогвардейцы в конце концов задушат нас, и мы не сумеем оказать им сопротивления за недостатком патронов и снарядов.

Теперь мы идем для того, чтобы прорваться через кольцо белых. Это—твердое намерение всего нашего отряда. Вам мы предлагаем присоединиться к нам. Для решения этого вопроса и собрали с тов. Калмыковым вас. Сейчас нужно решить: останетесь-ли вы здесь, или пойдете вместе с нами. Помните, товарищи, что мы не принуждаем вас следовать с нами. Решайте все это сами. Выбирайте для себя то, что удобнее для вас. Вот все, что я хотел сказать вам. Если для кого-нибудь имеется в моих словах непонятное, неясное—задавайте вопросы, и я постараюсь подробно ответить на них. Кто, товарищи, желает задать вопрос?

Все собравшиеся молчали в течение нескольких минут. Потом все начали громко говорить.

—Все понятно и ясно. Никаких вопросов у нас нет. Об Южно-Уральском отряде мы уже давно знаем и у нас есть свое решение относительно дальнейших действий Богоявленского и Архангельского отрядов. Мы все пойдем вместе с блюхеровцами—каширинцами...

— Товарищи! товарищи!--прервал Калмыков,—я буду голосовать наше решение. Кто за то, чтобы нам соединиться с Южно-Уральским отрядом и следовать вместе с ним—тех прошу поднять руки.

Богоявленцы и представители Архангельского отряда все, как один, подняли вверх руки.

Вопрос был решен.

— Еще вот очень важный вопрос нам приходится выяснить теперь,—продолжал Калмыков—как мы поступим с нашими семьями: будем-ли их брать с собой. Нужно сказать, что в Южно-Уральском отряде имеется очень много беженцев. Они переносят в дороге тяжелые страдания и лишения. Они получают крайне ограниченное количество хлеба, испытывают большие неудобства при передвижении и, конечно, создают большие неудобства для всего отряда. Я думаю, что нам не следовало бы увеличивать обоза беженцев, и полагаю, что мы должны оставить свои семьи в Богоявленске. Я знаю, что наши семьи будут находиться в Богоявленске в необычайно тяжелых условиях; я знаю, что белые всячески будут их преследовать, но полагаю, что другого выхода нет. Я кончаю и предлагаю немного подумать об этом, взвесить все, а через полчаса мы проголосуем.

Калмыков отошел от колонны. Сел вместе с Блюхером на громадной ступеньке помещичьего дома.

Богоявленские и архангельские рабочие вместе со своими семьями рассыпались по саду и толковали по поводу вопроса, заданного Калмыковым. Они говорили о том, что положение их необычайно тяжелое, что остающиеся в Богоявленске и Архангельске семьи партизан окажутся в крайне неблагоприятных материальных условиях. Не приходилось, конечно, рассчитывать и на великодушие белогвардейцев, которые скоро займут Богоявленск и Архангельск. Жаль оставлять семьи белогвардейцам, но—неизвестно, будет-ли лучше семьям от того, что они отправятся вместе с отрядом. Далекий путь, отсутствие продовольствия пугали не меньше, чем белогвардейские отряды. Приходилось из двух зол выбирать меньшее.

Жены рабочих, правда, старались всячески доказать своим мужьям, что оставление их невозможно, безрассудно. Они говорили и об ожидающем их голоде, об отсутствии заработка. Некоторые из них, обремененные ребятами, пытались даже уговорить своих мужей, что если и они останутся с ними, то им белые ничего не сделают и, вероятно, ограничатся непродолжительным арестом или несколькими ударами нагайки.

Одни женщины вели разговор со своими мужьями спокойно, приводили в подтверждение своего мнения различные доводы. Другие—не могли спокойно рассуждать в этот момент. Они плакали, рыдали, прижимая к груди маленьких ребят.

Жены рабочих еще не видели сами жестокостей белогвардейцев. Они слыхали о них только от мужей. Они верили рассказам мужей, соглашались с ними, но они никак не могли допустить того, чтобы люди могли так озвереть.

Приведенные рабочими многочисленные примеры расправы белых над красноармейцами, их издевательств и беспощадного уничтожения рассеяли сомнения женщин. С большим трудом и сильными страданиями они отказывались от своего намерения—следовать вместе с отрядом. Тяжело было на душе, с большим трудом они примирились с предложением Калмыкова об оставлении семейств в Богоявленском и Архангельском заводах.

Звуки чугунной плиты, подвешенной на веревке к столбу, служившей раньше вместо парового свистка в качестве приспособления для сбора рабочих на завод, прервали беседу рабочих. Все опять собрались у крыльца помещичьего особняка.

Калмыков не заставил долго ждать. Нервно покручивая свои густые усы, он опять вышел к колонне и повел беседу с боевыми товарищами.

— Я, товарищи, сразу приступаю к голосованию известного вам вопроса. Кто за то, чтобы взять семьи с собой, тех прошу поднять руки.

Рабочие и их семьи молча стояли у качавшихся от ветра деревьев. Никто из них не поднял руки.

— Тогда я буду голосовать по другому. Кто за то, чтобы оставить свои семьи здесь, на месте—поднимите руки!

Тихо рабочие подняли вверх руки.

Голосование закончилось.

Калмыков еще раз обратился к своим товарищам.

— Завтра, значит, мы выступим из Богоявленска, пойдем на соединение с регулярными частями. Поэтому ночью все бойцы должны приготовиться к трудному и большому походу. Я кончил...

— Будем готовы, не задержимся,—отвечали рабочие и начали расходиться по своим квартирам.

Всю ночь с 15-го на 16-е августа рабочие Богоявленского и Архангельского заводов провели в сборах. Они подробно наказывали женам, о чем они не должны будут говорить белогвардейцам по занятии ими завода. Рабочие торопились привести в порядок свое небольшое хозяйство. Они будили своих уснувшись детей, чтобы провести вместе с ними последнюю ночь, чтобы попрощаться с ними может быть навсегда...

Утром 16-го августа Южно-Уральский отряд вместе с влившимися в него богоявленцами выступил из Богоявленского завода. Все население завода вышло провожать своих мужей, отцов и братьев. Оно вместе с бойцами двигалось по узким улицам Богоявленска, провожало их далеко за пределы завода.

Остающиеся в Богоявленске не могли спокойно расстаться с уходящими. Они плакали, провожая дорогих для себя людей.

Из толпы раздавались выкрики:

— Да здравствуют красные бойцы!

— Смерть палачам-белогвардейцам!

Отряд уходил из Богоявленского завода. Люди и повозки вновь потянулись по узкой проселочной дороге. Двигались в Архангельский завод.

18-го августа отряд уже прибыл в Архангельский завод. И здесь, как и в Богоявленске, партизан не было дома. Они все были на фронте. Архангельский отряд вел бой с наступавшими на них из Уфы белогвардейцами.

Белогвардейцы и в районе Архангельского завода думали перейти в наступление, чтобы овладеть Архангельским заводом. Осуществляя свое намерение, они сосредоточили на реке Белой, в 15 верстах западнее Архангельска, крупные силы и вот уже несколько дней пытались перебраться через Белую и разбить партизан.

Белогвардейцы занимали западный берег Белой, партизаны—восточный. Сравнительно неширокое русло реки позволяло тем и другим вести перестрелку, не переправляясь через реку. Три дня они вели таким образом бой. Наконец, белые переправились через Белую. Архангельские партизаны решили обмануть противника. Они умышленно начали отходить к дер. Ирныкши, что в восьми верстах от восточного берега Белой, стараясь показать, что они не выдерживают натиска белогвардейцев. Белые, увлеченные успехом, стремительно развивали свое наступление. Но успех был обманчив. К этому времени в Архангельский завод уже прибыл весь Южно-Уральский отряд, и в помощь архангельцам был выслан кавалерийский имени С. Разина полк. Архангельцы и кавалерийский полк совершенно неожиданно для белых перешли в наступление и заставили их быстро отходить назад. Удивленный и обескураженный противник отходил к Белой, а конной атакой кавалерийского полка белые были вынуждены, не считаясь ни с чем, броситься в реку, думая переплыть ее. Но неудача была слишком велика. Немногим из белогвардейцев удалось переплыть на другой берег или скрыться в лесу. Около трехсот человек были порублены красными кавалеристами и застрелены пехотинцами Архангельского завода.

Архангельцы, разбив противника, спокойно возвращались к вечеру в Архангельский завод. Они были уверены, что в ближайшие дни противник не осмелится напасть на них и что теперь, с прибытием Южно-Уральского отряда, борьба с белогвардейцами значительно облегчается.

Архангельские партизаны собрались в завод, чтобы по образцу богоявленцев закончить свои домашние дела, попро-

щаться с семьями и на другой день вместе с Южно-Уральским отрядом уйти из своего селения.

Колеблющихся, нерешающихся на дальнейшую борьбу— не было. Все готовы были ее продолжать, добиться победы.

22 августа, днем, Архангельский отряд вместе с блюхеровцами-каширинцами выходил из завода. Бодрые, уверенные в победе красноармейцы прощальным взором окидывали покидаемых ими родственников и друзей. Они спешили к станции Иглино, торопились занять ее, пока противник не успел еще там сосредоточить крупные силы. Нужно было торопиться. Запасы патронов, снарядов и продовольствия истощались, силы белогвардейцев росли, и промедление грозило роковым поражением...

XVII

Недолго Южно-Уральский отряд двигался без боев. Коварный враг не хотел его выпускать из своих рук. Он опять готовил вооруженную «встречу» на удобном для него месте.

Такая «встреча» была устроена в тридцати верстах от Архангельского завода, на берегах горной реки Сим.

Подошедший к Симу авангард Южно-Уральского отряда— Архангельский полк—вынужден был остановиться перед быстро текущей рекой. Переправиться на другой берег нельзя было. Во-первых, Сим слишком глубок, и ни один красноармеец не сумел-бы перейти его. Во-вторых, на другом берегу сосредоточился противник, и каждому, кто попытался бы переплыть Сим, безусловно грозила смерть.

Противник непрерывно обстреливал с другого берега авангард Южно-Уральского отряда, и потому постройка моста через Сим на виду противника также была невозможна.

Нужно было во чтобы то ни стало сбить противника. Авангард применил хитрость. Архангельский полк вел бой у дер. Бердина Поляна, расположенной на занятом противником берегу. Архангельская конная сотня была разбита на две части и отправлена за несколько верст от дер. Бердина Поляна вверх и вниз по течению реки. Кавалеристы скрытно приблизились к берегу реки, на лошадях переплыли на берег противника и с флангов бросились на него. Ошеломленные белогвардейцы быстро снялись со своих позиций и отстреливаясь ушли в леса, оставив на поле боя около восьмидесяти человек убитыми.

Отступление противника дало возможность перебраться к вечеру на другой берег Сима всему Архангельскому полку. Все остальные части Южно-Уральского отряда также подошли к берегу, но переправляться не решались. Если Архангельскому полку удалось без обозов переплыть Сим на поваленных грозой деревьях, то остальные части этого не могли сделать. Для такой переправы понадобилось-бы необычайно

много времени, что сильно задержало бы движение отряда. Кроме того, нельзя было таким способом переправлять многочисленные обозы, артиллерию, раненых и беженцев. Решено было приступить к постройке моста через реку.

Саперная команда с помощью пехотинцев взялась за постройку моста. Быстро спиливали сосны, сколачивали из них козлы и расставляли их поперек реки. К высоким корявым козлам, чуть-чуть показывавшимся над водой, прикрепляли на толстые, самодельные шпили неотесанные балки. Балки застилались мелкими соснами, которые должны были служить полом строившегося моста. Для экономии гвоздей пол не прикреплялся к балкам. Его привязывали к ним веревками. Вследствие этого мост был непрочен, неустойчив и каждую минуту можно было ожидать, что он не выдержит напора буйного Сима и свалится от ударов его волн.

Однако, несмотря на непрочность моста, красноармейцы длинной, редкой цепочкой тянулись через него. На ходу они поддерживали один другого руками, местами ползли на четвереньках, но всетаки перебирались через мост благополучно. С большой осторожностью приходилось переправлять через мост лошадей и повозки. И крайне опасный момент был при перевозке артиллерийских орудий и зарядных ящиков. Если бы их повезли лошадьми, то безусловно мост под их тяжестью обрушился бы. Но все меры для предотвращения несчастья были приняты. Орудия и снарядные ящики через мост катили руками, а потом уже проводили по мосту громадных артиллерийских лошадей.

Когда весь Южно-Уральский отряд перебрался через реку, тотчас-же построенный в течение дня мост был зажжен.

Уже догорали последние бревна моста, когда с берега Сима снимались последние части Южно-Уральского отряда.

Красноармейцы были поглощены думами о предстоящей решительной схватке с белогвардейцами...

Два дня ходьбы до ст. Иглино и там... решительная схватка.

26-го августа утром части Южно-Уральского отряда находились в 10 верстах юго-восточнее ст. Иглино, в районе дер. Алатарка.

Части не теряли времени и действовали стремительно. Заняв дер. Алатарку, отряд тотчас, же выслал к железной дороге (по направлению к Уфе) две конных сотни. Предполагалось, что белогвардейцы, в случае поражения своих частей в районе ст. Иглино начнут им посылать по железной дороге большие подкрепления. Поэтому высланная конница должна была испортить железнодорожный путь, чтобы не дать возможности продвигаться поездам, идущим из Уфы.

Но конница сумела сделать больше. Приближаясь к железнодорожному полотну, кавалеристы заметили быстро идущий в Уфу пассажирский поезд Подъехав к насыпи, кавалеристы открыли стрельбу по пассажирскому поезду. Но поезд не останавливался. Позднее выяснилось, что кавалеристами был обстрелян поезд, в котором ехали члены Учредительного Собрания (в том числе Чернов, Брешко-Брешковская) на прогремевшее в свое время «Уфимское Совещание». Кавалеристы разобрали в нескольких местах железнодорожный путь и установили за ним тщательное наблюдение.

Около полудня из Уфы направлялся к ст. Иглино поезд, имеющий в своем составе 16-18 товарных вагонов. Кавалеристы и этот поезд начали обстреливать. Но он медленно продвигался вперед до тех пор, пока ему не пришлось остановиться у разобранного пути. Заметив неисправность пути, поезд отошел назад и остановился. Через некоторое время из остановившегося поезда вышли около шестисот чехов и повели наступление на кавалеристов. Кавалеристы не могли устоять и постепенно с боем отходили к дер. Алатарка. У дер. Алатарка противника ждали уже другие части Южно-Уральского отряда. Батальон Верхнеуральского и батальон Белорецкого полков приготовились к обороне деревни. Они успели уже вырыть окопы, немного познакомились с местностью. Конница вышла из боя и на всякий случай скрылась в лес. Два батальона должны были встретить противника и разбить его.

На ст. Иглино к этому времени прибыл еще один эшелон белогвардейцев—польских легионеров, имевший в своем составе около тысячи человек. Легионеры держались пассивно. Они занимали станцию, очевидно ожидая нападения на нее, но в бою участия не принимали.

Чехи, стреляя из пулеметов и винтовок, приближались к дер. Алатарка. Они были уже в 400 шагах от окопов, занимаемых Верхнеуральским и Белорецким батальонами. В это время из окопов посыпался град пуль. Чехи растерялись и панически начали отступать, оставив на поле боя несколько человек убитыми и два пулемета.

Потом, оправившись, чехи возобновили свое наступление. На этот раз их нисколько не смущали косившие их ряды пули. Они шли напролом, рассчитывая, видимо, на то, что красноармейцы все-таки дрогнут и отойдут. Действительно, так и случилось. Необеспеченные патронами красноармейцы не могли противостоять чехам и отошли. Чехи заняли красноармейские окопы и вошли в деревню Алатарку.

Но этим бой не закончился. На поддержку Верхнеуральскому и Белорецкому батальонам были высланы еще два батальона Верхнеуральского полка. И красноармейцы, не сму-

тившись своей неудачей, перешли в наступление. Красноармейцы, за неимением патронов, действовали исключительно штыками. Только на флангах наступающих цепей работали пулеметы. Наступление красноармейцев «в штыки», вероятно, показалось чехам невероятным: они не предполагали, чтобы солдаты молодой, только что формирующейся армии, могли столь храбро вести себя в бою. Они думали, что красноармейцы неспособны к штыковому бою. Но по настроению наступающих красноармейских цепей они убеждались в обратном. Не считаясь с крупными потерями, красноармейцы продвигались вперед. Они выбили чехов из дер. Алатарка, очистили занимавшиеся ими ранее окопы и продолжали преследование. Под давлением красноармейцев чехи отошли к железнодорожному полотну, погрузились в свои вагоны и укатили в Уфу. Вслед за ними без боя снялись легионеры и также отправились в Уфу.

Бой закончился. Обе стороны понесли значительные потери. Красноармейцы потеряли тридцать человек убитыми и шестьдесят ранеными; чехи оставили на поле боя восемьдесят человек убитыми, сто пятьдесят ранеными и семьдесят пленными.

Допрошенные пленные чехи дали крайне ценные показания. Они сообщили, что в Уфе царит тревога, все опасаются, что Уфу может занять Южно-Уральский отряд, (опасения действительно были основательными, т. к. отряд проходил в двенадцати верстах от Уфы). В Уфе формировались роты «особого назначения». Формировались роты из гимназистов, реалистов, студентов и офицеров. Все готовили к бою.

Белогвардейцы, как выяснилось, слали в Оренбург и Казань (в то время также занимаемые белыми) телеграммы с просьбой о присылке подкреплений. Очевидно, на свои силы было мало надежды. Вокруг Уфы рылись окопы, устанавливались проволочные заграждения. Боязнь белых была напрасной. Южно-Уральский отряд не имел намерения занимать Уфу. Занимая Уфу, отряд ничего бы не выиграл. Ему пришлось бы громадные силы отвлечь на несение гарнизонной службы, в скором времени он вынужден был бы отбивать наступление белых, которые не замедлили бы начать его. А кроме всего—и самое главное—это то, что с занятием Уфы Южно-Уральский отряд не разрешил бы своей главной задачи—не вышел бы из белогвардейского кольца.

Занятие Уфы не облегчило бы положения Южно-Уральского отряда, а потому никаких попыток к занятию ее им не предпринималось.

Движение отряда в небольшом удалении от Уфы не только внесло сильную панику в ряды белогвардейцев, находящихся в городе, но и оказало очень ценную услугу регулярным красноармейским частям, действовавшим в районе Казани. Белогвар-

дейцы, желая обеспечить свой тыл, снимали некоторые части в районе Казани и отправляли их под Уфу. Этим они ослабляли свои силы, бывшие у Казани, и дали возможность красноармейским частям занять Казань.

Белогвардейцы потерпели поражение под Уфой и не спасли Казани...

Части Южно-Уральского отряда заняли ст. Иглино. Самаро-Златоустовская ж д. на двадцать верст в ту и другую сторону от ст. Иглино была захвачена отрядом.

Все знали, что с уходом отряда со ст. Иглино белогвардейцы начнут усиленно подвозить по железной дороге свои части для преследования отряда. Поэтому нужно было произвести наибольшие разрушения дороги, чтобы противник потратил максимум времени для ее восстановления. Опять саперная команда под руководством Суворова взялась за работу. На станции саперы сняли телеграфные и телефонные аппараты, разрушили стрелки, на протяжении нескольких верст спилили телеграфные столбы и сожгли мосты. Все это давало небольшие гарантии, что белые не сумеют начать быстрое преследование отряда.

Два дня работали саперы на железной дороге. В это время все части отряда расположились на ст. Иглино и в прилежащих к ней деревнях. Красноармейцы отдыхали.

Они говорили:

— Самое страшное сделано, дальше легче будет.

— Уж коли здесь они ничего не сумели с нами сделать, так уж ничего им больше не удастся сделать.

— Ишь ты, какие ловкие, думали, что мы в Уфу пойдем. Уже испугались, небось страху-то мы нагнали на них.

— Вот так штука. Дрессированные чехи с пулеметами и большими запасами патронов не могли отбить наших ребят, у которых кроме штыков-то и не было ничего.

— Конечно, ушли мы от белых!

Красноармейцы поселились у крестьян. Все они мылись у них в бане, стирали себе белье. С большим интересом красноармейцы расспрашивали крестьян о том, как-то жилось им у белых.

— Ничего,—говорили крестьяне,—только чорт их знает, что они делают: везде ищут большевиков и боятся их как чумы. У нас в селе не было ни одного большевика, а вот, по указанию местного попа и бывшего урядника, зарубили казаки пятерых недавно демобилизовавшихся солдат: большевики, говорят. И ни за что ни про что погибли ребята. Раньше вся деревня говорила: вот, мол, придут чехи к нам, так они привезут нам в деревню ситцу и другой мануфактуры. Ан ошиблись! Пришли чехи-то, да и давай вместе с казаками пороть нашего брата, да расстреливать. Вот-те и мануфактура! Вот-те и народная власть с учредительным собранием—теперь-то мы узнали их по настоящему.

С чувством раскаяния выслушивали крестьяне укоризненные замечания красноармейцев. Они уже сознавали, что ошиблись в своих расчетах. Но они не хотели вступать добровольцами в Красную Армию.

— Ведь сейчас-то у белых и у красных воюют добровольцы,—рассуждали крестьяне,—авось, белые-то не будут брать на военную службу, а коли возьмут, так уйдем к красным.

Крестьяне (за небольшими исключениями) ждали, что «лучшие времена» для них кто-то другой завоюет; красноармейцы ни на кого не надеялись. Они рассчитывали только на себя, на свои силы, они твердо верили в то, что рабочие в союзе с крестьянами победят своих господ и победят так, что последние никогда уж больше не попытаются возобновлять борьбу с трудящимися.

XVIII

Бодрые, одушевленные последними победами части Южно-Уральского отряда подходили 2-го сентября к берегам реки Уфимки. За два дня они уже прошли пятьдесят верст от ст. Иглино.

Отряд расположился на отдых на восточном берегу реки Уфимки в районе дер. Красный Яр.

Отряд должен был переправиться на западный берег Уфимки. Моста на реке не было. О переправе вплавь нельзя было и думать: река в этом месте настолько глубока, что вполне пригодна для движения пароходов, значительная ширина русла (120 сажен) углубляла трудность положения.

Имелся в деревне Красный Яр небольшой паром, но он не мог удовлетворить нужду отряда. Паром мог поднять 20-30 человек, не больше. Пользуясь исключительно паромом, пришлось бы потратить на переправу людей и лошадей около двух недель. Решили приступить к постройке моста. Постройка моста была опять поручена саперной команде. Много умения требовалось для постройки моста через Уфимку длиною в 120 сажен. Нужны были знающие строительное дело люди, но их в отряде не было. И примитивным способом, с большими промахами и недочетами была начата постройка моста. Прежде всего постройка затруднялась отсутствием строительного материала. Чтобы не тратить много времени на заготовку лесного материала, купили у татар, жителей дер. Красный Яр, несколько заброшенных, нежилых домов, сломали их, а бревна, доски, гвозди этих домов употребили на постройку моста.

В то время, когда уже приступили к постройке моста, белогвардейцы повели на отряд наступление. Около восьмисот человек при двух орудиях белогвардейцы сосредоточили на западном берегу Уфимки. Они своей стрельбой препятствовали постройке моста. Одновременно с этим шестьсот чехов с

четырьмя сотнями казаков и артиллерийскими орудиями вели решительное наступление на части Южно-Уральского отряда, расположенные на восточном берегу. Отряд сгруппировался на территории 6-7 квадратных верст. Пространство было столь незначительным, что оно насквозь простреливалось артиллерией противника. Все пространство, занимавшееся отрядом, усеивалось разрывавшимися белогвардейскими снарядами. Это значительно затрудняло постройку моста.

Белогвардейцы так сильно нажимали, что ясно было их большое желание разбить весь отряд и остатки его потопить в Уфимке. Были моменты, когда казалось, что положение Южно-Уральского отряда безнадежно.

Штаб находился в одной из крестьянских изб дер. Красный Яр. Через каждые десять минут штаб получал донесения от частей о ходе боя. Донесения были необычайно тревожные. Не было надежды на то, что бой кончится поражением белогвардейцев. Все думали о собственном поражении. Оно было очевидным. Не только снаряды противника рвались около штаба, но и винтовочные пули ложились на улицы деревни, попадали в окна штаба. Все сотрудники штаба были уверены в том, что противнику удастся ворваться в деревню.

Все находившиеся в штабе решили, что на сколько у них в револьверах хватит патронов, они будут отстреливаться. После того, когда уже все патроны будут израсходованы, придется кончить самоубийством, но не сдаваться врагу живыми. Для самоубийства весь штаб избрал следующий способ: один ад'ютант должен был застрелить другого (Суворова), после этого начальник штаба должен был застрелить ад'ютанта, помощник главкома тов. Баранов должен был застрелить начальника штаба, а главком, т. Блюхер-тов. Баранова. Но и отчаявшись штаб не прекращал боевой работы. Он прилагал все усилия для спасения Южно-Уральского отряда.

В качестве последнего способа для отпора противнику было предпринято следующее: Верхнеуральскому кавалерийскому и стрелковому полкам приказано было немедленно же на пароме переправиться на западный берег Уфимки, очистить его от белогвардейцев и тем самым создать более благоприятную обстановку для постройки моста. Ночью с 2-го на 3-е сентября верхнеуральцы начали переправляться на пароме на западный берег Уфимки. Всю ночь переправлялись верхнеуральцы. Пользуясь ночным затишьем, саперы при помощи жителей деревни Красный Яр в течение всей ночи производили постройку моста. При свете фонарей, огарков свечей сколачивались неуклюжие козлы, тесались балки. Все готовилось для того, чтобы с рассветом приступить к установке моста.

К рассвету два верхнеуральских полка переправились на западный берег. Тотчас же верхнеуральцы перешли в наступление на белогвардейцев. Несмотря на сильное сопротивление, белогвардейцы были опрокинуты, рассеяны. Двести человек было взято в плен, часть порублена и остальные, бросившиеся в реку Уфимку, утонули или были побиты бомбами.

Весь отряд белогвардейцев, находящийся на западном берегу Уфимки был разбит. Захваченные у белых, два орудия и шесть пулеметов пополнили вооружение Южно-Уральского отряда.

Однако, части противника, действовавшие на восточном берегу, продолжали вести наступление. Артиллерийским обстрелом белогвардейцы продолжали препятствовать постройке моста. Под обстрелом саперы все таки продолжали свою работу. Скоро были спущены козлы, сделан настил и даже были устроены перила.

Грубо был построен мост. Он не был ровным, гладким. В одной части мост представлял глубокую яму, в другой небольшое возвышение, потом опять яму и т.д. Края моста так же накренивались то в одну, то в другую сторону. Но тщательной отделкой моста заниматься не приходилось—время не ждало. Нужно было начинать переправу на другой берег. Но переправиться всему отряду при наступлении белых на восточном берегу нельзя было, так как белым предоставлялась возможность переправы на другой берег по этому же мосту. Необходимо было разбить противника и только тогда можно было без риска переправиться всему отряду.

Очень счастливый случай помог Южно-Уральскому отряду рассеять и здесь противника. В одну из наших частей, находящихся у дер. Красный Яр, в день боя приехал верховой белый казак с пакетом и обращаясь к красноармейцам спросил:

— А где бы мне увидеть господина батальонного командира?

Красноармейцы поняли, что казак ошибочно попал в расположение Южно-Уральского отряда и решили использовать появление казака в выгодах своего отряда. Красноармейцы направили казака к своему ротному командиру, выдавая его за батальонного. Под'ехав к командиру роты, казак обратился к нему со следующими словами:

— Господин батальонный, честь имею явиться. Разрешите вам вручить пакет.

Командир роты предложил казаку слезть с лошади. Принял от него пакет. Вскрыл его. В пакете оказались очень ценные белогвардейские оперативные приказы, из которых видны были намерения противника. Командир роты позвал командира взвода и, называя его товарищем, приказал отвести казака в штаб отряда. Казак, услыхав слово «товарищ», понял, что он попал в плен, и начал молить о прощении. До-

ставленный в штаб пакет с оперативными приказами оказал очень ценную услугу. Тотчас же был составлен приказ о наступлении на белогвардейцев. Южно-Уральский отряд, за исключением верхнеуральских полков перешел в наступление. Через несколько часов противник вынужден был отойти к станции Иглино.

3-го сентября вечером отряд начал переправу через Уфимку. Сначала по мосту потянулись обозы беженцев, санитарной части и продовольственные. Потом начали движение и строевые части. Артиллерийских лошадей и орудия опять переправляли на пароме.

Всю ночь по мосту длиною в сто двадцать сажен шли части Южно-Уральского отряда и к утру переправа была удачно закончена. Затем мост был сожжен.

Все бойцы почувствовали облегчение—была пройдена последняя сложная преграда. Не сумели белые победить быстроты действий Южно-Уральского отряда, не сумели использовать своего крайне выгодного положения и безусловно лишились последней возможности разбить уральских партизан.

Красноармейцы Южно-Уральского отряда, перебравшись через Уфимку, говорили:

— Хотели белые и в Уфимке искупать нас, да не удалось.

— Ловко наши саперы за один день смастерили мост длиной в сто двадцать сажен. Белоручки-офицеры наверняка бы без инженеров и техников не сумели бы построить такого моста. А наш брат рабочий на все руки мастер. Живо построили мост. Правда, кривой мост-то построили, но все-таки все мы сумели перебраться через него.

Южно-Уральский отряд продолжал свое движение на Кунгур. Белогвардейцы не осмеливались уже больше преграждать путь уральским партизанам. Но они всячески старались спровоцировать крестьян тех местностей, через которые проходил отряд, пытались их враждебно настроить против партизан. Из попадавших в отряд уфимских белогвардейских газет видно было, что белые всеми силами стремились распространить среди крестьян различные небылицы. Белые писали в газетах: «Отряд бандитов Каширина-Блюхера в боях под деревней Красный Яр на голову разбит нашими частями. Красные были загнаны нашими частями в реку Уфимку, и трупы их плывут по реке. Сам Каширин убит. Нами захвачено у красных два орудия и шесть пулеметов».

Все свои поражения белые отнесли за счет красных.

Белые не один раз сообщали в своих газетах о том, что в боях им удавалось «убить» Каширина и Блюхера. Но потом без всякого стыда они вновь помещали сведения о появлении в том или ином районе Блюхера и Каширина со своим отрядом.

Красных командиров и особенно организаторов Южно-Уральского отряда белогвардейцы ненавидели. Они применяли самые подлые способы борьбы с ними. В Бирском уезде, например, большие были расклеены в деревнях об'явления, в которых они призывали красноармейцев Южно-Уральского отряда прекратить борьбу с ними. Они обещали красноармейцам «полное прощение их прежних преступлений», обещали их кормить белым хлебом и снабдить хорошим обмундированием.

Кроме этого белогвардейцы призывали красноармейцев предать своих вождей тов. Блюхера и братьев Каширинных. Предателям они обещали выдать награду в двадцать тысяч рублей.

Но попытки белогвардейцев не имели успеха. Предателей они не нашли.

Крестьяне больше верили красноармейцам Южно-Уральского отряда, чем широковещательным белогвардейским об'явлениям. Они больше доверяли живому слову красноармейцев-крестьян чем небылицам, распространяемым белогвардейскими газетами. И в то время, когда Южно-Уральский отряд находился в пути, от ст. Иглино до Кунгура, в отряд вступили добровольцами около пятисот крестьян. В тех же случаях,— когда крестьяне не решались вступать добровольцами, они оказывали отряду различные услуги. Они радушно принимали у себя беженцев отряда, помогали беженкам в уходе за ребятами, снабжали их продовольствием не только на время остановки, но и на дальнейший путь. Крестьяне столь же охотно сообщали красноармейцам отряда и различные сведения о расположении белогвардейских частей. С помощью крестьян отряд избирал для себя наиболее безопасный путь.

Отряд продвигался на север, не встречая больше на своем пути сопротивления белогвардейцев. И с каждым днем у всего отряда все больше и больше росла уверенность в том, что скоро ему удастся выбраться с территории белых, соединиться с регулярными красноармейскими частями. Все с нетерпением ждали момента, когда удастся встретиться с красноармейскими частями и получить возможность вместе с ними продолжить борьбу.

XIX

Пройдя сто восемьдесят верст от дер. Красный Яр, части Южно-Уральского отряда узнали от крестьян, что в дер. Аскино, что на Кунгурском тракте, находятся регулярные красноармейские части.

Велика была радость красноармейцев отряда, когда они узнали, что они достигли желанной цели, что они достигли места, где хозяевами положения являются сами рабочие и крестьяне.

Нужно было скорее установить связь с красноармейскими частями.

12-го сентября части Южно-Уральского отряда вплотную подошли к дер. Аскино. Для связи с красноармейскими частями была выслана конная сотня во главе с начальником штаба Троицкого отряда тов. Русяевым.

Медленно приближался высланный отряд к деревне Аскино. Быстро заметили красноармейские заставы этот отряд. Красноармейцы недоумевали: откуда могли столь внезапно появиться белогвардейцы? Приняв сотню Южно-Уральского отряда за белогвардейцев, красноармейцы открыли по ней стрельбу. Тогда сотня Южно Уральского отряда решилась пленить нескольких красноармейцев для того, чтобы с их помощью можно было передать об истинном положении вещей.

Быстрой атакой перешла сотня Южно-Уральского отряда в наступление на красноармейцев. Не применяя оружия, сотне удалось захватить нескольких красноармейцев и с их помощью сообщить о себе.

Красноармейцы попросили сотню заехать в деревню Аскино для переговоров. С большим недоверием смотрели красноармейцы на прибывшую сотню. Они продолжали принимать красноармейцев Южно-Уральского отряда за белых. И только уже после того, как начальник штаба Троицкого отряда тов. Русяев показал им свой мандат, сомнения их несколько рассеялись, но не полностью.

Командир роты спрашивал тов. Русяева:

— Ваш мандат подписан вашим главкомом, а почему же нет подписи военкома?

Такой вопрос привел Русяева в некоторое смущение. Но он ответил:

— У нас во всем отряде нет ни одного военкома. А военкомов у нас нет потому, что нам очень нужны люди для занятия командных должностей. Кроме того политработу во время похода нам в отряде не приходилось вести: каждый день были бои или крупные переходы, ни одной свободной минуты у нас не было.

Командир роты все-таки сомневался. Но о прибытии сотни Южно-Уральского отряда немедленно сообщил по телефону в штаб своей 1-й Бирской бригады и оттуда получил приказание получить точные сведения о составе отряда, об его командирах.

Все требуемые сведения Русяевым были даны. Через Русяева главкому Блюхеру было передано из штаба 1-й Бирской бригады предложение явиться для личных переговоров...

Вечером главком Блюхер прибыл со своим ад'ютантом в штаб 1-й Бирской бригады для переговоров с командиром бригады.

—Прежде всего Блюхер засыпал командира бригады вопросами.

Как формируются у вас красноармейские части: из добровольцев или из мобилизованных? Какую роль играют

военкомы? Имеются ли запасы снарядов, патронов, обмундирования? Хорошая ли в частях дисциплина? Как организована армия?

Находясь три месяца в белогвардейском кольце, Блюхер и все командиры Южно-Уральского отряда многого не знали, о многом не имели правильного представления. Три месяца они были разобщены с советскими войсками. Поэтому о многих реформах Красной Армии они не знали и не слыхали.

Командиры Южно-Уральского отряда думали, что они встретят небольшие красноармейские отряды, которые действуют вразброд, не об'единенные в крупные соединения. Они думали, что красноармейские части также сильно нуждаются в боевых припасах, в обмундировании.

Но командиры Южно-Уральского отряда были приятно удивлены, узнав, что красноармейцы об'единены в армии, бригады, полки. Они были очень обрадованы тем, что красноармейские части в полной мере обеспечиваются боевыми припасами и обмундированием.

В свою очередь и командиры первой Бирской бригады не думали о том, что им удастся встретить столь сильный, крупный и спаянный железной дисциплиной партизанский отряд.

Выяснив недоуменные вопросы, Блюхер попросил вызвать по телеграфу для переговоров военкома Уральской Области Голощекина. С ним Блюхер выяснял вопросы боевого характера, договаривался о пункте сосредоточения Южно-Уральского отряда, о порядке его снабжения. Все было выяснено.

13-го сентября вечером главкомом Южно-Уральского отряда из штаба армии была получена телеграмма следующего содержания:

«Из штаба Третьей Армии.

Приветствуем доблестные отряды Блюхера-Каширина. Ждем их—своих верных бойцов. Передайте наш сердечный привет командирам.

Огнестрельные припасы в первую голову можно взять из первой Бирской бригады, хотя их там и не особенно много, но все-таки есть запас.

Передайте конкретнее, какое количество и чего требуется, мы немедленно приступим к добыванию этих запасов. Относительно места вашего расположения и действий пока ничего определенного нельзя сказать, так как для этого с вами нужно выяснить общее наше положение и выработать общий план. В настоящее время нас беспокоит Ижевское и Воткинское восстание и банды, появившиеся на левом берегу Камы, в районе с. Богородское. Нам кажется, что для разрешения всех вопросов вам необходимо приехать для личных переговоров в штаб армии, оставив в отряде своего заместителя.

Указываем на затруднительное положение гор. Осы. И в случае появления в районе Осы банд, временно будет прекра

Движение Западно-Уральского отряда (отмечено пунктиром).

щено снабжение ваших войск, т. к. из Перми все это получается водным путем и дальше уже отправляется на подводах. На это обстоятельство нужно обратить серьезное внимание.

Реввоенсовет Третьей Армии».

В этот же день командующий Южно-Уральским отрядом Блюхер отправил такую телеграмму:

«Москва Совнарком, Пермь Областному Комитету РКП(б.), командующему Третьей Армией.

Приветствую вас от имени Южно-Уральских войск в составе полков:

Верхнеуральского, Белорецкого, 1-го Уральского стрелкового, Архангельского, Богоявленского, 17-го Уральского стрелкового, 1-го Оренбургского казачьего имени С. Разина, Верхнеуральского казачьего полка, отдельных кавалерийских сотен и артиллерийского дивизиона.

В вашем лице приветствую Российскую Рабоче-Крестьянскую Советскую Республику и ее славные красные войска.

Проделав беспримерный, полуторатысячный переход по Уральским горам и области, охваченной восстанием казачества и белогвардейцев, формируясь и разбивая противника, мы вышли сюда для того, чтобы вести дальнейшую борьбу с контр-революцией в тесном единении с нашими родными уральскими войсками, и твердо верим в то, что недалек тот день, когда красное знамя коммунизма взовьется над Уралом.

Командующий Южно-Уральским отрядом *Блюхер».*

15-го сентября весь Южно-Уральский отряд направился в город Кунгур. Он получил от командующего армией приказание сосредоточиться в Кунгуре, получить там боевые припасы, обмундирование, получить заслуженный отдых, чтобы с новыми силами перейти в наступление на наседающих белогвардейцев.

23-го сентября части Южно-Уральского отряда уже входили в Кунгур. В изорванных шинелях, в худых сапогах, а иногда обутые в лапти или даже босые шли красноармейцы Южно-Уральского отряда. Но они были бодры и смелы. Они радовались, что им удалось соединиться с регулярными красноармейскими частями, они радовались, что в скором времени они опять вступят в бой с белогвардейцами, чтобы нанести им решительное поражение.

Красноармейцы Южно-Уральского отряда не спрашивали о том, сколько им придется отдыхать, они не спрашивали, когда им выдадут новое обмундирование.

Их постоянный вопрос был таков:

— Есть ли патроны, снаряды, скоро ли мы пойдем на фронт?

Они по старой привычке беспокоились за снабжение боевыми припасами. Они не верили своим глазам, когда видели громадные склады патронов, снарядов, и приговаривали:

— Ах, какое богатство! Если бы раньше нам попало все это в руки, так не столь бы дешево отделались от нас белогвардейцы, не такой бы маленький урон мы нанесли им.

— Если бы у нас были раньше патроны, мы бы заняли Уфу и теперь бы Советские войска, конечно, имели бы в своих руках все Поволжье...

Красноармейцы Южно-Уральского отряда не унывали от того, что белогвардейцы заняли Урал и Поволжье. Они верили в свои силы и надеялись в ближайшее время отбить у противника захваченную им территорию.

— Мы полторы тысячи верст прошли под ударами белых и все-таки мы устояли. Теперь мы пройдем десять тысяч верст и не только Урал и Поволжье освободим от белогвардейцев, но очистим от них и всю Сибирь. Рабочие и крестьяне нас буду ждать с большим нетерпением и встретять нас с великой радостью. Трудящиеся пойдут за Коммунистической Партией, а не за буржуазией. Так говорили красноармейцы Южно-Уральского отряда.

Свое слово они выполнили. Получив боевые припасы, они вместе с частями Третьей Армии перешли в наступление на белых. Правда, они в скором времени потерпели поражение и вынуждены были, оставив в руках белых Кунгур и Пермь, отойти к г. Вятке. Но и эта неудача была временной. В начале 1919-го года они вновь перешли в наступление на белые армии.

Шаг за шагом теснили красные части белых. Белогвардейцы начали отступление по всем направлениям и безостановочно уходили на восток, в глубь Сибири.

Южно-Уральский отряд, переформированный в тридцатую стрелковую дивизию, вместе с другими красными частями продолжал преследование врага. Десять тысяч верст сделала тридцатая дивизия пешком по горам Урала, лесам Сибири и равнинам Юга России. Она с честью вышла из борьбы с белогвардейщиной.

Испытанные бойцы Урала завершили начатое трудящимися всей России дело. Они сбросили со своих плеч буржуазную власть и установили новую, свою пролетарскую.

Многие из них не вернулись на свои фабрики, заводы и поля—пали в сражениях. Они отдавали без страха свою жизнь за Советскую власть, за дело трудящихся всего мира...

Оставшиеся в живых заняты мирной работой. Они вспоминают прошлые сражения и в нужный момент готовы опять грудью встать для защиты своей власти, для защиты прав трудящихся...

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Содержание.

Стр.

I. Дутовский мятеж. Взятие Оренбурга красногвардейскими отрядами. Борьба за Верхнеуральск. Разгром Дутова . . 3— 8
II. Чехо-словацкое восстание. Хозяйничанье чехо-словаков в Троицке . . . . . 8—18
III. Действия Верхнеуральского и Троицкого отрядов. Занятие чехо-словаками Уфы. Николай Каширин идет из Оренбурга на выручку соединенным отрядам . . . . . 18—22
IV. Мы очищаем Верхнеуральск. Неудачное наступление белогвардейцев на Белорецкий завод . . . . . 23—31
V. Верхнеуральско-Белорецкий отряд решает бороться до конца . . . . . 31—33
VI. Соединение Верхнеуральско-Белорецкого с отрядами Блюхера и Каширина . . . . . 33—34
VII. Образование Южно-Уральского отряда. Николай Каширин принимает командование над отрядом. Решение пробиваться на соединение с Красной Армией . . . . . 36—38
VIII. Ожесточенные бои у Верхнеуральска. Измена Енборисова и Каюкова . . . . . 38—48
IX. Действия отряда М. В. Калмыкова под Уфой. Установление связи с отрядом Каширина . . . . . 48—57
X. Отряд Каширина начинает отступление на Уфу . . . . . 57—63
XI. Отход Верхнеуральского стрелкового полка. Геройская гибель пулеметчика Бачурина . . . . . 63—66
XII. Замена главкома Каширина Блюхером . . . . . 66—67
XIII. Заботы о беженцах . . . . . 67—69
XIV. Оставление Белорецкого завода . . . . . 69—72
XV. Отряд Блюхера с боями подходит к Богоявленскому заводу 72—80
XVI. Соединение отрядов Блюхера и Калмыкова. Движение к ст. Иглино на соединение с регулярными красными частями 80—90
XVII. Переправа через реку Сим. Успешные бои с чехами у ст. Иглино . . . . . 90—95
XVIII. Поражение чехов на реке Уфимке . . . . . 95—99
XIX. Соединение Блюхеровского отряда с передовыми частями Третьей Красной Армии. Заключение . . . . . 99—104

Уралобллит № 1145. Тираж 10 000 экз.

Екатеринбург, тип. „Гранит“ Акц. О-ва Уралкнига. Заказ № 2275.

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛКНИГА

НАХОДЯТСЯ В ПРОДАЖЕ:

КНИГИ ДЛЯ ЧЛЕНОВ Р. К. П. ЛЕНИНСКОГО ПРИЗЫВА:

Г. Зиновьев—История РКП (б). (2-е изд). Цена 45 к.
,, В. И. Ленин. (2-е изд.). Цена 5 к.
,, Ближайшие задачи партии после кончины Ленина. Цена 15 к.
Л. Каменев—Ленин и коммунистическая партия. (2-е изд.). Цена 12 к.
«Единственный неповторяемый»—Сборник памяти Ленина, составл. Н. Райвид и В. Касперским. (2-е изд.). Цена 75 к.
Устав и программа Р. К. П. Цена 8 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Г. Зиновьев—Проблемы германской революции. Цена 30 к.
,, Что такое комсомол и чем он должен стать. Цена 16 к.
,, Пролетарская революция и учительство. Цена 12 к.
Ю. Мархлевский—Революционное движение в Германии и Польше. Цена 15 к.
Стенографический отчет VI Уральск. Обл. Конференции Р. К. П. (б). Цена 2 руб.
Вопросы коммунистического просвещения—Сборник, составленный Д. Романовским и А. Суницей. Вып. 1-й. Цена 65 коп.

МАРКСИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Ф. Энгельс—Развитие социализма от утопии к науке. Цена 30 к.
М. Лядов—Ленинизм. Цена 15 к.

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА.

Анат. Герасимов—Год в колчаковском застенке. Цена 35 к.
А. Берс—Пугачевщина. Цена 35 к.
А. Каптерев—Дубинщина. Цена 30 к.
Н. Шушканов. Я. Свердлов. Цена 20 к.
«Живой Гранит» Сборник по истории юношеского движения на Урале. Цена 70 к.
Колчаковщина—Сборник к 5-лет. освобожд. Урала от Колчака Ц. 1 р 10 к.

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА.

1. **Н. Ленин**—О кооперации. Цена 7 к.
2. **Н. Ленин**—О концессиях. Цена 12 к.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА КРЕСТЬЯНИНА.

Кн. 1-я. Агроном **Н. И. Ларцев.** Как избавиться от неурожая и как бороться с засухой.
Кн. 2-я. Агроном **В. П. Авилов.** Делай сам урожай—обрабатывай правильно почву.
Кн. 3-я. Агроном **В. П. Авилов.** Боритесь с межниками.
Кн. 4-я. Агроном **П. Е. Патрушев.** Подготовка семян к посеву.
Кн. 5-я. Агроном **Н. А. Длугоканский.** Сельско-хозяйственные кружки.
Кн. 6-я. Ветерин. врач **Д. А. Луканин.** Заразные болезни домашних животных.
Кн. 7-я. Агроном **Н. И. Ларцев.** Огородничество на Урале.
Кн. 8-я. **Ю. М. Колосов.** Вредители огородных растений Урала.
Кн. 9-я. Агроном **А. Левинсон.** Беседы по сельскому хозяйству.
Кн. 10-я Агроном **Н. И. Ларцев.** Доходный ягодный сад на Урале.

БИБЛИОТЕКА ИЗБЫ-ЧИТАЛЬНИ.

Кн. 1-я. **А. Шубин.** Какая польза крестьянину от районирования.
Кн. 2-я. **А. Шубин.** Советская власть и крестьянство.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Джек Лондон—Бывалый. Цена 55 к.
Н. Ляшко—Рассказ о кандалах. Цена 18 к.
Юр. Либединский—Неделя. Цена 50 к.
В. Владимирский—Володька Кольцов. Цена 25 к.
Н. Асеев—Буденный. Цена 5 к.
Вс. Иванов—Партизаны. Цена 45 к.
,, —Бронепоезд № 14, 69. Цена 50 к.
Р. Лефевр и Кутюрье—Солдатская война. Цена 70 к.
Пав. Дорохов—Половодье. Цена 40 к.
,, —Новая жизнь. Цена 25 к.
Вл. Зазубрин—Два мира. Цена 1 р. 50 к.
Эптон Синклер—Джунгли. Цена 1 р. 30 к.
Л. Сейфуллина—Перегной. Цена 55 к.
,, Правонарушители. Цена 25 к.
Ив. Манохин—Многополье. Агитпьеса. Цена 25 к.
Труд и борьба—Лит.-худ. хрестоматия. Составил П. Нестеров при участии Н. Клементьева. Цена 1 р. 50 к.
А. Неверов. Бабы. Пьеса. Цена 40 к.
,, Марья—большевичка. Рассказы. Цена 28 к.
А. Зуев. Смута. Рассказ. Цена 35 к.

РАЗНЫЕ.

К. Л. Ковзан—Руководство для рабочих и красноармейских спортивных кружков. Цена 85 к.
А. Ш.—Советы пролетарской хозяйке. Цена 60 к.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ.

А. Соколов—Три революции.
Пав. Дорохов—Колчаковщина. Хроника.
П. Дорохов. Житье-бытье.
А. Бондин. Враги. Пьеса.
Э. Томпсон. Темногривый Билли.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ НОВЫЕ ВЫПУСКИ ЛЕНИНСКОЙ БИБЛИОТЕЧКИ.

Н. Ленин. О религии.
,, О войне.
,, Каким должно быть советское государство.
,, О работнице и крестьянке.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: ЕКАТЕРИНБУРГ, УЛИЦА ВАЙНЕРА, № 12.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР УРАЛКНИГИ.

ЦЕНА 50 КОП.

СКЛАД ИЗДАНИЯ

Г. Екатеринбург, улица Вайнера, 12

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР УРАЛКНИГИ.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ

Ильинка 4, помещ. 29.